

БРАТЯ БАЙРН

ТИХИМЕ

Клягвы

ДЖИЛЛ РАМСОВЕР

Я хотела уйти из мафии и неожиданно добилась своего, только все оказалось хуже, чем я могла себе представить. Меня пообещали ирландцам. Брак по расчету ради союза. Через две короткие недели Коннер Рид станет моим мужем. У меня нет выбора. Мой отец убьет меня, если я откажусь. Безжалостный ирландец угрожает моему самообладанию и опьяняет мои чувства. Он олицетворяет собой все, что я ненавижу в этом мире, и в то же время пробуждает мои самые темные желания. Я не могу убежать от него. Хуже всего то, что я не уверена, что хочу этого. Потому что моя жизнь в опасности, и Коннер может быть единственным мужчиной, который может меня спасти.

Перевод: **stp_books** (t.me/+m08DPkMMvntiOWYy)

Оформление обложки: **Кристина** (@kriskarra)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Некоторые события в жизни настолько преобразуют человека, что он теряет дар речи. Когда шесть месяцев назад мой отец убил мою мать, я не могла выговорить ни слова. Ничто из того, что я могла сказать, не помогло бы мне понять или уберечь меня от опасности, поэтому я решила вообще ничего не говорить.

За последние шесть месяцев я не сказала ни слова.

Ни брату, ни лучшему другу. Даже наедине с собой в темноте.

Я не произнесла ни звука с тех пор, как очнулась в больнице после автокатастрофы, унесшей жизнь моей матери. Сначала я находилась в состоянии шока, переваривая случившееся и пытаюсь осознать масштабы потери — мои мать и отец погибли в одно мгновение.

Может быть, отца и не было в той машине, но для меня он все равно был мертв.

Он организовал аварию, которая отняла у меня лучшую часть моего мира. Мою маму. Моё сердце. Без нее в моей душе образовалась зияющая дыра.

В разгар моей душевной тоски, страх и ярость кипели под моей поверхностью. Все это было направлено на одного человека. Того самого человека, который должен был стать моим утешением и убежищем. Я так разозлилась на отца, что боялась того, что могу сказать. Что он услышит обвинения и разочарование, которыми были наполнены мои слова, и поймет, что я знаю правду.

Поэтому я не смела открыть рот.

Синяк на шее от ремня безопасности и предположения врачей о возможной травме дали мне прекрасное оправдание. Мой отец был слишком счастлив принять мое молчание. Он вернул меня домой, в жизнь, которую я больше не узнавала. Жизнь под замком.

Дни превращались в недели, потом в месяцы.

Единственное время в день, когда я могла побыть одна за стенами отцовского дома, — это во время утренней прогулки за кофе. Каждое утро мне разрешалось ходить за кофе — разумеется, под присмотром. Умберто, головорез, которому было поручено следить за мной, после первых двух месяцев перестал ходить за мной внутрь по моим ежедневным поручениям. Он стоял снаружи и разговаривал по телефону, пока я сидела за столиком со своим завтраком и размышляла о том, как вырваться из лап мафиозной жизни, которую я теперь ненавидела.

Я бы сбежала, если бы все было так просто, но так не бывает. Проблема заключалась в моем младшем брате. Я не могла его бросить, но уговорить его пойти со мной было бы непросто. Он боготворил моего отца. Всегда боготворил. Даже если бы отец разрешил нам остаться вдвоем без присмотра, убедить Санте было бы непосильной задачей. Эта дилемма мучила меня каждый день. Я ждала подходящего случая, но после шести месяцев постоянного наблюдения я с каждым днем все больше беспокоилась, что шанса не представится.

— Привет, Ноэми. Как обычно? — Добрый пожилой джентльмен за стойкой помахал рукой, когда я вошла. Утренняя команда кофейни знала меня по имени, хотя я никогда с ними не разговаривала. Только один раз мне пришлось написать объяснение своему молчанию, что было облегчением. Они отнеслись ко мне с пониманием и сделали все, что нужно.

Я улыбнулась и кивнула. Расплатившись на кассе, я заняла место как можно дальше от двери и достала свою книгу. Мой телефон прослушивался, поэтому я редко им пользовалась, даже чтобы развеять скуку. Раньше я никогда не любила читать, но в последнее время это стало моим любимым развлечением. Я была всего на нескольких страницах главы, когда позади меня раздался мужской голос.

— Тебе не следует придерживать столь очевидного распорядка дня. Неужели никто никогда не говорил тебе об этом?

Я не видела его, но знала, что комментарий был адресован мне. Хотя характер его замечания должен был бы меня насторожить, именно соблазнительная манера его глубокого голоса касаться моей шеи, заставила мой позвоночник напрячься.

Медленно, я повернулась, чтобы посмотреть на мужчину, который сидел позади меня, и попыталась вспомнить, как дышать, когда мой взгляд столкнулся с самыми синими глазами, которые я когда-либо видела. Глубокий синий цвет так сиял, что гипнотизировал, как те рыбы на дне океана, которые отвлекают свою добычу яркими огнями, прежде чем

проглотить ее целиком. Даже тень, отбрасываемая его выдающимися бровями, не могла заглушить богатство цвета.

Прошло целых двадцать секунд, прежде чем смысл его слов прорвался сквозь мое оцепенение и вернул меня к рациональному мышлению.

Откуда он узнал, что я соблюдаю распорядок дня?

Я бы наверняка заметила, если бы этот человек был постоянным посетителем кафе. Даже без его завораживающих глаз, он был не из тех, кого можно забыть. Овеянный атмосферой власти и привилегий, его присутствие требовало внимания и уважения. Возможно, даже страха. Это было видно по угловатому разрезу его челюсти и властной манере поведения. Он был прекрасным хищником, и он наблюдал за мной. Почему? Как долго? И почему я этого не замечала?

Раздосадованная, я повернулась обратно и решила игнорировать его, не зная, что еще можно сделать.

— Но опять же, возможно, не все так предсказуемо.

Мои глаза зацепились за страницу. Я должна была знать, что такой мужчина, как он, не примет отказа.

— Кажется, что каждая книга, которую я вижу в руках женщины, — это роман, создающий в их головах нереальные ожидания идеальной сказочной жизни. Но ты ведь читаешь не это?

Моя книга была об убийстве. Таинственный роман, чтобы занять мои мысли, а не заикливаться на проблемах. Я любила романтику, как и все девушки, но мне нужно было что-то более мрачное и захватывающее. Что-то более соотносимое с состоянием моей жизни.

Не зная, чем еще заняться, я достала блокнот, который всегда держала при себе. Я планировала написать записку, объясняющую, что не могу говорить, в надежде, что это положит конец нашей встрече, но другие слова материализовались у меня сами собой.

Разве разумно ожидать, что мужчины окажутся порядочными людьми?

Я не могла поверить, что вступаю с ним в разговор, даже когда подталкивала к нему блокнот.

Смятение, которое, как я ожидала, он проявит из-за отсутствия словесного ответа, так и не было продемонстрировано. Вместо этого меня встретила волчья ухмылка.

— Ожидать порядочности от кого-либо, будь то мужчина или женщина, неразумно. По моему опыту, мы не так уж сильно отличаемся от наших доисторических предков, как нам хотелось бы верить.

Я подняла бровь и нацарапала свой ответ.

Говори за себя.

Я ничего не могла с собой поделать. Что — то в его лице качнуло чашу весов моего самообладания после нескольких месяцев идеальной сдержанности.

Тень приглушила бирюзовые блики в его глазах. — Поверь мне, я такой и есть. Во мне нет абсолютно ничего порядочного.

Потрясенная резкостью его ответа, я уставилась на него, когда он поднялся со своего места. Ожидая, что он уйдет, я снова удивилась, когда он подошел к стойке, чтобы забрать мой кофе и бублик. Я была настолько поглощена нашим обменом мнениями, что не услышала, как бариста назвал мое имя.

Незнакомец поставил передо мной еду, поднес большой палец к своим идеальным

губам и пососал кусочек сливочного сыра, в то время как его глаза цвета кобальта пригвоздили меня к месту.

— Приятного завтрака, — пробормотал он, а затем небрежно ушел.

Я была совершенно ошеломлена после одной из самых странных встреч в моей жизни. Помимо странной темы нашего короткого разговора, он и глазом не моргнул на отсутствие у меня вербальной коммуникации. Как будто он уже знал об этом. Но как? Знал ли он, кто я?

Я вдруг стала корить себя за то, что не спросила его имени. Мой взгляд вернулся к его удаляющейся фигуре, когда он прошел через дверь кафе, а затем снова появился за окном магазина. В одно мгновение Умберто оказался один на один с женщиной, бросая ему вызов с такой же энергией, как разъяренный носорог.

Видел ли Умберто, как мужчина разговаривал со мной? Нет, потому что если бы он видел, то сразу же вошел бы и вступил с ним в схватку. Если не это, то почему он был так зол? Мой тюремщик был отвлечен, и я уверена, что это добавило ему раздражительности, но все же было необычно, что он был так настроен.

Все мое тело напряглось, когда я наблюдала за схваткой этих двоих. Умберто был огромен, но незнакомец, казалось, ничуть не волновался. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что защищаться от разъяренных головорезов — для него обычное дело. Он был воплощением холодного безразличия, что, казалось, только еще больше разозлило Умберто.

Сторожевой пес моего отца усмехнулся, подняв руку, чтобы ткнуть пальцем в грудь мужчины. Прежде чем он успел нанести удар, кулаки мужчины, казалось бы, из ниоткуда, нанесли серию ударов, таких жестоких и молниеносных, что Умберто упал на землю, как свинцовая гиря. Он даже не успел нанести ни одного удара.

Незнакомец плюнул на своего бессознательного противника, а затем мгновенно вернулся к безмятежной пассивности, как будто последних десяти секунд и не было. Он пригладил свои черные волнистые волосы твердой рукой, повернулся и пристально посмотрел на меня, прежде чем исчезнуть в глубине улицы.

Как будто мне нужна была еще одна причина ненавидеть жизнь с мафией, в которой я родилась.

Безжалостные амбиции и бессердечное неуважение ко всем, кто попадался им на пути, были врожденными качествами всех мафиози. Я не знала, кто этот незнакомец, но он был таким же плохим, как и все остальные. Может быть, даже хуже.

Во мне нет абсолютно ничего порядочного.

Я вздрогнула от вспомнившихся слов, а затем поспешила на улицу, чтобы проверить, как там мой неудачливый телохранитель. Умберто лежал на холодном тротуаре Нью-Йорка. Впервые за шесть месяцев у меня появилась редкая возможность ускользнуть и раствориться в городе. Я могла бежать. Поехать к кухне и все ей рассказать.

А как же Санте? Какого будет ему?

Одинокий. Брошенный. Я не могла этого сделать. Не было смысла притворяться, что бежать без него — это вообще вариант.

Сделав глубокий вдох, я опустила на корточки и похлопала Умберто по щеке, тряся его до тех пор, пока он не проснулся с серией невнятных ругательств.

— Чертов щенок. Куда он делся? — Он оглядывал улицу вдоль и поперек.

Я не обратила внимания на его вопрос и помогла ему подняться на ноги. Он вытер окровавленный нос тыльной стороной рукава, и я ушла, чтобы собрать свои вещи в магазине. Я бросила недоеденную еду и проигнорировала любопытные взгляды всех присутствующих в

кафе. Я была далеко не единственной, кто наблюдал за разворачивающейся сценой.

— Давай убираться отсюда, — проворчал он, как только я вернулась на улицу. Его голос был приглушен, и я невольно задумалась, не сломан ли у него нос. Не то чтобы это имело для меня значение. Как один из лакеев моего отца, он, вероятно, заслуживал гораздо худшего.

Я последовала за ним к машине, с любопытством разглядывая таинственного незнакомца и слегка разочарованная тем, что меня лишили привычного кофе. По крайней мере, утро не было скучным, это уж точно.

— Господи, Берто, — воскликнул мой брат, когда мы вернулись домой. — Что, черт возьми, с тобой случилось? — Санте осмотрел меня, чтобы убедиться, что я не пострадала, а затем вернул свое внимание к моему окровавленному охраннику.

Умберто только хрюкнул и потопал в сторону ванной.

Я достала свой блокнот и объяснила.

Просто небольшая стычка на улице.

Санте покачал головой. — Этот парень никогда не мог отступить. Такой вспыльчивый.

Я ухмыльнулась, находя забавным, что он считает себя намного взрослее. В свои семнадцать лет он вряд ли был воплощением логики и здравых решений. На самом деле, после смерти нашей матери его переменчивые подростковые эмоции стали еще сильнее. Мне было неприятно наблюдать за его изменениями — отчасти потому, что раньше он всегда был таким милым, но также потому, что пережитые трудности усилили его желание пойти по мафиозным стопам моего отца. Он видел власть и престиж, но не замечал уродливых аспектов этой работы.

Мафия превращала людей в монстров. Она высасывала всю их человечность и оставляла их души безнадежно изуродованными. Я не могла придумать ничего более ужасного, чем превращение Санте. Но он боготворил нашего отца и мафию. Он не хотел слушать то, что я хотела сказать. Я бы сразу рассказала ему правду о том, что произошло, если бы думала, что он мне поверит. Если бы я думала, что это спасет его.

Я хотела помочь своему младшему брату, но мне пришлось бы искать другой способ. Я не слишком продвинулась в решении этой конкретной проблемы, но, по крайней мере, я убедила его не бросать школу. Я доказывала в своих записках, что мама была бы убита горем, если бы он ушел до окончания школы. Он неохотно согласился посещать выпускной класс через месяц, когда начались занятия. Это была маленькая победа, но все же победа. И пока я не выиграю войну, я буду продолжать молчаливую борьбу с влиянием отца. Это было то, чего хотела бы моя мама — то, что она сделала бы, если бы он не убил ее.

Грустно улыбнувшись Санте, я подняла голову вверх, чтобы показать, что направляюсь в свою комнату, и скрылась наверху. Оставшись одна, я плюхнулась на кровать и подняла руку, чтобы посмотреть на книгу, которую все еще держала в руках. Я изучала небольшой надрыв на обложке твердой книги, хотя мой разум был занят мыслями о паре пленительных синих глаз.

Это было так типично, что такой мужчина, как он, насмехался над идеей романтики. Он, вероятно, сомневался в существовании чего-либо, чего не испытал сам, например, сочувствия и сострадания. Такой мрачный, узкий взгляд на мир. Если бы не искра тепла,

которую я почувствовала под его ледяным синим взглядом, я бы поклялась, что этот человек безнадежно оторван от человечности.

В дверь постучали, вырвав меня из раздумий и заставив выронить книгу. Мой отец, Фаусто Манчини, самый влиятельный капо в семье Моретти, стоял в дверях. В течение многих лет он был скорее именем, чем реальным присутствием в моей жизни. Мама, Санте и даже наш повар были большей частью моей жизни, чем он. Его отсутствие вызывало во мне чувства покинутости и обиды, когда я была моложе. Теперь, когда у меня было шесть месяцев его тиранического внимания, я благодарю Бога, что отец игнорировал мое существование так долго раньше.

— Я должен уехать из города на следующие два дня. Я не хочу слышать, что ты хоть на шаг переступила черту. — Его едкий голос висел в воздухе вокруг меня, как ядовитый газ, отравляя мои внутренности.

С тех пор как я покинула больницу, у меня не было ни дня отдыха от его зловещего присутствия. Мысль о двух днях вдали от него заставила мое сердце трепетать от предвкушения.

Он, должно быть, почувствовал мою реакцию, потому что уголки его глаз напряглись. — Не пытайся, Ноэми. Плохие вещи случаются с теми, кто бросает мне вызов. — Он шагнул ближе в мою комнату. — Я думаю, ты знаешь это, не так ли? — Он изучал меня, а я пыталась выровнять дыхание, хотя мои легкие сжались от его намека. Это был первый раз, когда он дал понять, что подозревает, что я знаю правду. Почему сейчас? Потому что он уезжал из города и хотел убедиться, что я буду вести себя хорошо?

— Я видел, как ты смотришь на меня, — продолжал он. — Тебе не нужно говорить ни слова, чтобы я мог прочитать твои мысли. — Его глубокие глаза цвета красного дерева опустились на руки, когда он небрежно оценивал состояние своих ухоженных пальцев. — Два дня. Я буду наблюдать. — Он бросил на меня последний взгляд, прежде чем уйти.

Его не слишком завуалированная угроза была излишней, потому что он был прав. Я точно знала, что он сделал, и я уже была напугана до смерти. Если бы он подумал, что есть хоть какой-то шанс, что я расскажу кому-то о его поступке, он убил бы меня в одно мгновение.

Я не могла понять, что моя мама видела в нем. Неужели он всегда был таким бессердечным? Возможно ли, чтобы кто-то был таким милым, как мой брат, и превратился в такого жестокого человека?

Мой желудок сжался от такой возможности.

Это разбило бы мне сердце — сидеть и смотреть, как Санте превращается в нечто неузнаваемое.

Они не все такие плохие, как отец.

Правда. Дядя Джино был вполне приличным. Казалось, он заботился о тете Этте маминой сестре-близняшке. Но если бы ему пришлось выбирать между женой и своими амбициями, что оказалось бы на первом месте? Я не была уверена, и это говорило о многом. Ни один из членов семьи, с которыми я выросла, не мог ответить на этот вопрос однозначно. Конечно, они были достаточно дружелюбны на встречах, но могли быть и пугающе холодными.

Я не хотела ставить свою жизнь на ответ на этот вопрос. Я не хотела участвовать в мафиозном мире.

У меня не было ни своих денег, ни очевидного выхода, но я не сдавалась. Возможность

появится, и я буду готова, когда она появится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Одной неделей ранее

— Ты знаешь, что мы не прекратим, пока каждый из них не перестанет дышать. — Я крепко прижимал к себе тетю Фиону, пока последние члены семьи, попрощавшись с дядей Броуди, расходились по машинам. Осталась только ближайшая семья Байрнов, нас было около трех десятков. На похороны пришли сотни людей. Даже моих бабушку и дедушку отвезли на час за город, чтобы похоронить их сына, хотя они редко покидали свой дом.

Вдова моего дяди сотрясалась от приглушенных рыданий. Мне захотелось поджечь весь город.

Албанцы выпустили пять пуль в грудь Броуди возле одного из наших клубов. Мы немедленно отправились за ними и нанесли ответный удар, завалив полдюжины их людей, но эти ублюдки были как тараканы. Мы до последнего не видели их.

— Пойдем, ма. Давай отвезем тебя домой. — Оран, старший из детей Фионы и Броуди, взял свою мать под руку и мрачно поблагодарил меня, прежде чем повести ее к их машине.

Пока я смотрел, как они уходят, мой дядя Джимми подошел и встал рядом со мной. Хотя три брата Байрна и мой отец совместными усилиями вернули нашу организацию из неизвестности, Джимми был негласным лидером. Он также был моим крестным отцом и человеком, на которого я стремился быть похожим. Я уважал и любил своего отца, но Джимми был неприкасаемым. В его присутствии мир затихал. В детстве я изучал все о нем. Теперь, когда я вырос, я каждый день старался заслужить его уважение.

— Этого никогда бы не случилось пятьдесят лет назад. — Он похлопал меня по плечу. — В те времена, когда ирландцы владели Адской кухней, никто не посмел бы с нами возиться.

— Меня тогда не было, но я видел, что вы смогли создать только за последние десять

лет. Благодаря вам мы близки к тому, чтобы вновь обрести ту силу, которую знали Пэдди и другие в те времена.

— Мы к этому идем, но другие организации все еще считают нас слабыми. Это единственная причина, по которой они пришли за нами. Они никогда не осмелятся напасть на итальянцев или русских. — Джимми начал медленно идти в сторону улицы, я шел рядом с ним. — Что это говорит о нас? Это говорит о том, что они считают нас уязвимыми. Мишенью. — Он сделал паузу и несколько тактов стоял молча. Когда он заговорил снова, его голос был похож на низкий раскат далекого грома. — Все должно измениться.

Я встретил его стальной серый взгляд с непоколебимой уверенностью. — Ты скажешь мне, что нужно, и я сделаю это.

Подбородок слегка опустился в знак одобрения, и он продолжил идти. — Скажи мне, как прошел твой ужин с итальянцами? У меня не было возможности спросить обо всем, что произошло.

В ту же ночь, когда моего дядю застрелили, я по просьбе Джимми впервые встретился со своей биологической матерью. Она была не только чертовой итальянкой, но и чертовой Дженовезе — женой консьюльери семьи Лучиано, Эдуардо Дженовезе. Я ужинал, подобно гребаной семейке Брэди, пока дядя Броуди истекал кровью на тротуаре. Я злился, что не был там, чтобы помочь ему, но дядя Джимми настаивал на том, чтобы я встретился с моей биологической матерью. У меня не было никакого желания общаться с женщиной, которая меня отдала. Но с той минуты, как агентство по усыновлению связалось с нами и сообщило, что Миа Дженовезе хочет встретиться со своим сыном, Джимми поклялся, что это судьба. Начало новой эры, в которой ирландцы и итальянцы стали союзниками.

Я был настроен скептически.

Но, как я уже говорил, я доверял Джимми и был готов сделать то, о чем он меня просил.

— Все прошло так хорошо, как и следовало ожидать. Эдуардо Дженовезе знал по моему выбору ресторана, что я связан с тобой, и все равно пришел. — Ужин не был таким ужасно неловким, как я себе представлял. Я все еще не планировал тесно общаться с семьей моей биологической матери, хотя мои сводные сестры были удивительно интересными.

— Я бы сказал, что это хороший знак.

— Знак чего именно? — спросил я, чувствуя тревогу, сковывающую мои плечи.

Джимми снова остановился, на этот раз пригвоздив меня своим непроницаемым взглядом. — Я знаю, что ты чувствуешь по поводу своего прошлого, Коннер. Это понятно. Но теперь ты укоренился в нашей семье. Связи с итальянцами этого не изменят.

Логически я понимал, что он прав. Но помимо того, что меня усыновили, я даже не был Байрном по фамилии. Моя приемная мать была единственной сестрой братьев Байрн. Ее фамилия после замужества была Рид, что только еще больше разделяло меня в моем сознании. Я сомневался, что остальные согласились бы, если бы я озвучил свои чувства, но их мысли по этому поводу не изменили моих ощущений. Я уже потратил свою жизнь на защиту своего права сидеть рядом с кузенами. Акцентирование внимания на моем недавно обнаруженном итальянском наследии только ухудшило ситуацию.

— Я слышу, что ты мне говоришь. Но это не значит, что я хочу с ними общаться.

Его черты лица ожесточились. — Возможно, тебе пора поработать над своей перспективой, сынок. Нам предоставили золотую возможность. Способ заключить союз с самыми влиятельными семьями в городе. Подумай, что это будет значить для нас.

На этот раз я был единственным, кто остановился и уставился на него. — К чему

именно ты клонишь?

Его подбородок поднялся, а грудь расширилась, прежде чем он произнес слова, которые навсегда изменят мою жизнь.

— Брак. Итальянцы и ирландцы связаны священными узами брака.

Меня как будто ударили кулаком в живот. От его слов меня передернуло, и мир перевернулся внутри меня.

— Ты хочешь, чтобы... я... женился... на... итальянке? — спросил я, с трудом выговаривая слова.

— Я знаю, что это не идеальный вариант, Коннер, но я не могу придумать других обстоятельств, которые предоставили бы такую уникальную возможность. Подобный союз мог бы закрепить наше место в этом городе и стать решающим для нашего выживания. Подумай об этом. Что случится, если другие низы увидят, что смогли сделать албанцы, и решат, что хотят прийти за нами? У нас нет ресурсов, чтобы отбиться от них всех, но с итальянцами на нашей стороне... — Ему не нужно было продолжать, чтобы я понял, насколько сильно изменились бы наши условия. В то время как мы были одной семьей, итальянцы обладали способностью объединять свои пять правящих семей против любого общего врага. Это делало их практически непобедимыми.

Для нас такой союз был бы грандиозным, и я был важным компонентом. Это должно было вызвать во мне огромную гордость, но я не мог остановить шепот в глубине моего сознания, что моя ирландская семья просто пытается избавиться от меня. Не будучи полноценным тем или другим, я никуда не вписывался.

Прекрати свое гребаное нытье и повзрослей. Какая разница, нравится ли тебе эта идея?

То, что сказал Джимми, было правдой, и я знал это. Это может стать огромным успехом, и для меня должно быть честью помочь своей семье. Спорить о своих чувствах было бессмысленно, потому что, когда дело дошло до дела, я знал, что сделаю все, что попросит дядя Джимми.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал.

Три дня спустя мы сели обедать с Эдуардо Дженовезе и его братом Энцо, который был боссом семьи Лучиано и главой итальянской семьи. Джимми разговаривал с ними после похорон, и, к моему удивлению, они согласились рассмотреть наше предложение. Я не ожидал, что из его идеи выйдет что-то стоящее. Какой интерес может быть у итальянцев к такому соглашению? Тем не менее, они связались с нами через день и попросили о встрече. Я все еще пытался осознать последствия.

— Джентльмены, — поприветствовал Джимми, когда они присоединились к нам. — Для нас большая честь видеть вас за нашим столом. Я не был уверен, как будет воспринято наше предложение, поэтому сегодняшний день — очень приятный сюрприз. Эдуардо, я знаю, что ты знаком с моим племянником, Коннером, но я не уверен, что Энцо тебе представили.

Я встал и пожал руки обоим мужчинам Дженовезе. — Очень приятно.

Энцо кивнул. — Ты подарил моей невестке такой покой, согласившись встретиться с ней. Я знаю, что это было нелегко для тебя. Я не забуду того, что ты для нее сделал. Что

касается сегодняшнего обеда, то мы всегда рады посидеть с такими благородными людьми, как вы.

— Вы готовы встретиться с нами, — несколько уклончиво заметил Джимми. — Но значит ли это, что вы действительно рассматриваете предложенное мной соглашение?

Энцо повременил с ответом до тех пор, пока официант не принял наши заказы. Мы выбрали независимый ресторан на нейтральной территории, чтобы все были в равных условиях, но это означало, что нужно быть осторожными в том, что говорится в присутствии посторонних.

— На самом деле, мы очень заинтересованы в вашем предложении. Мы сделали все возможное, чтобы сохранить это в тайне, так что вы могли слышать или не слышать, но картель Сонора недавно доставил нам неприятности в городе.

Мы с Джимми обменялись удивленными взглядами. Мы ничего не слышали о продвижении картелей на Восточное побережье, но могли только представить, какой хаос может разгореться.

Энцо продолжил. — Мы разобрались с синьорами, доставляющими нам больше всего проблем, но нет никакой гарантии, что тот, кто придет к власти следующим, не продолжит наступление на наш город. Мы с Эдуардо обсудили этот вопрос и решили, что более широкая группа соратников может пойти нам только на пользу. Кроме того, — его взгляд встретился с моим, — мы хотим, чтобы Коннер знал, что у него есть семья по обе стороны этого стола.

Что ж, будь я проклят.

Я не ожидал этого. Итальянцы были печально известны своим строгим разграничением между итальянцами и чужаками. Я был незаконнорожденным, не знал, кто мой отец, и вырос среди ирландцев, так что меньше всего я ожидал, что Дженовезе назовут меня одним из своих. То, что моя родная мать захотела со мной познакомиться, совершенно отличалось от того, что эти мужчины приняли меня в семью.

— Вы оказываете мне большую честь, — выдавил я из себя, преодолевая шок.

Энцо улыбнулся. — Что ж, тогда. Если мы все согласны, давайте обсудим детали. Я поговорил с другими боссами и составил короткий список возможных кандидатур, которые ты можешь рассмотреть. Мы включили только женщин уважаемого ранга и подходящего положения. — Он жестом указал на своего брата, который достал из кожаного портфеля несколько листов бумаги и передал их мне.

У меня сжался живот, когда до меня дошло, что эта необычная идея на самом деле имеет продолжение. Какая-то часть меня была уверена, что из нашего обеда ничего не выйдет, поэтому я не беспокоился о результате. Мое нутро колотилось, когда я просматривал зернистые цветные фотографии, напечатанные на обычной бумаге для принтера. Рядом с каждой был перечень биографических данных и основной информации. Я чувствовал себя так, словно выбираю подержанный автомобиль, а не невесту.

Действительно ли я рассматривал это? Неужели я свяжу себя узами брака с какой-то принцессой итальянской мафии, которую я даже никогда не видел?

Господи Иисусе.

Я просматривал каждую страницу невидящими глазами, слишком занятый сохранением спокойствия, чтобы воспринимать лица, находящиеся передо мной, до самой последней страницы. Я сделал паузу, чтобы рассмотреть поразительное изображение молодой женщины, заглядывающей через плечо в камеру. Все женщины были привлекательны, но что-то в этой привлекло мое внимание. Я не мог точно сказать, почему. Это было

неосязаемое качество. Она пронзительно смотрела на камеру, как будто видела ее насквозь.

— Тебе стоит убрать последнюю, — предложил Эдуардо. — Она не должна была быть в стопке.

— У нее были отношения или что-то в этом роде? — спросил я.

— Нет, она попала в автокатастрофу шесть месяцев назад. Ее мать погибла в аварии, а у Ноэми были повреждены голосовые связки. Она немая и, как я слышал, очень травмирована. Неизвестно, почему отец выдвинул ее кандидатуру. С тех пор как это случилось, ее почти не видели вне дома.

Немая. *Это* было еще более интригующе. В листе указан ее возраст — двадцать лет, на целых восемь лет моложе меня — разница значительная, но не непреодолимая.

— У нее есть шрамы или другие физические повреждения?

— Насколько я знаю, нет, — размышлял Эдуардо.

Насколько травмирована была эта девушка? Я не был заинтересован в драме, но перспектива иметь молчаливую жену имела свои преимущества. Я мог вести свою жизнь так, как хотел, не придираясь и не мешая ей, и позволить ей делать то же самое. Впервые с тех пор, как Джимми произнес слово *союз*, я начал видеть надежду.

— Я хочу знать больше, — пробормотал я, не отрывая глаз от страницы.

— Ты действительно этого хочешь? — настороженно спросил Энцо.

Я отложил страницы и посмотрел на него спокойным взглядом. — Я не буду знать, пока не встречу с ней, но она красивая женщина, и что-то мне подсказывает, что мы могли бы хорошо сработаться. Если ее отец дал согласие, а она сама вызвалась, то я не вижу никаких проблем в том, чтобы осуществить эту сделку.

— Очень хорошо. — Энцо опустил подбородок в изысканном поклоне. — К концу дня у меня будет больше информации для тебя.

Я взял в руки свой только что наполненный бокал и поднял его вверх. — За прочный союз, господа, и новую эру процветания.

А для Ноэми Манчини: приготовься. Жизнь, какой ты ее знаешь, скоро изменится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Настоящее

Он забрал Санте с собой, когда уезжал из города. Часть меня надеялась, что он этого не сделает, и у меня будет шанс поговорить с Санте наедине и наконец начать процесс побега с братом. Отец никогда бы не сделал все так легко для меня. Было глупо даже думать о таком сценарии.

Вместо этого я воспользовалась двухдневным отсутствием отца, чтобы насладиться редкой передышкой от его бдительного ока. Умберто все еще был в двух шагах от меня, но это было не то же самое, что если бы сам отец дышал мне в затылок. Я смотрела фильмы, слушала музыку и мечтала о том, как сяду на яхту с Санте и буду смотреть на исчезающий вдали горизонт Нью-Йорка.

Побег был бы идеальным вариантом, но два дня в одиночестве были близки к этому.

Конец моей передышке положило сообщение от отца, в котором он просил меня не опаздывать на ужин. Я не знала, почему он счел нужным напомнить мне об этом. С тех пор как умерла мама, он настаивал на том, чтобы мы ужинали вместе каждый вечер ровно в семь. Я ни разу не опоздала.

Еще одно напоминание о его власти надо мной.

Я тяжело вздохнула и бросила телефон на кровать.

У тебя все получится, Эм. Чем послушнее ты будешь, тем больше он будет доверять тебе, и тем легче будет уехать отсюда подальше.

Два часа спустя я вышла из своей комнаты и спустилась по лестнице. Я улыбнулась Санте, когда увидела его сидящим за столом вместе с нашим отцом, который вскочил на ноги при виде меня.

— Что, черт возьми, на тебе надето? — прошипел он. — Ты выглядишь как чертова бродяга. Иди и надень что-нибудь приличное.

Как только он встал, страх пригвоздил мои ноги к земле, удерживая меня в неподвижности. Я опустила взгляд на растянутую юбку — карандаш и хлопковую блузку

больших размеров, которые я надела к ужину. Вид был повседневный, но далеко не бродяга. Отца никогда не волновало, что я надена на ужин, поэтому я не знала, что на него нашло.

Когда я подняла взгляд, Санте извиняюще посмотрел на меня, но держал губы сжатыми.

— Санте, пойдй проверь Умберто и убедись, что сегодня он сохраняет спокойствие. — Его голос упал до угрожающего рычания, когда он крался вокруг стола по направлению ко мне.

Я боролась с чувством предательства, наблюдая, как Санте исчезает в коридоре.

Потом остались только я и мой отец. Одни.

Я не была уверена в том, что происходит, но в моей голове зазвенели тревожные колокольчики. Холодный, липкий ужас сковал мои вены и заставил мой пульс учащенно биться.

— У меня попросили твоей руки. Важный союз.

Моей руки? В смысле... брак? О чем, черт возьми, он говорит?

Он продолжал придвигаться ближе, пока не прижал меня спиной к стене. — Ты не испортишь этого для меня. — Его рука обхватила мое горло, его большой палец грубо перемещался взад-вперед по моему горлу. — Ты согласишься на этот союз, но я хочу, чтобы ты поняла, что твой уход из этого дома не избавит тебя от моей власти. Если ты хоть словом обмолвишься о том, что, как тебе кажется, ты знаешь, не останется камня на камне, под которым ты сможешь спрятаться, и я тебя не найду. — Его рука сжалась — не настолько сильно, чтобы поставить синяк, но достаточно, чтобы моя кровь превратилась в лед при угрозе уменьшения объема воздуха.

Я держалась как можно неподвижнее, умоляя свое тело сотрудничать.

— Я буду знать, что это была ты. Тебе не нужно говорить, чтобы превратиться в крысу, — прорычал он.

Мои ноздри раздувались, а пятна усеивали край моего зрения. Я наконец сдалась и вцепилась в его запястье, не в силах побороть отчаяние.

Его черные глаза-бусинки еще секунду всматривались в мою душу, прежде чем он наконец отпустил меня, хотя он оставался прикованным к месту, злобно вторгаясь в мое пространство. — Его зовут Коннер Рид. Он ирландец, и он будет здесь с минуты на минуту. А теперь поднимись и надень что-нибудь презентабельное, пока ты не опозорила меня.

Я кивнула, скользнула вдоль стены и отошла от отца, а затем поспешила обратно в безопасное место своей спальни.

Черт возьми, что только что произошло?

С каждым шагом мои ноги тряслись все сильнее.

Закрыв дверь спальни, я прислонилась к ней и попыталась замедлить свое колотящееся сердце, прежде чем оно вырвется из груди. Я должна была мыслить здраво. Папа согласился выдать меня замуж за кого-то в рамках союза. Меня собирались выдать замуж.

Срань господня!

Мужчину звали Коннер Рид. Имя было смутно знакомым. Я никогда не интересовалась делами своего отца, но невозможно было игнорировать отдельные фрагменты.

Думай, Эм. Думай!

Этот Рид предложил жениться на мне в рамках союза. Он ирландец, поэтому итальянцы хотят заключить союз с ирландцами. Но почему я? Из всех других итальянок, доступных для выбора, как, черт возьми, вообще появилось мое имя?

В голове промелькнуло отчаяние в глазах отца.

Конечно, это была его заслуга. То, что его дочь оказалась в центре критически важного альянса, было для него огромной удачей, и он не задумываясь продал бы меня, как скот. И что это означало для меня? Вместо того, чтобы сбежать от мафии, я навсегда стала бы женой ирландской мафии. Не та судьба, которую я хотела, но это избавило бы меня от отца. Это было возможным решением, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Хотя, оказавшись вне дома, я не была уверена в том, что получу возможность общаться с Санте. И если этот мужчина окажется таким же плохим, как мой отец, возможно, я закончу еще хуже, чем начала.

От паники мои ладони вспотели, а сердцебиение участилось.

Я не могла понять, был ли это шанс, на который я надеялась, или полная катастрофа. Мои мысли разбегались, эмоции были в беспорядке. Соленое отчаяние оседало на ресницах, а каждый вздох становился все более поверхностным и несвязным.

Мне нужно было успокоиться.

Папа будет в ярости, если я приду на ужин вся в пятнах и с красными глазами. Я заставила свои легкие сделать долгий, глубокий вдох, а затем медленно выдохнула.

Посмотри, чему ты можешь научиться, пока тебя меняют. Постарайся не реагировать слишком остро.

Я кивнула сама себе и взяла с кровати свой телефон. Отец следил за устройством, но мне нужно было знать, во что я ввязываюсь, и был один верный способ это выяснить. Пиппа была моей кузиной и лучшей подругой. Она также была ужасной сплетницей и занудой. Я обожала ее и очень по ней скучала. Мой отец разлучил нас, и я была вынуждена разыгрывать карту скорбящей дочери, чтобы объяснить свое отсутствие. Пип отнеслась к этому с пониманием, хотя я чувствовала, что ее терпение подходит к концу.

У нее были для меня ответы, и я не думала, что отец будет беспокоиться, если я спрошу об ирландце. В прошлом он вообще не обращал на меня внимания. Сейчас его волновало только то, чтобы я держала язык за зубами о несчастном случае с матерью.

Я: Кто такой Коннер Рид?

Пиппа: Привет, случайный человек.

Я: У меня нет времени. Мне нужны подробности, сейчас же!

Пиппа: Черт, теперь ты заставила меня волноваться. Я думаю, он один из ирландских громил — управляет игорным клубом, кажется. Дай-ка я проверю. Погоди.

Я бросила телефон на кровать и порылась в шкафу.

Что я должна была надеть на встречу со своим потенциальным женихом? Хотела ли я выглядеть хорошо или отпугнуть его? Что сделает мой отец, если я выберу последнее?

По моему позвоночнику пробежал холодок и превратился в твердую арктическую массу в моем нутре.

Я определенно не хотела узнать ответ на этот вопрос. Все сексуальное было исключено. Я уже выглядела напыщенной; я не хотела выглядеть еще более дешево, чем уже чувствовала себя. Ограниченная в возможностях, я выбрала лесное зеленое платье-футляр, которое граничило с профессиональным, затем освежила прическу и сделала макияж как раз вовремя, когда зазвонил телефон.

Пиппа: Помнишь, недавно в Восточном Гарлеме нашли заживо сожженного мужчину?

Я: Да?

Пиппа: Ходили слухи, что за этим стоит Рид. Мне показалось, что я запомнила имя. Какого черта ты спрашиваешь?

О, черт.

Дикторы назвали это убийство самым жутким за последние десятилетия. Никто так и не был обвинен в преступлении, но об этом говорили по телевидению несколько недель. Я все еще переживала смерть собственной матери и не обратила особого внимания на случившееся. Теперь я жалею, что не обратила.

Я: Он может стать моим женихом.

Я знала, что она будет неистово требовать подробностей, но у меня не было времени. Вдалеке уже звенел дверной звонок.

Пора посмотреть, что приготовила мне судьба.

Я сделала еще один глубокий вдох и заставила себя отбросить прогорклый букет тошноты, распустившийся в моем желудке. Стук моих каблучков по деревянному полу возвестил о моем приближении. Когда я завернула за угол, все трое мужчин стояли. Мой отец. Мой брат. И мужчина из кафе двумя днями ранее.

Мои легкие сжались, застыв от шока, а ноги не хотели сдвинуться ни на дюйм.

Внезапно кусочки головоломки начали вставать на свои места.

Вот как он узнал, кто я. Почему он не задавался вопросом о моем молчании, и почему Умберто был в ярости, увидев его. Этот человек был смертельным соперником. Прекрасное чудовище, которое должно было стать моим мужем.

Отец начал произносить вступительные слова, подстегивая меня, но в ушах слишком громко звенело, чтобы разобрать его слова. Я механически прошла к креслу рядом с Коннером, и он помог мне сесть, прежде чем сесть сам. Я смотрела прямо перед собой, не в силах встретиться с его глазами. Эти завораживающие кобальтовые глаза, которые привлекли меня, как только я вошла в комнату.

Это был человек, за которого я собиралась выйти замуж.

Человек, который несколькими быстрыми ударами превратил Умберто в кровавое месиво. Человек, чья доминирующая личность оставалась со мной еще долго после того, как он покинул помещение, и который прямо признался, что он не был порядочным человеком.

Какая прекрасная катастрофа.

Он. Моя жизнь. Наш предстоящий брак.

Я не могла думать ни о чем из этого. К счастью, мой мозг, похоже, не мог функционировать рядом с ним. Его присутствие заполняло комнату, давило на стены и вытесняло воздух, затрудняя дыхание.

Никогда еще я не была так рада, что от меня не ждут никаких слов.

— Приятно познакомиться с тобой, Ноэми. Могу я предложить тебе немного вина? — Коннер спросил холодно, как будто это был его дом, а я — гостья. Я представляла, что он чувствует себя как дома везде, где ему вздумается, потому что он так считает. Его присутствие было настолько властным, что я не была уверена, что ураганные ветры осмелятся вздыбить хоть один волос на его голове, опасаясь его гнева.

Я кивнула.

Мой взгляд зацепился за черные чернила на тыльной стороне его левой руки. Я не заметила этого в кофейне. Роза. Она тянулась вверх под манжеты его дорогого костюма, и я не могла не задаться вопросом, какая часть тела под ним была отмечена подобным образом.

Я отпила глоток вина, внезапно почувствовав жажду.

Коннер и мой отец начали непринужденную беседу, оставив меня наедине со своими мыслями. То, что меня было трудно вовлечь в разговор, было вполне объяснимо, особенно если учесть, что такие мужчины все равно редко вовлекали женщин в свои дела.

Я задавалась вопросом: если этот мужчина знал, что я не разговариваю, почему он выбрал именно меня? Или в этом и был весь смысл? Ему нравилась идея молчаливой жены. Неужели я собиралась попасть в руки человека, еще более деспотичного, чем мой отец? Что будет, если после свадьбы он узнает, что я могу говорить? Неужели мне придется молчать вечно, чтобы обезопасить себя?

Мое сердце пустилось в олимпийский бег, голова закружилась.

Коннер говорил с моим отцом, но я могла слышать только гипнотические полутона его глубокого голоса, потому что в ушах у меня звенело. Затем твердая рука медленно сжала мое подпрыгивающее колено, заставив мое тело замереть. Мой отец не мог видеть, что происходит под столом, и Коннер продолжал говорить, как будто грубая кожа его ладони не держала меня в плену, но каждая фибра моего существа была сосредоточена на месте соприкосновения наших тел.

Медленно, очень медленно, его большой палец провел взад-вперед по моему колену.

Он... успокаивал меня? Не совсем. С его стороны этот жест больше походил на приказ успокоиться — несколько авторитарный жест, но, тем не менее, он сработал.

Мой пульс вернулся к нормальному ритму, устранив угрозу остановки сердца. Наконец, я сделала длинный, ровный вдох, наполняя легкие столь необходимым кислородом.

Затем так же неожиданно, как и появилась, его рука исчезла — как будто такое общение было нормальным между нами. Как будто я не встретила этого человека всего десять минут назад. У меня возникло ощущение, что время и пространство ничего не значат для Коннера Рида. Он устанавливал правила в своем мире, а остальные должны были подстраиваться под них.

Коннер был таким же внушительным, как и мой отец, может быть, даже более внушительным. Что это означало для меня? Жизнь в ужасе и боли? Я не была в этом уверена. По какой-то необъяснимой причине его доминирование не вызывало во мне такого же страха, как отцовское. Может быть, я просто безнадежный романтик, в чем он меня обвинял, и его красота ослепила меня?

Неопределенность моего состояния пугала меня, но что касается Коннера, то я не была уверена в своих чувствах. Он оказал на меня глубокое влияние — этого я не могла отрицать. Настолько сильно, что было трудно точно определить, что я к нему чувствую.

Но он был моим женихом, так что я должна была выяснить это в ближайшее время.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рядом с отцом она вела себя иначе, чем в кафе. Или она просто вела себя по-другому теперь, когда узнала, кто я? Невозможно сказать, но перемены в ней были очевидны.

Неделю назад она была смелее, даже в своем молчании. Когда я впервые встретил ее, я ожидал увидеть оболочку девушки, хрупкую и скорбящую. Ноэми не была даже отдаленно сломлена. Я даже не был уверен, как ее вообще посчитали травмированной. Мне хватило одного короткого общения, чтобы понять, что потеря, которую она понесла, не будет проблемой.

Более того, я почувствовал мгновенное желание узнать о ней больше. Мое любопытство было настолько велико, что это пугало меня. После нашего короткого общения жажда большего грызла меня изнутри. Это было так тревожно, что я потерял самообладание с этим ее засранцем телохранителем. Мне не следовало бить его, но я был так на взводе, что набросился на него. Он был доволен тем, что вцепился мне в лицо.

После этого я немного волновался, что мои действия могут заставить ее отца отозвать свое согласие, но этого не произошло. Я позвонил Джимми, как только вернулся в машину, и сказал ему, чтобы он продолжал действовать. К концу дня он подтвердил, что сделка состоялась.

С этого момента я думал, какой будет ее реакция, когда она узнает мою личность. Я знал, что она будет удивлена, но не ожидал, что она будет так потрясена. Был ли это шок от того, что она снова увидела меня, или присутствие ее отца вызвало напряжение?

Учитывая гребаных итальянцев и их склонность чрезмерно опекать своих дочерей, проблемы с отцом не должны были стать шоком. Черт, возможно, именно по этой причине она согласилась на брак. Шанс вырваться из-под его влияния.

Мне нравилась идея ее молчания, но видеть ее скованной и неустроенной меня раздражало. Я надеялся, что она вернется к своему задорному характеру, когда мы снова останемся наедине. Я не должен был. Весь смысл ее выбора заключался в том, чтобы свести к минимуму разрушение моей жизни. Это и ее красота. Я бы солгал, если бы сказал, что ее

потрясающая внешность не сыграла никакой роли в моем выборе. Когда она вошла в столовую в этом платье, обтягивающем ее изящные изгибы, что-то глубоко внутри меня проснулось. Что-то первобытное и грубое.

Ее глаза были зеленого цвета, как мох, и они еще больше сияли на фоне зеленой ткани ее платья. Ее каштановые волосы были прямыми и густыми, спадающими чуть ниже плеч, а ее знойные губы были чертовски влажной мечтой.

Если бы у меня под крышей жила такая дочь, я бы тоже держал ее под замком.

Моя рука лежала на ее колене не более двадцати секунд, но я все равно чувствовал шелковистую текстуру ее кожи на своих пальцах весь ужин. Дважды мне приходилось хвататься за салфетку, чтобы удержать свои пальцы от желания вернуться к ней.

Чувствовать, как она нежится под моими прикосновениями, было бы куда приятнее, чем бездумная болтовня с ее отцом. Этот мудака ни разу не втянул ее в разговор, хотя, похоже, он не испытывал тех же трудностей, когда втягивал в него своего сына. Как будто мне было не все равно, что ребенок учится в выпускном классе школы. Этот человек был полным придурком, если думал, что я буду рядом с ним. Но это было не первое мое родео. Сидя за его столом, я должен был следовать его примеру. Если он не обратился к ней, то и я тоже.

По крайней мере, таков был мой план.

К концу нашей трапезы стало ясно, что Фаусто не намерен вовлекать свою дочь в наш разговор. Ну и хрен с ним. Я не собирался покидать его дом, не поговорив с Ноэми. Она собиралась стать моей женой, ради всего святого. Я хотел, чтобы она была тихой, а не невидимой.

— Это была честь для меня, Фаусто. У тебя прекрасный дом, а твой повар феноменален.

Мужчина опустил подбородок и с размахом взмахнул рукой. — Скоро мы станем семьей. Я всегда рад видеть тебя за своим столом.

— Спасибо. Я бы остался и дольше, но, боюсь, у меня есть дела, требующие моего участия. Прежде чем я уйду, не мог бы я поговорить наедине с Ноэми? — Я не сводил глаз с Фаусто, интересуясь его реакцией.

— Конечно. — Он тонко улыбнулся. — Мы с Санте оставим вас наедине. — Его глаза на мгновение метнулись к дочери, после чего он последовал за сыном из комнаты. Это было предупреждение? Неужели он думал, что я собираюсь трахнуть ее на его обеденном столе? Сумасшедшие гребаные итальянцы.

Я отодвинул свой стул под углом так, чтобы оказаться лицом к лицу с Ноэми.

Наконец-то мы были одни.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мое сердце билось так же быстро и трепетно, как крылья бабочки.

Коннер смотрел на меня. Изучающе. Выжидающе. Мне нужно было отодвинуть стул и встретить его взгляд, как нормальному, разумному человеку, но мое тело не поддавалось. Я не знала, чего хочет от меня этот человек, и мне было страшно это узнать.

— Ты не должна быть романтиком, если согласилась на это. — Его замечание задело нервы, пробившись сквозь мое туманное состояние шока.

Я взяла блокнот, который оставался нетронутым на протяжении всего ужина, и нацарапала свой ответ. Иногда я пользовалась телефоном, чтобы набирать сообщения, но предпочитала блокнот. То же самое было, когда я читала книги. Мне нравилось чувствовать бумагу под пальцами, а не устройство.

Оттолкнув стул, я протянула свое сообщение и наконец встретилась с ним взглядом.

Мне не говорили о договоренности до твоего приезда.

Его стоическая маска на секунду дрогнула. — Это правда? И все же ты просидела весь ужин без жалоб. — Два бассейна бурной лазури изучали меня с таким вниманием, что я съежилась на своем месте.

Перевернув страницу, я снова принялась писать.

Какой у меня был выбор?

Я не знала, о чем думала, будучи такой честной. Если бы он сказал моему отцу, что я оспариваю помолвку, у меня было бы столько проблем. Мне нужно было быть более осторожной, но он, казалось, притягивал мою дерзкую сторону. Сделал меня безрассудной и эмоциональной.

Коннер пожал плечами, обратив мое внимание на то, как хорошо сидит костюм на его широких плечах. Он был атлетически сложен и высок. Когда он впервые помог мне сесть в кресло, он возвышался надо мной на целый фут. При росте пять футов два дюйма это не было необычным для меня, но каким-то образом его пугающее присутствие еще больше подчеркивало его рост.

— А если бы я сказал, что у тебя есть выбор прямо сейчас? Ты можешь сказать слово, и я все отменю. — Его ответ ошеломил меня. Я не ожидала, что он даст мне выход, но я не была уверена, насколько искренним он был. Его слова говорили об одном, а вспышка гнева в его глазах — о другом. Для человека, который обычно излучал спокойствие, я почувствовала, что он был взбешен.

Почему его предложение отказаться так расстроило его? И почему моей первой реакцией было возразить? Хотела ли я выйти замуж за этого человека? Я не могла знать ответа на этот вопрос. Я не знала его достаточно хорошо, чтобы составить мнение, кроме того, что он преступник. Человек, выкованный в тех же условиях, что и мой отец. Я не хотела этого для себя, но это может быть побег от отца, о котором я молилась.

Я была так чертовски растеряна. Я не знала, что думать, и не думала. Я поверила своему чутью и медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Нет? Ты хочешь сказать, что готова пройти через это?

Я кивнула, мой взгляд был непоколебим.

Я не была уверена, знает ли он об этом, но все его тело немного расслабилось. Он был доволен. Мое сердце исполнило забавный танец от осознания этого.

— Тогда я предлагаю вот что. Никто из нас не ожидал, что окажется в таком положении, но нет причин, по которым мы не можем извлечь из этого выгоду. Что — то вроде профессионального соглашения. Наши семьи получают свой союз. У тебя будет статус и безопасность, при этом вмешательство в мою жизнь будет минимальным.

Профессиональное соглашение? Что это вообще значит? Как бы я отнеслась к браку только по названию? Ожидал ли он секса? Детей? Насколько *профессиональным* будет этот брак?

Должно быть, он увидел настороженность в моих глазах, потому что его собственные потемнели. — Я не собираюсь трахать тебя против твоей воли, Ноэми. Мне не нужно принуждать женщину к сексу, когда многие другие дают его свободно.

Я вздрогнула от его замечания. Он не говорил грубо, но реальность того, что он предложил, была настолько отталкивающей, что я не смогла сдержать свою внутреннюю реакцию. Я ненавидела идею брака без любви. Муж, который спит со всеми, кроме меня. Даст ли мне такую же свободу? Может быть, если бы мы жили отдельно и у меня были бы свои собственные отношения, это было бы не так трудно терпеть.

Я заглянула в его глаза и попыталась угадать его ответ на мой следующий вопрос, прежде чем нерешительно взяла в руки блокнот.

Что, если я хочу завести любовника?

Я знала, как устроена эта мафия, будь то ирландская или итальянская. Они не любили делиться, и уж точно не хотели позволять своим женщинам блудить, но если я собираюсь терпеть позор от изменяющего мужа, я должна хотя бы немного развлечься сама.

На его челюсти заиграли мускулы. — Я полагаю, что все должно быть по-честному, но... — Он наклонился вперед так близко, что я почувствовала его запах — дорогого одеколona, вина и мужественности, настолько сильной, что ощутила ее между ног. — А ты не думала о том, что он тебе может и не понадобится?

Я едва могла дышать, когда он был так близко. И в то же время мне хотелось уткнуться лицом в его грудь и вдыхать, пока голова не поплывет от его запаха.

Чертовы гормоны. Я внутренне встряхнулась и сосредоточилась на том, что он сказал.

Что он имел в виду? Что я могу быть одной из его многочисленных шлюх? Что я могу

использовать его, чтобы утолить свой зуд и не чувствовать себя опустошенной, когда он уходит к другим женщинам? Меня оскорбил этот намек. Я хотела быть с мужчиной, который хочет меня, а не просто использует для секса. Но если бы я была замужем за Коннером, разве это было бы возможно? Какой благородный, любящий мужчина будет поддерживать отношения с замужней женщиной? И как я могла с чистой совестью вступать в отношения с мужчиной, помимо физических, когда я знала, что связана с другим?

Вся ситуация казалась невозможной. Разочарование переросло в раздражение.

Я сидела на своем месте и писала.

Сомневаюсь.

Его веки опустились до половины мачты. — В чем ты сомневаешься? В том, что ты хочешь секса или в том, что я могу удовлетворить твои потребности? Потому что я буду рад доказать, что ты ошибаешься в обоих случаях.

Я почувствовала, как его взгляд скользит по моей груди и вниз по телу, словно физическое прикосновение. Это заставило меня почувствовать себя уязвимой. Как будто этот мужчина мог получить от меня все, что захочет, и оставить от меня лишь оболочку женщины. Я должна была быть сильной. Я не могла позволить ему думать, что я слабая и податливая. Мой отец уже контролировал все аспекты моей жизни. Я не хотела создавать такой же прецедент со своим будущим мужем.

Секс с женой? Как я могу отказаться от такого романтического предложения?

Его глаза сверкнули, затем потемнели. — Ты спросила о любовнике. Я полагал, что мы говорим о сексе, Ноэми, а не о любви.

Это слово на его губах, сопровождаемое моим именем, пронеслось по моим венам. Этот мужчина был воплощением греха. Искушение и опасность так переплелись, что их невозможно было разделить. Что бы значило быть связанной с таким мужчиной, как он? Разбитое сердце. Безумие.

А если бы я отказалась? Как отреагирует мой отец?

Страх, не похожий ни на один из тех, что я знала, крепко сжимал мое горло.

Я могла бы закончить жизнь с разбитым сердцем, но, по крайней мере, с Коннером я была бы жива. Насколько я могла судить, лучше всего было бы выйти за него замуж, но держать свое сердце под надежным замком. Тогда я буду свободна от отца и смогу работать над спасением Санте.

Я уняла дрожь в руке и написала.

Я согласна на брак, но больше ничего от меня не требуй.

И снова напряжение в комнате оживило.

— В твоей жизни есть другой мужчина? — спросил Коннер с угрожающим спокойствием.

Я не была уверена, почему он спрашивает. Он ясно дал понять, что мы не должны ожидать верности друг от друга.

Я покачала головой.

Его грудь расширилась, когда он медленно откинулся назад, наконец — то дав мне возможность дышать. — Тогда мы договорились. — Он встал, протягивая свою руку для пожатия моей.

Не желая быть невежливой, когда я только что приняла его предложение, я вложила свою руку в его, сдерживая вздох от электрического разряда, который пронзил мои нервные окончания от руки до живота. Как только я поднялась на ноги, я отпрянула от его

прикосновений. Его было слишком много. Слишком поглощающим и дезориентирующим.

Уголкем глаза я уловила ухмылку.

Придурок. Он знал, как он влияет на меня и, вероятно, на всех остальных теплокровных женщин на планете. Хуже того, он использовал это, чтобы манипулировать. Чтобы использовать власть над своими незадачливыми жертвами. Но не надо мной. Я отказываюсь. Я не хочу быть в его руках, чтобы со мной играли, а потом игнорировали.

Я рванула вперед, ведя за собой в гостиную, где стояли отец и Санте, разговаривая друг с другом.

— Я полагаю, что все в порядке, — объявил Коннер сзади меня.

— Замечательно, — промурлыкал отец. — Завтра мы сможем приступить к обсуждению деталей.

Коннер протянул руку, и они крепко пожали друг другу, словно заключая сделку по продаже скота. Это было все. Мои надежды и мечты значили не больше, чем способность скота к размножению. Это было ужасно, но когда отец закрыл за Коннером дверь, и я снова оказалась под убийственным взглядом отца, я поняла, что брак — мой единственный выход.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я был не из тех, кто избегает греха. На самом деле, мне очень нравилось несколько самых смертных грехов, но зависть никогда не была для меня большой проблемой. До этого момента. Мысль о том, что Ноэми трахается с другим мужчиной, заставила мои внутренности стать такими же зелеными, как ее глаза с нефритовым отливом.

Что, если я хочу завести любовника?

Господи. От одного воспоминания о ее вопросе у меня по коже поползли мурашки от желания наброситься на нее. Я сказал ей, что она может делать все, что захочет, но это была чушь. Не раньше, чем она станет моей. Нет, если бы я все еще чувствовал эту навязчивую потребность, от которой не мог избавиться. Прошло уже два чертовых дня после ужина в ее

доме, а я все никак не мог выбросить из головы эти трахни меня губы.

Хуже того, я начал задаваться вопросом, как звучал ее голос раньше, когда она могла говорить.

Она была итальянкой, ради всего святого. Я не должен был думать о ней, а тем более мечтать о том, как грязные слова будут срываться с ее губ. И самое последнее, что я должен был делать, это ходить за ней по пятам, как чертов щенок. И все же я был здесь, сидел в ее обычном кафе и ждал ее прихода, как дрессированный золотистый ретривер.

Блядь.

Я столько раз прокручивал в голове наш последний обмен мнениями, что мне нужно было увидеть ее снова, чтобы убедиться, что я правильно интерпретировал ее реакцию. Что я не просто убедил себя в том, что хотел увидеть. Что я повлиял на нее так же сильно, как и она на меня.

Когда она вошла в помещение, то остановилась при виде меня. Я сдержал ухмылку и вместо этого сосредоточил взгляд на ее жалкой няньке. Пожиратель мела смотрел на меня, но он не мог меня тронуть, так как свадебный контракт был заключен. Несмотря на это, он жаждал реванша после того, как я повалил его без труда. Это было написано на его жалком надутым лице.

В конце концов, он удалился, чтобы посидеть, как хорошая собака, у входа в кафе, а Ноэми присоединилась ко мне за столиком. Она снова была одета в повседневную одежду, но от этого не стала менее соблазнительной. Что-то в том, как она себя вела, делало ее гардероб неважным. Она могла быть чертовски сексуальной в костюме гребаного клоуна.

Она достала из сумочки блокнот, и я снова задался вопросом, каким был ее голос. Был ли он нежным, как далекий звон ветряного колокольчика, или теплым и знойным, как летний бриз?

Если подумать, то, наверное, лучше мне этого не знать.

Я перевел взгляд с нее на сообщение, которое она положила на стол.

Ждать меня с моим обычным завтраком — это опасно близко к романтическому жесту.

Я ненавидел то, насколько она была права, но никогда не признал бы этого. — Уверю тебя, в моих мотивах нет ничего романтического.

Она изогнула бровь.

Тогда почему ты здесь?

Я наклонился вперед, ухватившись за сиденье ее стула и придвинув ее достаточно близко, чтобы почувствовать ее дрожащее дыхание на своих губах. Я был здесь достаточно долго, чтобы узнать страх, когда я его видел. Он был густым и липким и наполнял воздух вокруг горечью. Когда Ноэми была рядом со мной, воздух не пах страхом. Это было нечто столь же первобытное, но гораздо более интригующее. Желание. Потребность.

Я медленно провел тыльной стороной ладони по ее руке и наслаждался тем, как она дрожит от моего прикосновения.

— Вот почему я здесь. Я почувствовал, как ты ответила мне в твоём доме, и мне захотелось большего с той минуты, как я ушел. Называй это романтикой, если хочешь. Мне все равно, как ты это назовешь, лишь бы эти красивые губы в конце концов выкрикнули мое имя.

Я откинулся в кресле, снимая напряжение между нами. Если бы я этого не сделал, мой член стал бы таким твердым, что все в этом чертовом кафе увидели бы выпуклость в моих

шпанах.

На кратчайшую секунду ее тело последовало за моим, подавшись вперед, прежде чем она поймала себя.

Прийти сюда было правильным решением. У меня не было причин сомневаться в своих инстинктах. Юная Манчини хотела меня, независимо от того, насколько категоричными были ее письменные отказы.

То, что мое тело реагирует на тебя, еще не значит, что я хочу тебя.

— Поверь мне, милая. Я тоже не хочу тебя, но мы скоро будем связаны друг с другом. Нет причин, почему бы нам не извлечь из этого максимум пользы. — Это была чистая правда, но когда слова сорвались с моих губ, я понял, что, возможно, сказал что-то не то.

Ноэми склонила голову набок, и на ее губах появилась кошачья ухмылка, прежде чем она зачерпнула пальцем сливочный сыр с бублика и вытерла его о мой шелковый галстук Brunello Cucinelli. Затем она уставилась прямо на меня, высасывая остатки с пальца.

Черт. Возьми.

Я был так заведен, что даже не мог злиться. Наклонившись, я прошептал близко к ее уху: — Продолжай сосать этот палец. Тебе понадобится практика. — Ехидная ухмылка расплылась по моему лицу, когда я уходил.

— Если ты получишь сотрясение мозга, то у меня оно будет от твоей мамы. — Бишоп крутился на носках на ринге, подняв к лицу кулаки в перчатках. — Где, черт возьми, твоя голова, парень?

Я притворился, что наношу удар, а затем нанес апперкот, который попал в цель, отбросив моего лучшего друга назад. — Где твоя голова, кроме как на моем кулаке? — Я усмехнулся сквозь капу, забавляясь нелепостью своего ответа.

— Оооо, крутой парень думает, что у него есть чувство юмора, да? — Он набросился на меня со страшной скоростью, от которой я чуть не упал на землю.

— Блядь, чувак. Это спарринг, а не бой за жизнь.

Бишоп засмеялся, выплюнув свою защиту. — Победа есть победа.

Я покачал головой и стянул перчатки. — Ты слишком много тренировался с Торинном. Этот парень — псих.

— У него есть азарт. Я восхищаюсь этим. Ты бы тоже восхищался, если бы не был таким рассеянным. — Он плеснул себе в рот струю воды, затем прислонился к канатам. — Ты все еще думаешь о девушке? Она милая штучка. Я бы, наверное, тоже думал о ней.

Я нахмурился. — Осторожнее, придурок. Ты говоришь о моей будущей жене.

Он поднял руки в знак покаяния. — Виноват, чувак.

— Кроме того, это не совсем то. Что-то мне не дает покоя.

— Что именно?

— Это просто странно. Я покачал головой. — Она совсем не такая, как мне говорили. И на ее шее нет ни одного шрама после аварии — ничего, что могло бы объяснить постоянную потерю голоса. Может, это звучит безумно, но мне кажется, что я что-то упускаю.

— Посмотрим, что ты сможешь раскопать. Лучше сейчас, чем потом, когда ты застрянешь с ней.

Я хмыкнул. Я уже решил, что пришло время провести исследование, но не потому, что я

думал о том, чтобы отказаться. Я дал Джимми обещание, и я всегда держал свое слово. И я не стал бы выбирать другую женщину, потому что за последние несколько дней я уже решил, что Ноэми предназначена для меня.

Может быть, я слишком много лет слушал, как старики говорят о судьбе. Я не верил в эту чушь, но я также не знал, как еще объяснить это странное влечение, растущее внутри меня. Инстинктивное влечение, которое заставляло мои мысли и желания заикливаться на одной женщине. Ничто другое не отвлекало от моей единственной потребности в Ноэми Манчини. Она была моей, и я собирался доказать ей это.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он хотел заняться со мной сексом. Брак — это одно, а секс — совсем другое. Интимная близость предполагает уязвимость и доверие — то, что может вызвать эмоции. Последнее, чего я хотела, это испытывать чувства к Коннеру Риду. Быть замужем за этим человеком было достаточно плохо. Если бы я заботилась и о нем, мое сердце не выдержало бы.

Такие мужчины, как он, как мой отец, не умеют любить. Не так, как я хотела, чтобы меня любили.

Мне нужен был мужчина, для которого жена и дети были бы на первом месте. Я хотела преданности и верности. Коннер никогда не дал бы мне этого, а влюбленность в него только усилила бы разочарование.

В течение следующих четырех дней я сосредоточилась на возведении прочных стен вокруг своего сердца и защите от его манящей внешности. Я знала, что он будет использовать ее, чтобы разрушить мою решимость, но я не могла позволить ему добиться успеха.

Я потратила нелепое количество времени, обсуждая свой наряд на вечер, и в итоге выбрала платье, которое было более сексуальным, чем те, что я носила раньше. Я также решила не слишком тщательно изучать причины такого выбора. Иногда девушке нужно

выглядеть особенно сексуально. Это повышало уверенность в себе.

Это была моя легенда, и я придерживалась ее.

Я завила волосы в мягкие волны и погрузилась в косметичку немного глубже, чем обычно. В довершение всего я покопалась в маминой шкатулке и надела ее любимое ожерелье. Маленький колокольчик из белого золота был у ее матери до нее. Надев его, я почувствовала себя ближе к ней. Это была вишенка на моем торте уверенности в себе.

Когда отец увидел мой выбор украшений, в его обсидиановых глазах сверкнула молния, обещая возмездие, если я переступлю черту. Остальные члены моей семьи отреагировали совсем иначе. Пиппа и ее мама мгновенно прослезились и обняли меня.

Тетя Этта и моя мама были близняшками и были невероятно близки. Когда у них родились девочки с разницей всего в несколько недель, было естественно, что мы с Пиппой сами стали похожи на сестер. У нее было две младшие сестры и брат, но я никогда не была так близка ни с одним из них. Поэтому наша разлука в течение последних шести месяцев была особенно трудной. Мне было разрешено всего несколько встреч под присмотром, что означало, что у меня не было возможности рассказать ей правду. Не то чтобы я хотела. Это было почти благословением, что отец держал нас отдельно, потому что она была единственным человеком, который мог бы раскрыть мои секреты. Она бы заставила меня говорить. В буквальном смысле.

В первые дни я бесконечно раздумывала о том, чтобы признаться ей, но это было слишком опасно. Она была ужасна в секретах. Я не могла рисковать.

Когда я увидела ее сейчас, лавина слов ворвалась в мое горло, требуя выхода. Но не только это, меня захлестнули эмоции. Мне было чертовски одиноко в моем доме. От облегчения, что я наконец-то снова увидела ее после всего пары встреч за несколько месяцев, у меня защемило в груди.

Я сопротивлялась натиску. Я не могла сейчас сорваться.

— Ты выглядишь невероятно, Эм, — прошептала Пип, прежде чем отстраниться и посмотреть на меня стеклянными глазами.

— Совсем как Нора, — добавила тетя Этта полным эмоций голосом.

Я покачала головой и снова обняла их, а затем указала на заднюю комнату, которую мы зарезервировали. Когда мы вошли, мое сердце затрепетало при виде моей семьи. Пип и ее отец, мой дядя Джино, а также брат моей матери, дядя Агостино, босс преступной семьи Моретти, и его жена, тетя Азурра. Это был первый раз после смерти мамы, когда мне разрешили приблизиться к дяде, опасаясь, что я расскажу ему о том, что знаю.

Если бы я это сделала, мой отец был бы мертв.

Это было бы простое решение, если бы отец не держал моего брата в качестве залога, используя его против меня. Как сегодня. Отец придумал предлог, чтобы не пускать Санте. Я видела удивление в глазах людей, когда папа объяснил, что Санте не может присоединиться к нам. Им было интересно, что могло удержать его от такого важного вечера, но они не проявляли неуважения к моему отцу, спрашивая об этом.

Я могла бы рассказать. Потребовалась бы всего секунда, чтобы произнести слова, которые сразили бы моего отца наповал. Но как же мой брат? Смогут ли Донатисы спасти его от головорезов моего отца? Может быть. А может, и нет. Я не могла рисковать.

Возможность придет. Я просто должна была быть терпеливой.

Все встречали меня с теплыми улыбками и заметной жалостью в глазах. Я не была уверена, что мой отец сказал всем, чтобы объяснить мое отсутствие на семейных

мероприятиях, но это явно было нехорошо.

Закончив круг, я повернулась к ирландской половине комнаты. Эти две группы оставались четко разделенными — деловой альянс не означал, что в ближайшее время кто-то будет вместе отдыхать. Как только мой взгляд обратился к их группе, глаза Коннера остановились на мне. Как будто он ждал. И я поняла, почему, когда увидела в его глазах воспоминания о моих губах, обхвативших палец.

Мои щеки запылали.

Маленькая, но победоносная улыбка прорезала его темную щетину, когда он сократил расстояние между нами. — Ты сегодня выглядишь аппетитно, — пробормотал он, подойдя ко мне и положив руку мне на поясницу.

Был ли в его тоне намек на веселье?

Я не была уверена, но я также не собиралась позволить ему забыть о том, что я его волную. Сладко улыбаясь, я незаметно просунула руку под его пиджак и ущипнула его. Сильно.

Он не отстранился и никак не отреагировал, только слегка засмеялся. Этот звук напоминал теплое виски, вылитое на лед — и то, и другое могло согреть мой живот странным, манящим образом.

— Коннер, пришло время познакомить меня с твоей прекрасной новоиспеченной невестой. — К нам присоединился пожилой мужчина с улыбкой и сине-серыми глазами, такими пристальными, что мне казалось, они могут заглянуть в самые темные уголки меня и выведать каждый мой секрет.

— Конечно, Джимми. Эта красавица — Ноэми Манчини. — Коннер посмотрел на меня. — Ноэми, это Джимми Байрн, мой дядя и крестный отец.

А, печально известный глава ирландской мафии. Неудивительно, что он возвысился до столь уважаемого положения. В его глазах светился такой острый ум, что мне стало интересно, может ли что-нибудь ускользнуть от него.

Я улыбнулась и склонила голову, поскольку это был мой единственный способ выразить должное уважение.

Он наклонился и поцеловал одну щеку, затем другую. — Это честь для меня, юная леди. — Он отстранился и указал на серебряноволосую женщину позади себя. — А это моя прекрасная жена, Бренна.

Я пожала ей руку и мягко улыбнулась, глядя в ее добрые, но настороженные глаза.

— Моя очередь! — пропела другая женщина с головокружительным волнением, пробираясь ближе. — Прости, Джимми, но я так долго ждала этого дня.

Джимми возмущенно вскинул на нее брови, но она проигнорировала его, как могла бы сделать только жена или родная сестра. Это должна была быть мать Коннера, младшая сестра трех братьев Байрнов.

— Ноэми, мне очень приятно. — Красивая пожилая женщина сжала мою руку. — Я Миррен Рид, мать Коннера. А это мой муж, Симус. — Она указала на строгого мужчину который кивнул в знак приветствия.

Я заставила себя широко улыбнуться, надеясь задобрить этих людей, которые станут моей новой семьей.

— Не беспокойся о том, что ты ничего не говоришь. Коннер все объяснил. Мы просто очень рады, что он освоился и что ты стала частью нашей семьи. — Удивительно, но я почувствовала, что она была искренна. Взглянув на ее мужа, я поняла, что он не в восторге

от этой ситуации, но он, к счастью, промолчал.

— Хорошо, ма. Не надо ее пока душить, — сказал Коннер с оттенком добродушного раздражения. — Давайте присядем.

— Конечно. Скоро у нас будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга получше, — просияла она и отошла к своему месту за длинным столом.

Шестнадцать мест — одиннадцать заняты моими итальянскими гостями, пять — Коннером и его четверьмя гостями. Немного однобоко, но только потому, что тетя Этта привела Пип и других своих детей. Я была рада, что она это сделала. Мне было необходимо их общество, пока я плыла этим неизведанным курсом.

Коннер указал мне на наши места в центре стола, и мы все расселись по своим местам. Мой отец и Джимми сидели рядом друг с другом напротив нас, Умберто — рядом с отцом, а жена Джимми — рядом с ним. Пип позаботилась о том, чтобы она сидела с другой стороны от меня, что я оценила, но из-за близкого присутствия Коннера, который постоянно отвлекал меня, я не могла сосредоточиться ни на чем, что бы кто не говорил. К счастью, я не сталкивалась с многочисленными попытками завязать со мной разговор, кроме тех, кто сидел в непосредственной близости. И по большей части разговор продолжался без моего участия. Я не заметила, как вспотела. Я с удовольствием воспользовалась возможностью передохнуть и сбежала в туалет.

Как только я встала, Умберто последовал моему примеру. Наши резкие движения привлекли всеобщее внимание, и все разговоры прекратились.

— В туалет, милая? — спросил отец с напускной слащавостью, от которой мне захотелось блевать.

Я кивнула, взяв со стола свою сумочку.

Коннер поднялся на ноги. То, что было простым походом в туалет, вдруг стало похоже на сцену, и я пожалела, что не оставила свою задницу на месте.

— Я с удовольствием провожу ее, — предложил Коннер, глядя на Умберто.

Я еще не принадлежала ему. Это было не его дело — вмешиваться, что вызвало вспышку паники в моих венах. Я перевела взгляд на отца, боясь его реакции. Но, к моему облегчению, он выдавил из себя жесткую, но любезную улыбку.

— Конечно, боюсь, что в последние месяцы я был чересчур заботливым. Уверен, ты можешь меня понять, учитывая обстоятельства. Я уже потерял одного драгоценного члена своей семьи; я не мог допустить, чтобы потерять еще одного. — Его глаза ненадолго вернулись к моим, чтобы убедиться, что я уловила его тонкую угрозу.

Я опустила взгляд, чтобы никто не видел ненависти, кипящей в моих глазах, и отошла от стола. У меня были более насущные проблемы, чем мой засранец отец. Я несколько дней мысленно готовилась к тому, чтобы выстоять против обаяния Коннера, а он уже заставил меня покраснеть от одного его взгляда. Я должна была быть сильной, потому что каждый мой шаг отдалял меня от безопасности свидетелей. Туалет находился на цокольном этаже. Когда мы спустимся вниз по лестнице, мы будем совершенно одни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рука Коннера метнулась вперед перед дверью в уборную, стальная преграда, мешающая мне сбежать.

Это было именно то, чего я боялась. Я знала, что он не упустит такой возможности, не проявив своего превосходства, чтобы заставить меня извиваться.

Я никогда не чувствовала такого жара, который он пробуждал во мне. Он лизал мою кожу, пока река мурашек не забурлила в моих венах. У меня и раньше были влюбленности, но это было по-другому. Вязкая. Неукротимая. Как бы сильно я ни хотела остаться незатронутой, это было невозможно. Мое тело реагировало на него так, как будто оно уже было его собственностью.

Тело и разум — не одно и то же. Ты должна помнить о своей цели, Эм.

Я вызывающе подняла подбородок, мои ноздри раздувались от его пьянящего запаха.

Его холодный взгляд держал меня в плену, глаза были в дюйме от моих. — Твой отец будет проблемой?

Мои губы разошлись в удивлении.

Я ожидала намеков и манипуляций. Такая прямая постановка вопроса ударила в самое сердце моего беспокойства и заставила меня пошатнуться.

Я покачала головой и попыталась увернуться от его руки. Коннер вклинился своим телом перед дверью, полностью преградив мне путь и прижав нас грудь к груди. Я резко втянула воздух, затем защитно сузила глаза.

Его ничуть не обеспокоило мое раздражение. Если уж на то пошло, его напряженность только еще больше усилилась в тускло освещенном коридоре цокольного этажа — злодейский шторм, угрожающий разрушить меня до основания.

— Защита — это одно. У меня такое чувство, что это нечто большее, и я думаю, что должен знать, не будет ли это проблемой. — Его глаза немного сузились, разница между напряжением и дикой свирепостью в одном крошечном подергивании мускула. — Он когда-нибудь причинял тебе боль? — Слова были смертельно спокойными.

О Боже. Почему он это делает?

Ему нужно было перестать задавать вопросы, а мне нужно было перестать думать, что его вопросы означают, что ему не все равно. Вероятно, все это было связано с контролем и властью, а не со мной. Я должна была остановить это. Сейчас. Лучший способ добиться этого — не выглядеть испуганной девочкой.

Сделав небольшой шаг назад, я открыла свой клатч и достала ручку, затем взяла его руку в свою, ладонью вверх. Она оказалась гораздо шире, чем я ожидала. Грубые и твердые мышцы. Руки, знающие тяжелую работу, например, выжимание жизни из врага.

Я мысленно отругала себя, чтобы сосредоточиться, и написала три буквы по всей поверхности его ладони.

Нет.

Отпустив его, я с вызовом посмотрела вверх. Коннер шагнул вперед, поставил свою ногу между моих бедер и повернул нас так, что моя спина оказалась прижатой к стене рядом с дверью. Я не стала извиваться или отвечать, зная, что не могу показать сомнение или слабость, если собираюсь отмахнуться от его вопросов.

— Не такая хрупкая, как они предполагали, не так ли? — промурлыкал он надо мной.

Я взяла его галстук в руку, медленно потянула его вниз, пока наши носы почти не соприкоснулись, и медленно покачала головой из стороны в сторону. Его руки легли по обе стороны от моей головы, и он прижался своей щекой к моей, его щетина создавала восхитительное трение о мою кожу.

— Хорошо, потому что я и близко не нежен. — Эти слова были черным обещанием, сырым, требовательным и совершенно пьянящим.

На лестнице над нами раздались шаги, заставив меня опомниться.

Я напряглась, глаза расширились. Коннер не сдвинулся с места. Я прижала ладони к его груди, бешеный взгляд устремился на ноги, которые вот-вот должны были появиться в поле нашего зрения. Оглянувшись на него, я прижала ладони к его груди, ненавидя злодейскую ухмылку, расплывшуюся по его лицу.

Наконец, когда в запасе оставалось всего несколько секунд, он отступил и позволил мне скрыться в ванной. Глубоко вдохнув, я подошла к раковине и прислонилась к старой туалетной стойке.

Черт возьми, это было близко.

Если бы мой отец или Умберто увидели Коннера так близко ко мне, я не уверена, что бы произошло. Папа знал, что я выхожу замуж за этого человека, но считал это обузой. Смог бы он пересмотреть свое мнение, если бы знал, что между мной и Коннером возникла химия? Если бы Умберто пошел против Коннера, чтобы защитить мою честь, ирландцы отказались бы от сделки?

Без Коннера я снова стала бы пленницей в доме своего отца. Я не могла этого допустить. Он убил бы меня, если бы я ему не пригодилась или он решил, что я представляю слишком большую опасность. Я должна была сделать так, чтобы ничто не помешало помолвке.

Тяжелый вздох дернул меня за плечи, когда дверь в ванную распахнулась. Я обернулась, ожидая увидеть Коннера в дверном проеме, но меня встретило сияющее лицо Пиппы.

Я бросилась к ней и благодарно обняла ее.

— До тебя добраться труднее, чем до президента, ты знаешь об этом?

Тихий смешок вырвался из моей груди.

Пип отстранилась и изучающе посмотрела на меня. — Что, черт возьми, происходит, Эм? Почему ты под замком, и как ты оказалась *помолвлена*? Я имею в виду, не пойми меня неправильно, он действительно красавчик, но, черт возьми! Это появилось из ниоткуда. — Ее глаза расширились. — Ты ведь не беременна? — прошипела она.

Я решительно покачала головой, улыбка натянула мои губы. Я рассказала ей несколько деталей по смс, но, не имея возможности объяснить все лично, я держала все в тайне.

Я достала из сумочки блокнот.

Папа предложил меня в качестве кандидата, когда было предложено создать союз. Думаю, Коннеру понравилась идея молчаливой жены.

Если бы глаза Пип сузились еще больше, она бы вообще ничего не увидела. — Прости?

И снова мне пришлось сдерживать хихиканье. Мне не следовало так ее подначивать.

На самом деле он не так уж плох. И, как ты уже сказала, он приятен для глаз. Это было преуменьшение века.

— Внешность — это еще не все. — Пип сверкнула глазами. — Я не знаю, Эм. У меня плохое предчувствие, что что-то не так. То, как эти парни чуть не набросились из-за тебя, и то, как твой отец прятал тебя подальше. Что-то было... не так. — Она подняла бровь и ухмыльнулась. — Моргни один раз, если тебе нужна помощь. — Она наклонилась и рассмеялась.

Я заставила себя улыбнуться, борясь с внезапно нахлынувшими слезами и опустив взгляд в блокнот, чтобы она не заметила.

Все в порядке, обещаю, но, может быть, ты сможешь его изучить. Дай мне знать, во что я ввязалась.

Глубоко вздохнув, я снова встретилась с ней взглядом, обнаружив, что не я одна охвачена эмоциями. Теплый медовый взгляд Пип был стеклянным.

— Я не могу поверить, что ты выходишь замуж, а тёти Норы здесь не будет. — Она нежно погладила мое ожерелье, а затем быстро обняла меня. — Ладно, нам лучше поторопиться и вернуться туда, пока они не послали поисковую группу.

Я кивнула и усмехнулась, поблагодарив Бога за то, что у меня все еще есть Пип. Мой мир вот-вот должен был измениться, но знание того, что у меня есть она, помогало мне держаться на плаву.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всегда доверяй своей интуиции. Это было кредо, по которому я жил, и оно сослужило мне хорошую службу — не раз спасало мне жизнь — так что я не собирался отказываться от него сейчас. Интуиция подсказывала мне, что между Ноэми и ее отцом что-то не так, и я не собирался игнорировать это чувство, как бы убедительно Ноэми не убеждала меня в том, что я ошибаюсь.

На протяжении всего ужина я не сводил глаз с Фаусто. Умберто был занозой в заднице, но он был всего лишь лакеем. Если бы с итальянцами возникли проблемы, Фаусто был бы в центре их.

Я сказал себе, что, что бы не случилось, мне нужно держаться подальше от всего этого. Вмешиваться в дела итальянской семьи было бы не очень хорошо, но мысль о том, что кто-то, кроме меня, тронет Ноэми, заставляла меня чесаться от желания раскрасить все ее семейное древо в оттенки красного. Они были ее семьей. Это была их работа — защищать ее, и если бы они не справились с этой задачей, мой гнев был бы беспощаден.

Меня это не должно было волновать. Я специально выбрал ее в невесты, надеясь, что ее молчание позволит мне забыть о ее существовании. Как будто я мог игнорировать ее огненную решимость. Ее присутствие в комнате было громче, чем у большинства мужчин, которых я знал, она приковывала внимание каждым изящным движением бедер и пронзительным взглядом изумрудных глаз.

Каждое из написанных ею слов стоило тысячи пустых разговоров ее отца.

С каждым новым взглядом на ее дерзкую личность мне хотелось узнать больше о том, откуда взялась ее сила и почему меня убедили в том, что она не просто необыкновенная. Если бы мне сказали правду, я бы никогда не попал в эту передрагу. Я и в лучшие времена был рассеянным, а если быть честным с самим собой, то становился все более одержимым. Просто чудо, что я не прижался к ее губам в том подземном коридоре и не почувствовал вкус ее блестящих губ. Это и приближение свидетеля были причинами, по которым я держал свои руки прижатыми к стене. Если бы я позволил своим пальцам обхватить ее талию и

притянуть ее тело к своему, любая степень контроля, которой я обладал, была бы разрушена.

А то, как она покраснела до пят, когда впервые увидела меня? *Господи.*

Милая и дерзкая. Это была чертовски смертоносная комбинация, и мои дни утекали на глазах.

Ее сопротивление нашей связи только усилило мою решимость заполучить ее. В то время как ее тело было бы легко убедить, я понятия не имел, в чем причина ее душевных терзаний. Я поверил ей, когда она сказала, что больше никого нет. В таком случае, я не видел проблемы. Мы собирались пожениться, и жар между нами просто зашкаливал. Так зачем же противиться? Почему бы не поддаться желанию?

Это была просто моя удача. Или карма. Джимми с его верой в судьбу сказал бы мне, что я сам виноват в том, что пытался заполучить жену, которую мог бы игнорировать — что я обрек себя на тоску по женщине, которая меня не выносит.

— Что-то смешное? — спросил Джимми, присоединившись ко мне на тротуаре, когда мы вышли из ресторана. Все остальные уже ушли или садились в свои машины. Я подождал, пока Ноэми уйдет с отцом, и погрузился в размышления после того, как они уехали.

— Просто смеюсь над собой.

— Нет причин для смеха, насколько я могу судить. Ты сегодня молодец, Кон. — Он хлопнул меня по плечу. — Я вижу великие дела на горизонте для всех нас. Я и мои братья, вместе с твоим отцом, вернули эту организацию к жизни в Нью-Йорке, а теперь ты и следующее поколение укрепим наше будущее. Мы покажем всему миру, что мы сила, которую нужно бояться и уважать.

— Союз, безусловно, будет полезен, но нам придется доказывать свою состоятельность независимо от этого. — Албанцы и другие не собирались спокойно уйти в ночь без доказательства нашей новой силы.

— Конечно, но союз с итальянцами — это только первый шаг в переосмыслении себя, — заговорщически добавил Джимми, его голос упал до хриплого шепота.

— Да? Ты собираешься рассказать мне остальную часть этого плана?

Он пожал плечами. — Копы у нас уже в кармане — половина полиции ирландцы, — но если мы сможем получить более надежную руку дальше по цепочке... скажем... в офисе губернатора... тогда, мы действительно будем хорошо сидеть.

— Эван Александр — уважаемый человек. Не многие политики могут похвастаться этим, но губернатор — один из них. Тебе будет трудно поймать эту рыбу. — Я взглянул на дядю, любопытствуя, как самодовольно скривились его губы.

— Такие вещи иногда происходят забавным образом. — Он посмотрел на меня. — Как ты и твоя невеста там. Я видел, как ты за ней наблюдал.

— В моих интересах быть наблюдательным, когда речь идет о них.

Ухмылка Джимми усилилась, как будто он уже знал, что мое оправдание — полная чушь.

— Послушай, — сказал я тихо. — Я просто хочу, чтобы ты знал, что, несмотря ни на что, я — Байрн. Я всегда буду Байрном прежде всего. — С тех пор как впервые зашла речь об этом союзе, я в глубине души опасался, что Джимми и другие могут начать считать меня менее надежным из-за моих связей с итальянцами. Я хотел быть уверенным, что он знает, что мои ирландские корни всегда будут побеждать.

Мой крестный отец положил руки по обе стороны от моего лица и пристально посмотрел мне в глаза. — Ты хороший мальчик, Коннер. Я бы никогда не стал

рассматривать этот сценарий, если бы хоть немного сомневался в тебе. Понимаешь?

— Спасибо, Джимми. — Странное тепло разлилось по моей груди, а затем охладилось, когда он продолжил.

— Так вот почему Миа Дженовезе не было здесь сегодня вечером? Казалось, что она и ее муж были ключевой частью этого альянса.

Я поморщился, зная, что он прав. — Просто мне показалось, что это слишком много, слишком рано. Она не моя мать, Джимми, и я не готов притворяться.

Он поджал губы и кивнул. — Полагаю, я могу это уважать. Ладно, Бренна, наверное, уже бесится в машине. Я лучше пойду.

— Спокойной ночи, дядя Джимми.

— Полегче, Кон. — Он помахал рукой, оставив меня бродить по улице, где я припарковался несколько часов назад.

Усевшись на водительское сиденье, я достал из кармана телефон и обнаружил, что у меня есть пропущенный звонок от Мии Дженовезе. Я тяжело вздохнул, затем нажал на пропущенное сообщение и услышал голос моей биологической матери.

— Привет, Коннер. Это Миа. Миа Дженовезе. Я хотела спросить, не могли бы мы как-нибудь выпить кофе. Я бы очень хотела поговорить с тобой, если у тебя есть время. Знаешь... когда мы будем вдвоем. Если тебе будет удобно, конечно. В общем, я запуталась. Просто дай мне знать. Хорошо. Пока.

Именно поэтому я не хотел встречаться с ней с самого начала. У меня была семья. Та, которая хотела меня с самого начала. Мне не нужно было страдать от неловких встреч, чтобы заполнить какую-то зияющую дыру внутри меня. Встреча с ней ничего не изменила. И я не чувствовал никакого обязательства потакать ее угрызениям совести. Ее эмоциональная травма не была моей проблемой.

Я отключил телефон и бросил раздражающее устройство в подстаканник рядом со мной. У меня были более насущные дела, например, как выкинуть из головы зеленоглазую искусительницу.

Разумнее всего было бы позвонить кому-нибудь из моих постоянных партнеров и напомнить себе, что все, что мне нужно, это хороший трах, но у меня было такое чувство, что вместо этого меня ждет холодный душ. Какой же я идиот.

И я винил в этом только себя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Подслушивание вполне допустимо, если твоя жизнь висит на волоске. По крайней мере, я говорила себе об этом, стоя за дверью кабинета отца и нависая так близко, как только могла, чтобы не толкнуть дверь. Я услышала, что Коннер приехал за несколько минут до этого, и поспешила вниз, как только дверь кабинета закрылась. Они обсуждали союз и свадебные планы — я не могла *не* слушать.

— Принятие не было проблемой, но я думаю, что было бы разумно выбрать нейтральное место для церемонии. — Глубокий мелодичный поток голоса Коннера струился как шелк. Как всегда, он выглядел совершенно непринужденно.

— Согласен, — ответил мой отец. — Я предлагаю церковь Святого Франциска Ксаверия в Мидтауне. Он один из немногих достаточно больших, чтобы вместить обе семьи, и не связан ни с одной группой. Кроме того, в Мидтауне у нас есть лучшие варианты для приема. Я не хочу ограничивать список гостей.

— Я не могу представить, что церковь будет доступна в такой короткий срок.

— Об этом позволь мне беспокоиться. — В голосе моего отца прозвучала лукавая усмешка. — Мы договорились о первом августе, и я не вижу причин менять это.

Первое августа? Черт возьми!

До него оставалось всего две короткие недели. Я знала, что теперь, когда было официально объявлено о помолвке, все пойдет быстро, но две недели — это совсем немного времени.

Несмотря на мое желание вырваться из-под влияния отца, перспектива того, что такое судьбоносное событие произойдет так быстро, заставляла мою голову кружиться от паники. Я настолько отвлеклась, что была застигнута врасплох, когда дверь распахнулась, и я оказалась лицом к лицу с Умберто.

Меня захлестнула новая волна ужаса.

Как я могла забыть о нем? Папа всегда держал его рядом, и хотя беседа проходила в удобном месте в дальнем конце комнаты, я не учла дополнительную переменную. Я была

слишком потрясена, чтобы даже придумать оправдание.

С открытым ртом и расширенными глазами я застыла на месте, когда все трое мужчин уставились на меня.

— Мои извинения, Коннер. Похоже, моя дочь забыла о хороших манерах. — Мой отец медленно поднялся со своего кресла, сверкнув глазами в мою сторону.

Взгляд Коннера скользнул от меня к отцу, прежде чем он пренебрежительно махнул рукой. — Для нее естественно быть любопытной, — сказал он, в его голосе сквозило безразличие. — Ты же знаешь женщин и свадьбы. Я рад, что она здесь, на самом деле. Мне нужно было поговорить с ней. С таким же успехом я могу сделать это сейчас, пока не забыл. — Он встал, не дожидаясь ответа.

— Полагаю, у вас есть минутка, — отрезал отец, не пытаясь скрыть своего неодобрения. Коннер продолжал идти ко мне, словно совершенно не обращая внимания на предупреждение в тоне моего отца. Я не купилась на это ни на секунду. Ирландец точно знал, насколько тонкую грань он перешел, но ему было все равно.

Я отступила от двери, сердце настойчиво стучало в ушах.

Как только Коннер протиснулся мимо угрюмого Умберто, он прошел в гостиную и вышел на задний дворик. Было теплое летнее утро, но мои руки покрылись морем мурашек, когда Коннер встретил меня пронизывающим арктическим взглядом.

— Я думал, ты умнее, Ноэми, — тихо сказал он.

Каждый мой позвонок жестко сросся вместе, челюсть крепко сжалась.

Как он смеет осуждать меня, не имея ни малейшего представления о том положении, в котором я оказалась. Да, мне нужно было быть осторожнее, но не ему было делать мне замечание. Во всяком случае, не сейчас.

Мне отчаянно хотелось наброситься на него и выплеснуть ядовитые слова, которые так и вертелись у меня на языке, но я не взяла с собой блокнот. Меня сковывало молчание.

Коннер вздохнул и достал свой телефон из кармана куртки, открыл его на приложении "Заметки" и протянул его мне.

Он давал мне возможность ответить, хотя было ясно, что он не в восторге от этого. Этот жест охладил мой гнев. Совсем чуть-чуть. Он все еще был придурком.

Ты ничего обо мне не знаешь.

Он прочитал мои напечатанные слова, а затем устремил бурные голубые глаза на мое лицо. — Я знаю, что ты прожила под крышей этого человека всю свою жизнь и должна знать лучше, чем быть такой неосторожной. — Он слегка наклонил голову, как будто ему что-то пришло в голову. — Если только... непослушание не является для тебя чем-то новым. — Он сделал крошечный шаг вперед, как будто хотел толкнуть меня, но знал, что за нами наблюдают. — Насколько ты защищена?

Как этот разговор зашел так далеко? От беспокойства до гнева и смущения за несколько ударов сердца. У Коннера была природная способность выводить меня из равновесия.

Я скрестила руки на груди и встретилась с ним взглядом, не желая отвечать.

Его беспокойный взгляд вспыхнул, алчный и темный, как грифель. — Тебя вообще целовали? — Его голос понизился, как гравий на асфальте. Достаточно глубокий, чтобы мои внутренности задрожали.

Ответ был утвердительным, но я чувствовала острую необходимость отстоять свою позицию. Я не хотела подготавливать почву для того, чтобы этот мужчина увидел во мне наивную простушку. К тому же, это было не его собачье дело, целовали ли меня раньше.

Я выхватила телефон из его рук и начала печатать.

Ты сжег человека заживо?

Его ответная ухмылка пробрала меня до костей.

Почему? Я бросила телефон обратно в его руки.

Коннер скорее напечатал, чем озвучил свой ответ.

Потому что он этого заслуживал.

— Теперь ответь на мой вопрос, Ноэми. — Он провел большим пальцем по моей нижней губе, и это прикосновение разожгло огонь в гораздо более интимной части моего тела. — Прикасался ли другой мужчина губами к твоим губам?

Я отказалась отвечать. Я даже дышала с трудом.

Его взгляд опустился на мои губы, и мое предательское тело подалось навстречу ему, как тростинка, беспомощная перед летним ветерком. Тогда я поняла, что он может поцеловать меня прямо на виду у всех. Это было невероятно опасно. У меня не было возможности оценить реакцию отца, но я была поглощена желанием узнать, каково это, когда кто-то такой неотразимый и подавляющий претендует на меня.

Да, в школе меня целовали два разных мальчика, но я сомневалась, что эти спокойные встречи могут сравниться с тем, что заставит меня почувствовать Коннер. Один только взгляд его глаз обещал овладеть моими чувствами и перенести меня туда, где нет рассудка.

К счастью, Коннер контролировал себя лучше, чем я. Он отстранился, оставив меня в постыдном холоде и оцепенении.

— Нам лучше вернуться в дом, — пробормотал он рассеянно, и его голос был единственным признаком того, что на него вообще что-то повлияло.

Когда я последовала за ним в дом, мне пришло в голову, что его уловка поговорить со мной наедине была не более чем способом сгладить гнев отца. Коннер защищал меня в своей собственной резкой манере. Я должна буду помнить об этом в следующий раз, когда он будет меня раздражать, а он, несомненно, будет.

Я поспешила наверх, не глядя в сторону отца. Он отпустил меня без выговора, но это было лишь потому, что он решил подождать, пока мы останемся одни, чтобы он мог извергнуть свой яд без посторонних глаз. Я спокойно читала в своей комнате, когда почувствовала его злобное присутствие в дверном проеме.

— Ты прямо как твоя мать, суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются. — Отец подошел ближе и снял с моей груди изящный кулон-колокольчик. Я молилась, чтобы он не сорвал его с меня, но вместо этого он только усмехнулся. — Может, через две недели ты и уедешь из этого дома, но Санте все еще будет со мной, так что не вздумай вбивать себе в голову всякие глупости. — Он опустил ожерелье и посмотрел на нее. — Еще раз забудешь свое место, и мне будет все равно, кто будет свидетелем. Я научу тебя уважению.

Боже, я хотела запустить книгой ему в затылок, когда он выходил из моей комнаты. Мне хотелось хоть раз встать перед ним и сказать ему, какой он жалкий трус. Освободить кислотную злобу, которая жгла мне язык всякий раз, когда он нацеливался на меня со своим эгоистическим нарциссизмом. Еще лучше, я хотела бы заставить его заплатить за то, что он сделал. Преподать ему урок.

Может ли брак с Коннером привести к тому, что я всю жизнь буду испытывать такую же разочарованную беспомощность?

Мой жених вмешался, чтобы разрядить ситуацию с моим отцом, но это не обязательно делало его хорошим человеком. Он был преступником. Обидчиком, в каком-то смысле, хотя

я не чувствовала рядом с ним того же ощущения надвигающейся гибели, что и с моим отцом. В каком-то смысле мне почти нравилось общаться с ним. Что-то в нем притягивало меня и заставляло чувствовать себя живой. Неужели я была наивна, думая, что он другой?

Он сжег человека заживо, Эм. Насколько он может быть другим?

Уф. Что за бардак.

Я взяла телефон, чтобы отвлечься и вспомнить, что просила Пип найти информацию о Коннере.

Я: Нашла что-нибудь?

Она бы поняла, что я имела в виду.

Пиппа: Как раз собиралась отправить тебе письмо.

Пиппа: К, готово!

Я открыла электронную почту и нажала на сообщение, как только оно появилось. У отца был доступ к моему аккаунту, но я не думала, что его будет волновать то, что Пип посылает мне информацию о Коннере.

Вот что я смогла найти. До недавнего времени семья Байрнов возглавлялась Джимми Броуди и Талли Байрнами, которым помогал отец Коннера, Симус Рид. Две недели назад Броуди был застрелен албанцами возле одного из их клубов. Талли всегда играл более пассивную роль, так что теперь всем заправляет в основном Джимми. Ходят слухи, что молодое поколение начинает брать верх — Оран, сын Броуди, и Кейр, который является старшим Джимми. Коннер находится рядом с ними, заявляя о своих притязаниях. Группа управляет нелегальными игорными клубами и проводит подпольные бои. Они скребли и царапали свой путь к власти. Не буду врать, звучит довольно безжалостно.

Я не смогла найти много информации о Коннере. Ему чуть за двадцать. Единственный ребенок. Полицейских записей нет, что кажется удивительным. Он связан с игорной стороной их операций — управляет клубом "Бастион". Вот и все.

Я не знала о дяде Коннера. Были ли они близки? Каким бы раздражающим не был мой жених, я сочувствовала потере его семьи. Я знала, каково это — потерять близкого человека. В глубине души я не думала, что он настолько бессердечен, что его не затронет такой жестокий поворот судьбы.

Я: Спасибо, дорогая.

Пиппа: Не знаю, что я чувствую по этому поводу.

Я тоже, Пип. Но это ничего не меняет.

Я: Таков мир, в котором мы живем.

Пиппа: Наверное.

Пиппа: Я просто надеялась, что после всего, что случилось, ты найдешь свою счастливую жизнь. Но не это.

Моя кухня была бесстрашной и иногда даже казалась бесстрашной, но я знала, что внутри она переживает так же, как и все мы. Вместо того чтобы усугублять ее бремя, которое никому не поможет, я старалась быть оптимисткой.

Я: Никогда не знаешь, Пип □.

Если я чему-то и научилась за прошедший год, так это тому, что жизнь может измениться в мгновение ока.

Люди умирали. Судьбы менялись.

Я предпочитала иметь хоть какое-то подобие контроля над своей жизнью, но если мне приходилось полагаться на удачу, то так тому и быть.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Никогда на свете я не думала, что буду сидеть рядом со своим отцом во время встречи с организатором свадьбы. Он не посетил ни одного школьного спектакля и не присутствовал ни на одном из самых запоминающихся событий в моей жизни. Планирование моей свадьбы вместе с ним казалось нелепым.

Впрочем, как и перспектива того, что мой отец убьет мою маму.

Но мама была мертва, отец был виноват, а я застряла рядом с ним в свадебном аду. Единственным плюсом была моя будущая свекровь. Миррен Рид была удивительно любезна и дружелюбна. Может быть, я слишком сильно склонялась к оптимизму, но у меня было чувство, что она может стать для меня ценным союзником. Может быть, даже подругой.

Мы провели почти два часа, обсуждая детали. В основном, мы дали планировщице как можно больше указаний, а она собиралась заняться логистикой, чтобы все это произошло. Когда мы закончили, папа объявил, что у него встреча, и поручил Умберто отвезти меня домой после того, как мы заедем в офис Коннера, чтобы занести документы.

Все следы усталости, которую я чувствовала несколько секунд назад, исчезли.

Поедем ли мы в один из ирландских игорных клубов? Увижу ли я его во время нашего короткого визита?

Неоспоримое чувство возбуждения охватило меня по дороге через весь город. Было ли это чистое любопытство, которое заставляло мою кровь бурлить, или что-то еще более разрушительное? Действительно ли я с нетерпением ждала встречи с ним? Я сказала себе, что если ответ да, то только потому, что меня редко выпускали из дома. Любое социальное взаимодействие было для меня освежающим изменением ритма жизни. Это не имело никакого отношения к самому мужчине.

Да...

Умберто припарковался перед четырехэтажным кирпичным зданием, которое снаружи выглядело не очень привлекательно. Потребовав, чтобы я держалась поближе и вела себя хорошо, он провел нас внутрь. Вестибюль был, конечно, более современным, чем снаружи, но все равно ничего особенного. Стены были выкрашены в черный цвет, а в центре стояла стойка администратора, построенная из оригинального кирпича. На стенах висели большие художественные фотографии ночного города, освещенные десятками маленьких светильников, свисающих с потолка.

— Могу чем-то помочь? — приветствовала нас красивая женщина с короткими темными волосами. Она была одета в черные атласные брюки, идеально облегающие ее спортивную фигуру, и такой же обрезанный топ с одной бретелькой, перекинутой через правое плечо. Это был уверенный, смелый образ, которым я восхищалась.

Умберто хмыкнул. — Да, черт возьми, ты можешь. — Он пробормотал эти слова себе под нос, но достаточно громко, чтобы знать, что мы обе его услышали.

У меня возникло когтистое желание ударить ногой в заднюю часть его колена и отправить его на землю. Вместо этого я поджала губы и бросила на нее извиняющийся взгляд.

Женщина сверкнула забавной кошачьей ухмылкой. — Вы пришли к Риду?

— Да, он здесь?

— Посмотрим. Следуйте за мной. — Она провела нас обратно через двойные двери и по коридору, состоящему из ряда офисов.

Мы последовали за ней в последний кабинет, в котором находилось современное кресло руководителя с мониторами и шикарным камином, но Коннера не было.

— Похоже, что он наверху, на втором этаже, — сказала она беззаботно. — Если хочешь, мы, дамы, можем подождать здесь, пока ты его ищешь.

Умберто посмотрел на меня так, как будто он был в замешательстве, и я бросила на него раздраженный взгляд, который говорил: *в какие неприятности я могу здесь ввязаться?*

— Не двигайся, — огрызнулся он, прежде чем исчезнуть в коридоре.

Женщина, чьи глаза были поразительным сочетанием бирюзы и золота, рассмеялась из глубины живота. — Ну и шут. Мне очень жаль. Полагаю, он мог бы быть твоим другом.

Я решительно покачала головой.

— Хорошо. — Она протянула руку. — Я Шай.

Как только моя рука освободилась, я достала блокнот и написала свое имя.

Она усмехнулась. — Я знаю, кто ты, Ноэми. Все в семье знают тебя.

Супер.

Я протянула бумагу и с облегчением вздохнула, когда она разразилась смехом.

— Все не так уж плохо.

Ты родственница Коннера?

— Кузина, но я также работаю с ним здесь, в клубе. Моим отцом был Броуди Байрн.

Мое лицо опустилось, вспомнив, что я узнала от Пиппы.

Я очень сожалею о твоей потере.

Она пожала плечами и указала на красный кожаный диван перед камином. — Это просто часть жизни, я думаю. — Она села под углом ко мне, облокотившись одной рукой на спинку дивана. — Ты пытаешься защититься от таких вещей, но дерьмо случается.

У меня сложилось четкое впечатление, что Шай была крутой. Я знала не так много

женщин, которые работали наравне с мужчинами в нашей семье, и я подумала, что ирландцы, вероятно, такие же.

— Я не должна была приходить сегодня вечером, — продолжила она. — Но я рада, что пришла. Мне было любопытно познакомиться с молчаливой Манчини. — Она наклонила голову, калейдоскопические глаза изучали меня. — Не совсем то, что я ожидала.

Я изогнула бровь, побуждая ее объяснить.

Шай усмехнулась. — Наверное, я ожидала кого-то застенчивого и скромного, но это не ты, не так ли?

Я аккуратно пролистала свой блокнот. **Отсутствие голоса не означает отсутствие мнения.**

Ее глаза искрились весельем. — Нет, это точно не так. И именно поэтому я думаю, что ты мне понравишься, Ноэми. — Ее пальцы перебирали длинную серебряную серьгу, свисающую из уха. — Так скажи мне, что ты думаешь обо всем этом? Коннер и свадьба?

Это просто часть жизни. Я ухмыльнулась, вернув ей ее слова.

— Ни хрена себе. — Она усмехнулась, но быстро погрузилась. Наблюдать за тем, как голубое и золотое в ее глазах боролись за доминирование с изменением ее настроения, было очень увлекательно. Когда она протянула руку, чтобы положить ее на мою, ее глаза были цвета расплавленного янтаря. — Я уверена, что все это нелегко. Если тебе когда-нибудь понадобится кто-то, с кем можно поговорить, я здесь. В любое время.

Я была удивлена ее прямоотой и искренностью ее предложения. Я слабо улыбнулась и кивнула.

В этот момент дверь распахнулась. Все мое внимание мгновенно переключилось на дверной проем, где стоял Коннер, в его глазах полыхало убийство.

Я инстинктивно выдернула свою руку из-под ее. Я даже не была уверена, почему. Мы не делали ничего плохого, но что-то подсказывало мне, что для этого человека это не имеет значения.

Он вошел в комнату, Умберто за ним. — Шай, я не ждал тебя сегодня.

— Похоже, что у тебя полно неожиданных гостей, — дерзко ответила она. — К счастью для меня, у меня есть возможность познакомиться с твоей невестой. Она сногсшибательна, Рид. Ты счастливый человек.

Коннер повернул шею в одну сторону, затем в другую. — Ты ходишь по тонкой чертовой грани, Шай. Я предлагаю тебе стать менее заметной.

Я вздрогнула от его резких слов, не понимая, почему он так недоброжелательно относится к тому, что его кузина была добра ко мне. Может, он был таким угрюмым, потому что Шай не выглядела удивленной. Она ухмылялась, стоя на своем месте, — победоносная вспышка зубов и дерзость.

Да, она мне нравилась.

— Ты тоже, *Берто*, — рявкнул Коннер на моего охранника, хотя его глаза были устремлены на меня. — Я бы хотел побыть наедине со своей невестой.

— А? — Умберто отвел глаза от удаляющегося затылка Шай.

— Вон. *Сейчас же*, — огрызнулся Коннер.

Умберто нахмурился, его глаза переместились на меня, лишь на мгновение задумавшись. — Как скажешь, парень. Только побыстрее, — проворчал он, а затем зашагал из комнаты.

Одним движением руки Коннер захлопнул дверь. Впервые на нем не было пиджака, а

рукава его светло-голубой рубашки были закатаны до локтей, открывая мне вид на чернила, покрывающие его кожу. Я удивилась, увидев, что второе предплечье было голым, лишенным чернил. Что было под остальной частью его рубашки? У меня было предчувствие, что через две недели я это узнаю, хочу я этого или нет.

Я поднялась с дивана, и нарастающее напряжение в комнате заставило меня встать. У меня было ощущение, что Коннер в ярости, но я понятия не имела почему. Я набросилась на свой блокнот, надеясь отвлечь его.

Сегодня утром встречалась с организатором свадьбы.

Я протянула записку, но его глаза не отрывались от моих, пока он шел рядом. Никогда в жизни никто не смотрел на меня с такой пылкостью. У меня перехватило дыхание. В хорошем или плохом смысле, я не была уверена.

— Я больше никогда не хочу, чтобы кто-то прикасался к тебе подобным образом.

Я вздрогнула от неожиданности. **Она была просто добра.**

— Это чушь, но мне все равно. Мужчина или женщина, если я увижу, что кто-то прикасается к тебе так, что мне это не нравится, я отрежу ему пальцы.

Я уставилась на него, совершенно ошеломленная. Откуда взялось это пещерное отношение? Он был тем, кто сказал мне, что у нас могут быть любовники и что весь этот брак — профессиональная договоренность. Куда делся этот человек?

Так много сталкивающихся мыслей обрушилось на меня. Я не знала, что сказать, и выбрала первое, что всплыло на поверхность. **У нас на приеме будут танцы. Ты собираешься отрезать им все пальцы?**

Это был вызов. Средство указать на то, как абсурдно он себя ведет.

Мое намерение ускользнуло от него.

— Тогда я предлагаю тебе позвонить организатору свадьбы и исключить танцы из программы. — Он сказал это с абсолютной серьезностью.

Она твоя кухня, Коннер. Ничего не случилось.

— И для этого я просто разберусь с ней на ринге, но все остальные — честная игра. Я знаю ее лучше, чем ты, и я уверен, что она не была просто милой.

Мои брови сузились от его намека. **Неужели Шай флиртовала со мной?**

— Теперь ты понимаешь, — пробормотал он.

Оххх.

Я перевернула страницу блокнота и снова написала.

Несмотря на это, ты сказал, что нам обоим разрешены любовники.

Я протянула страницу с меньшей силой, недоумение смягчило мою борьбу. Я начала думать о Коннере как о более подходящей альтернативе, чем мой отец. Неужели я ошибалась? Неужели жизнь с ним будет еще более угнетающей, чем эти последние месяцы в моем семейном доме?

Моя выходка, казалось, только еще больше разозлила его. Он подошел еще ближе, его пронзительные глаза были в дюймах от моих. — Нет, я сказал, что все должно быть по-честному. Это значит, что если я сгину, то и ты тоже. Но на данный момент у меня есть только одна пара, и пока это так, я ожидаю того же в ответ. — Он взял меня за руку и вытащил из кабинета, не дав мне возможности ответить.

Спотыкаясь за ним, я едва могла связать мысли воедино, настолько я была вне себя от удивления. Он ожидал эксклюзивности? А что, если я не хотела заниматься с ним сексом? Мое тело хотело, но мой разум не был в этом уверен. Он говорил так, будто однажды может

потерять интерес — именно этого я и боялась. Если бы у меня возникли к нему чувства, такое предательство было бы душераздирающим. Я не хотела отдавать себя в руки человека, который не был предан мне.

Коннер передал меня Умберто. Я скользнула на заднее сиденье его машины, но почти не замечала ничего вокруг. Я думала о большом пальце Коннера на моих губах. Его рука на моем бедре и его грязные слова, сказанные шепотом мне на ухо. Он хотел меня и проявлял сильное собственническое поведение в ответ на руку Шай на моей. Но перейдет ли это в долгосрочную преданность? Или его интерес ко мне был лишь сиюминутным желанием?

Его неоспоримая интенсивность заставляла меня думать, что, возможно, у наших отношений есть потенциал. Что это может быть... больше. Коннер не показался мне взбалмошным типом. Он был скорее *все или ничего*. И если он положил глаз на меня... значит ли это, что он хочет меня всю?

Может быть, это было просто принятие желаемого за действительное. Я не могла быть уверена.

Странный трепет в моей груди пугал меня. Я должна была бояться самого Коннера, но больше меня пугали чувства, которые он вызывал. Тот факт, что у меня была хоть какая-то надежда на то, что я ему небезразлична, был опасным знаком. Он признался, что сжег человека заживо — разве такой человек вообще способен любить? Почему я вообще задавалась этим вопросом?

Если я не возьму под контроль свои эмоции, я попаду в кучу неприятностей. Проблема была лишь в том, что я не знала, как это сделать. Коннер взламывал мою защиту по одной маленькой трещинке за раз. Он был не из тех, кто сдается. Если он поставил перед собой цель покорить меня, я была обречена.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Я никогда не задумывался о том, что было бы, если бы, особенно когда дело касалось

моего прошлого. В отличие от многих приемных детей, которые всю жизнь гадают, как бы сложилась их жизнь, если бы их не отдали, меня это никогда не волновало, потому что это было бессмысленно. Прошлое было прошлым. Двигайся дальше.

Я и раньше не задавался вопросом о своей жизни, а узнав личность своей биологической матери, ничего не изменилось. Если и изменилось, то только подтвердило, что я был именно тем человеком, которым должен был быть. Будь я итальянцем или ирландцем, я должен был процветать по ту сторону закона.

Мой моральный компас был неисправен с рождения, и, более того, мне это нравилось.

Чувство вины было бессмысленным чувством, которым страдают слабые.

Я знал, что думаю, и отвечал за свои поступки, чтобы уверенно идти по жизни. Когда я согласился на просьбу Джимми жениться на итальянке, я принял это решение. Тогда я еще не знал, насколько глубоко я погружусь в это обязательство, но что-то внутри меня щелкнуло при виде Шай с Ноэми.

Я не просто хотел трахнуть свою невесту, я хотел ее всю.

Ее тело и покорность. Ее доверие и послушание. Даже ее вспыльчивый характер и сарказм.

Все это было моим, и я не собирался делиться.

Шай не была настоящей угрозой. Она никогда бы не посягнула на мою территорию, если бы знала, что я чувствую. Но теперь-то она точно знала. Не то чтобы это мешало ей нажимать на мои кнопки. Она всегда так делала, например, называла меня Ридом, когда никто другой не осмеливался. Я забил на это много лет назад — это подчеркивало, что я не Байрн. Никому больше не сходило с рук такое дерьмо, но Шай была мне как сестра. Великолепная бисексуальная сестра, которая была так же хороша в том, чтобы зацепить самую сексуальную девушку в комнате, как и в том, чтобы уничтожить соперника на боксерском ринге. Дядя Броуди хорошо ее обучил.

Хотя мой мозг понимал, что она не посмеет украсть то, что принадлежит мне, архаичное животное во мне было в ярости. Я ненавидел видеть их вместе и почти убивался при виде соприкосновения их рук. Это было интимно и предполагало такую степень близости между ними, которая приводила меня в ярость.

Ревность была не по мне. Я никогда не хотел женщину настолько, чтобы ревновать.

Но больше всего меня беспокоило то, как сморщилось лицо Ноэми, когда я сказал ей, что она единственная, кого я хочу. Как будто мысль о том, что наш брак — это не просто профессиональная договоренность, раздавила ее.

Мне нужно было поскорее увезти ее оттуда, пока я не сказал или не сделал что-нибудь, о чем потом пожалел бы. Как и чувство вины, я не любил сожаления, но я был опасно близок к тому, чтобы наброситься на нее и потом ненавидеть себя за это.

Не может быть, чтобы эта всепоглощающая потребность, которую я чувствовал, была односторонней. Если я застрял с этим удушающим чувством влюбленности, то она, черт возьми, тоже должна была это почувствовать. Я оголю ее полностью, тело и душу, чтобы доказать ей, насколько полно она принадлежит мне. Я сделаю все, что потребуется.

Если мне придется пройти этот коварный путь, я не собираюсь делать это в одиночку.

Но Ноэми была под охраной. Мне придется применить нужное количество силы и соблазна, чтобы не спугнуть ее. Это была единственная уверенность, которая удерживала мой контроль. Как только она ушла, я сел в машину и поехал прямо в спортзал. Если я не выплесну часть убийственной энергии, бурлящей во мне, я взорвусь.

Как обычно, Бишоп уже был там, болтая с кем-то из парней. Он прекратил свой разговор, как только увидел меня, и побежал трусцой.

— Привет, чувак. Я как раз собирался тебе позвонить. Получил информацию, которую ты хотел получить от моего парня.

Я перекинул свою спортивную сумку через плечо и поднял подбородок, чтобы он продолжил.

— Я проверил все. Ее школьная история и внеклассные занятия выглядели довольно стандартно. Во всем досе было только одно, что привлекло мое внимание, но это может быть пустяком.

— Расскажи мне.

— В ее медицинской карте были указаны сломанная ключица и другие ушибы после автомобильной аварии, в которой погибла ее мама, но никаких реальных повреждений горла не было. Синяк от ремня безопасности, но нет физиологического объяснения потери голоса. Доктор даже сделал запись, в которой упомянул возможную эмоциональную травму как фактор, и сказал, что рекомендует консультацию ее отцу, но не стал вдаваться в подробности, потому что формально она уже взрослая, и это было бы нарушением закона о конфиденциальности. Я прочитал весь отчет о происшествии, и все выглядело законно. Следователь не был одним из наших парней, но ничто не выглядело сомнительным. Как я уже сказал, это может быть пустяком. Я просто подумал, что стоит поднять этот вопрос до того, как я отправлю файл тебе.

Травма. Авария не могла быть легкой, но женщина, которую я знал, была далеко не травмирована. Если ее молчание не было физиологическим, то какова была причина? Почему она шесть месяцев молчала и почему ее отец принял ее состояние без вопросов?

Что-то не сходилось, и я был готов к объяснениям.

— Это отличная работа, Бишоп. — Я похлопал его по плечу. — Я переоденусь и встречу тебя на ринге.

— Позволь мне немного тебя помять, и мы будем считать, что мы в расчете. — Он сверкнул мегаваттной ухмылкой.

— В твоих мечтах, придурок. — Я нанес ему быстрый удар в брюхо и увернулся в сторону раздевалки, когда он замахнулся в ответ.

Мой дерьмовый день стал немного лучше. Мне все еще нужно было выпустить пар на ринге, но я уже не был таким кровожадным. Я сосредоточился на стратегии, а не на уничтожении. Пришло время заставить птичку в клетке петь, так или иначе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Санте стоял на кухне, уставившись в открытый шкаф, когда я спустилась на следующее утро. Он был настолько погружен в свои мысли, что не услышал моего приближения, пока я не оказалась в пределах досягаемости.

Я положила руку ему на плечо и вопросительно посмотрела на него.

Он смотрел на шкаф, в котором хранилась наша коллекция кофейных чашек. Мама была заядлой фанатичкой кофе, пристрастившись к сложной процедуре приготовления капучино, которой она религиозно следовала каждое утро. Летом, когда я не ходила в школу, я каждое утро проводила с ней на кухне, разделяя ее привычки. Когда ее не стало, я уже не могла выпить кофе дома без нее. Именно поэтому я впервые начала свои ритуальные походы за кофе. Мне нужен был кофеин, но без душевной боли.

— Это странно. Иногда я почти забываю, что ее больше нет. Я начал доставать кружку для нее, как будто собирался запустить машину для приготовления капучино, а потом понял, что делаю. Это была мышечная память. Как будто мое тело каким-то образом забыло. — Он закрыл дверь и посмотрел на меня, его милые карие глаза были беззащитны и полны боли.

Я знала, что он чувствует. И я знала, что никакие слова этого не исправят, поэтому я обхватила его руками и прижалась к нему.

Боже, я так сильно его любила. Я не могла смириться с тем, что потеряю и его.

— Спасибо, большая крошка, — тихо сказал он.

Когда я отстранилась, я схватила свой блокнот. **Хочешь выпить со мной кофе?**

Его губы истончились. — Ты же знаешь, папа не любит, когда мы ходим куда-то вместе. — Каждое слово было пронизано внутренним конфликтом. Возможно, это был мой шанс помочь ему образумиться.

Ты ведь понимаешь, что это абсурд?

— Он объяснил мне это, так что я вроде как понимаю. После потери мамы он не хочет рисковать тем, что мы будем гулять вместе и что-то случится с нами обоими одновременно. Он был бы совершенно один. — И вот почему я обожала этого бедного милого мальчика.

Как бы отчаянно он не хотел стать частью преступной семьи Лучиано и произвести впечатление на нашего отца, его сердце было сделано из чистого золота. Из-за этого он казался наивным, но эта невинность проистекала из чистоты, которую я никогда не хотела бы видеть запятнанной.

Я кивнула, желая, чтобы я могла увести его, не причинив вреда его доброму сердцу.

Тридцать минут спустя я сидела в своей кофейне, потягивая исходящий паром капучино, но почти не чувствуя его вкуса. Я все еще не знала, как спасти брата, а когда я рассталась с Коннером накануне, он был в ярости. Я не знала, что делать со всем этим. Часть меня настаивала на том, что мне нужно набраться терпения, а другая часть кричала, что у меня мало времени.

Две недели, и я выйду замуж.

Я выйду из-под контроля отца, но буду иметь меньше доступа к Санте, чем уже имела. И хотя Коннер, скорее всего, даст мне больше физической свободы, я боялась, что он может украсть мое сердце и сделать меня еще более уязвимой. Как бы я не смотрела на свою ситуацию, она казалась безнадежной.

Я погрузилась в такую меланхолию, что была застигнута врасплох, когда вышла из туалета и меня дернули сзади через заднюю дверь в переулочек. Грубая рука закрыла мне рот, сердце опустилось глубоко в желудок, а тело покрылось липкой коркой страха.

— Ш-ш-ш, успокойся. Это я.

Коннер? Что, черт возьми, он делал?

Я перестала сопротивляться его хватке, мое неровное дыхание быстро стало единственным звуком в окружающей нас тишине. Когда знакомый запах его лосьона после бритья с пряностями наполнил мои легкие, я еще больше расслабилась в его объятиях.

Как только он почувствовал, что моя паника утихла, он опустил руку и повернул меня к себе лицом. Его сурово изогнутые брови придали его взгляду оттенки полуночи и безжалостной решимости.

Мои мышцы вернулись в состояние повышенной готовности, свернутые и готовые к действию.

— Нам нужно поговорить. Наедине. И поскольку твой отец постоянно дышит тебе в затылок, это был лучший способ.

Его объяснение не ослабило ни на унцию моего напряжения.

— Вчера вечером я прочитал кое-что интересное. Мне показалось, что что-то не так, и я попросил друга собрать информацию о тебе и твоей семье. Твои школьные записи. История семьи. Медицинские карты.

Каждый мускул в моем теле затвердел до состояния арматурной стали, не давая легким вдохнуть даже унцию воздуха.

— Мне показалось интересным, что у врачей нет объяснения твоему молчанию. Странные вещи иногда случаются, и я готов это признать. Но знаешь ли ты, что твой лечащий врач сделал запись в твоей карте, что по его мнению, у тебя психосоматическая реакция на травму? — Коннер провел меня назад, пока моя блузка от Ralph Lauren не оказалась прижатой к стене грязного переулочка. — Итак, милая маленькая Ноэми, я наблюдал за тобой достаточно долго, чтобы составить собственное мнение, и кое-что меня не устраивает. Знаешь, что я думаю? — Он сделал паузу, не продолжая, пока я не покачала головой. — Я думаю, что с твоим голосом все в порядке.

И это было так.

Как получилось, что этот человек, который совсем меня не знал, быстрее всех раскусил мою уловку? Чем дольше длилось мое молчание, тем больше я боялась этого момента — дня, когда мои секреты распутаются, как нити шелкового шарфа на сильном ветру.

Я пошевелилась, чтобы освободить руки и достать блокнот, но Коннер вырвал потрепанные страницы из моих пальцев и выбросил их в ближайший мусорный контейнер.

Я покачала головой в категорическом отрицании. Отказ говорить. Признать что-либо.

— Больше никаких игр, Ноэми. Скажи мне гребаную правду, — рявкнул он.

Все мое тело содрогнулось от паники, но адреналин быстро запустил мою реакцию — борьба или бегство.

Кем этот человек себя возомнил? Он не имеет права так поступать. Требовать от меня чего-либо.

Мои глаза сузились от ярости. Я несколько раз толкнула его в грудь, заставляя отступить, и он позволил мне, но лишь немного. Мне не следовало вырываться, но это было единственное, что я могла сделать, чтобы удержать едкие слова, которые жгли мой язык, от вылетания с губ.

На несколько дюймов мы отодвинулись от стены, и я выплеснула все свое разочарование на его грудь, обтянутую Armani, пока ему не надоело, и он не схватил меня за руки.

— Ты можешь устраивать скандалы сколько угодно, но я не уйду из этого переулка без ответов. И если ты не можешь дать мне их, может, нам стоит спросить твоего отца?

Каждая молекула в моем теле похолодела, и я застыла на месте.

Коннер достал свой телефон. От этого зрелища я снова начала действовать, но теперь мои движения были бешеными от отчаяния. Я вцепилась обеими руками в его предплечье, беззвучно умоляя его остановиться.

— Слова, Ноэми, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Мне нужны слова.

Я попыталась выбить телефон из его рук. Слезы жгли мне глаза, и рыдания подкарауливали меня. Я сделала все, что могла, но Коннер легко ускользнул от меня, зажав обе мои руки в своих.

Большим пальцем он набрал контактную информацию моего отца и вывел ее на экран, чтобы я могла видеть. — Твой отец знает о подозрениях доктора?

Отцу должно было быть не все равно, чтобы спросить. Причина моего молчания не имела значения в его глазах. То, что он узнал, что моя немота была избирательной, не было причиной, по которой угроза Коннера напугала меня. Я боялась, что его вопросы вызовут у отца подозрения относительно того, что я могла или не могла сказать своему будущему мужу. Мне не нужно было рассказывать об отце, чтобы почувствовать его гнев. Важно было лишь то, что, по его мнению, я могла сказать — что я могла рассказать Коннеру о том, что произошло в день аварии моей матери.

Я содрогалась при мысли о том, что сделает мой отец.

Поражение отняло все мои силы, оставив меня изможденной и опустошенной. Мои руки упали на бока, когда мои наполненные слезами глаза встретились с жестким взглядом Коннера. В воздухе витал далекий вой сирены и прогорклый запах отчаяния.

Если я сделаю это, пути назад уже не будет. Но я не видела другого выхода. Я должна была нарушить молчание и поверить в то, что эта крупица правды будет лучше, чем альтернатива.

Я сделала дрожащий вдох и раздвинула губы. — Пожалуйста... не надо. — Слова

звучали так же сухо, как и чувствовались. Ранниме, уязвимые и отчаянные.

Глаза Коннера расширились от удивления, как будто он не ожидал, что его угроза сработает. Затем его руки обхватили мою шею и притянули меня ближе, пока его лоб не уперся в мой. Его глаза смотрели так глубоко в мою душу, что я боялась, что он расщепит меня на две части.

— Ты будешь дарить мне свой голос с этого момента? — Его голос смягчился, но в его словах по-прежнему было больше приказа, чем вопроса.

Когда я кивнула в ответ, его рука предупреждающе сжалась на моей шее.

— Да, я обещаю. — Все, что угодно, лишь бы он не задавал больше вопросов и не требовал ответов.

Я была подавлена тем, что он смог так легко покорить меня, но в то же время испытала удивительное облегчение от того, что наконец-то первый из моих секретов был раскрыт, пусть и силой. В течение шести месяцев я несла груз своих знаний без малейшей передышки. Мое тело покачнулось после такой эмоциональной разрядки, притягивая меня ближе к теплу Коннера, мои глаза упали на его грудь.

Может быть, эмоции затуманили мой мозг, а может, это была просто глупость, но какая-то часть меня хотела верить, что Коннер и есть та безопасность, которую я искала. Мои пальцы впились в его дизайнерский пиджак, когда я перевела взгляд на него. Осколки сапфира в его глазах были почти полностью поглощены тенью.

— Ты не должна так смотреть на меня, Ноэми. Я не настолько благороден, чтобы сопротивляться.

Я понятия не имела, что делаю, кроме того, что мне было так приятно передать контроль этому человеку. Хоть раз не быть ответственной и просто позволить судьбе вести меня. В течение шести месяцев я проводила каждую минуту каждого дня, обдумывая каждый свой поступок. К лучшему или худшему, Коннер лишал меня выбора и позволял мне просто... быть.

Как я могла устоять перед таким искушением?

— Может быть... может быть, я не хочу этого.

Рука Коннера запуталась в моих волосах, мягко оттягивая мою голову назад.

Он застонал от того, что увидел в моих глазах, а затем медленно и неторопливо провел зубами по моей нижней губе.

Я задохнулась, ощутив скрежет его зубов, как будто они были где-то далеко на юге. Другая часть моего тела жаждала его поцелуя и вздымалась от потребности. Мне отчаянно хотелось большего. Наклонившись, я попыталась прижаться губами к его губам, но он держал свой рот на расстоянии вытянутой руки.

— Мое имя. Скажи его, — мягко приказал он.

Я не понимала, о чем идет речь, но на кратчайшую секунду я отдала бы ему все, что угодно, если бы это означало удержать его рядом.

— Коннер, — вздохнула я.

— *Черт.* — Яростное проклятие вырвалось из глубины его души, прежде чем он с безудержной жестокостью приник к моим губам. Я лишилась рассудка, не понимая ничего, кроме вкуса теплой корицы и мужского голода. Я не могла ни дышать, ни думать. Не желая сопротивляться.

Он овладел мной с неутолимым желанием и осадил мое сердце так, как я и представить себе не могла. Каждый соблазнительный взмах его языка был еще одной буквой его имени,

выгравированной на поверхности моей души. Прошло совсем немного времени, и все мысли и эмоции стали сосредоточены вокруг него.

Он был слишком притягателен. Слишком поглощающим.

Вкуса его внимания никогда не было бы достаточно. Я бы жаждала его всего, и он стал бы центром моей орбиты. Всей моей целью в жизни.

Я отстранилась от поцелуя, мой рациональный разум кричал от паники.

— Я не могу этого сделать, — хрипло прокричала я, вырываясь из его хватки.

— Скажи мне почему. — Обида, прозвучавшая в его резком требовании, пронзила меня до глубины души.

Я покачала головой. — Это слишком... Я...

— Тогда хотя бы скажи мне, почему ты так долго молчала.

Мои губы сомкнулись, а тело напряглось от непоколебимой решимости.

Коннер, должно быть, увидел, как железные ворота рушатся за моими глазами, потому что его руки расслабились и позволили мне вырваться.

Я бросила на него последний прощальный взгляд, требуя, чтобы он оставил эту тему.

Он ответил таким же непреклонным взглядом.

Никогда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Скользкая дорожка была преуменьшением века. Поцелуй Ноэми был похож на приближение к черной дыре — я был беспомощен перед ее гравитационным притяжением. Один ее вкус, и на земле не было силы, достаточной, чтобы удалить ее из моего организма.

И ее голос. *Господи Иисусе*, ее голос.

Хриплый, но женственный, звук моего имени на ее губах едва не подкосил мои колени. И знать, что я был первым, кто услышал ее голос? Мне было все равно, что слова были вырваны у нее насильно. Мне нравилось знать, что я был единственным, кто достиг этой

части ее души. Кто увидел ее барьеры и вытащил ее оттуда, где она пряталась. Я мог бы слушать ее болтовню весь день, но вместо этого она убегала от меня, что привело меня в совершенно другое состояние.

Эта женщина сводила меня с ума. Я хотел бушевать против ее власти надо мной, но большая часть меня была слишком озабочена потребностью в ее покорности. Я не хотел вытягивать из нее правду, как из врага. Я хотел, чтобы она положила ее к моим ногам. Свободно. Безоговорочно.

Это случится, в конце концов.

А пока я давал ей пространство, в котором она нуждалась. Что бы не послужило причиной ее молчания, оно все еще связывало ее. Меня злило, что она не давала мне объяснений. Когда-нибудь я получу свои ответы, и тогда она тоже будет у меня.

Когда я чувствовал, как безумие вонзает свои когти глубоко внутрь меня, я пытался убедить себя, что преследование ее только ухудшит мою жизнь. Тогда самые темные части меня говорили в ответ, утверждая, что когтистая настойчивость утихнет, когда она будет у меня. Что после того, как я добьюсь ее капитуляции, неутолимая жажда наконец-то исчезнет.

Это была откровенная ложь, и я знал это. То, чем я кормил себя, чтобы оправдать свою растущую зависимость.

Как будто тьма во мне нуждалась в обосновании.

Когда дело касалось Ноэми, я не мог рассуждать здраво. Влюбленность овладела мной, как токсин в крови.

— Если эта хмурость станет еще глубже, она навсегда омрачит твое милое личико. — Шай подмигнула мне, усаживаясь на мой стол.

После разговора с Ноэми я занял себя делами, чтобы не думать. Когда у меня закончились дела, я пришел в офис пораньше, но обнаружил, что безнадежно отвлекся.

— Это лучше, чем то, что я сделаю с твоим лицом, если ты еще раз тронешь мою жену, — ворчал я.

Глаза Шай расширились. — Вы двое обменялись клятвами, о которых я не знаю?

— Семантика. Ты знала, что тебе лучше и пальцем к ней не прикасаться. — У меня и так было мрачное настроение, и присутствие Шай не помогало. Я видел ее в действии с женщинами и знал, что она может соблазнить лучше, чем большинство мужчин. Я был вне себя от ярости, когда увидел их вместе. Черт, я даже не поцеловал Ноэми в тот момент. Если честно, я даже почти не знал ее, но все это не имело значения. Ничто, казалось, не могло разбавить дикое чувство собственности, которое овладевало мной, когда речь заходила о ней.

Шай положила правую руку на сердце и подняла другую. — Клянусь, с этого момента я не трону Ноэми. — Ее губы скривились в коварной ухмылке. — Если только она сама меня об этом не попросит.

— Клянусь Богом, Шай. Ты ходишь по тонкой чертовой грани.

— Расслабься, Рид. Я не вторгаюсь на твою территорию, но подумай об этом. Она не знает никого в семье. Мы, дамы, должны держаться вместе, и я могу только представить, как бы я чувствовала себя изолированной на ее месте, особенно не имея возможности поговорить. — Она оттолкнулась от стола и пошла к двери. — Я просто думаю, что наличие друга пошло бы ей на пользу. — Остановившись, она бросила на меня покровительственный взгляд, который заставил бы меня выхватить пистолет, если бы это был кто-то другой.

Чертова Шай.

— Только попробуй, женщина, и я назначу тебя дежурной в туалете. На всю жизнь, — сказал я ей вслед, откинувшись назад в своем офисном кресле под тяжестью своего разочарования.

— Дежурить в туалете? Черт! Что она сделала, чтобы заслужить это? — Бишоп заполнил мой дверной проем, его слишком большие карие глаза сияли весельем.

— Не твое дело, — проворчал я. — Я удивлен тем, что вижу тебя здесь. Я уже начал думать, что ты уволился и переехал в спортзал. — Бишоп мог быть занозой в заднице, но я знал его всю свою жизнь. Он естественно стал моей правой рукой и знал почти все, что я знал о бизнесе. Я доверял ему свою жизнь. Мне все еще не хотелось делиться с ним своей дилеммой с Ноэми.

— Когда ребята позвонили и сказали, что внизу меня ждет гость, я решил, что смогу совместить работу и удовольствие. — Он поднял белое полотенце, которое, как я не заметил, было у него в руках; на махровой ткани остались пятна крови.

Я замолчал. — Ты от меня скрыл? — Пленник был именно тем, что мне было нужно, чтобы изгнать некоторых из этих демонов.

Ответная ухмылка Бишопы была почти маниакальной. — Албанец был пойман сегодня утром, когда вынюхивал информацию в клубе на 58-й улице. Мы подготовили его внизу.

— Черт, почему ты мне не сказал? — Я поднялся на ноги и стащил с себя пиджак.

— Просто размял его для тебя.

Я вышел из офиса, даже не закончив закатывать рукава. Хорошо, что некоторые люди так и не учатся, потому что сегодня мне это было необходимо.

Наша кладовая двойного назначения в подвале была пуста, если не считать привязанного к стулу мужчины средних лет под единственной подвесной лампочкой. И еще небольшой металлический столик, уставленный различными инструментами, используемыми для убеждения.

Бишоп был прав. Парень был весь в синяках и брызгах крови, но никаких серьезных повреждений не было. Скоро он будет готов петь.

Все клубящиеся мысли, возникшие ранее, улеглись, и меня охватило умиротворяющее спокойствие. Уверенность в цели и радость мести.

— Я так понимаю, наш друг еще не настроен говорить? — спросил я Бишопы, подходя ближе к столу.

— Неа, думает, что он большая шишка.

Отлично.

Я взял в руки аккумуляторную дрель, наслаждаясь ощущением ее веса. Когда я повернулся к нашему пленнику, в его глазах на мгновение мелькнул ужас, а затем его жалкая маска вернулась на место. Это была моя любимая часть. Наблюдать за тем, как быстро они ломаются.

— Мы не обязаны этого делать, мой друг. Просто скажи мне, что планирует твой босс, и все это быстро закончится. *Пожалуйста, пожалуйста, не надо.*

Он посмотрел на меня стеклянными черными глазами, а потом плюнул в меня.

Люблю, когда они ведут себя жестко.

Я включил дрель и вогнал наконечник в его колено, вдавливая сверло в кость и хрящ.

Истерические вопли наполнили комнату.

Сверло было очень эффективным, поэтому мне не пришлось слишком глубоко входить,

прежде чем они заговорили. Как только я услышал его крики, я отступил назад и выжидающе посмотрел на него. Лицо мужчины было опущено, скрывая его от глаз.

— У меня нет целого дня, придурок, — резко ответил я.

Когда мужчина поднял свое лицо к моему, то, что я принял за рыдания, на самом деле оказалось маниакальным смехом.

— Я слышал, тебя можно поздравить, — сказал он, его слова были с легким акцентом и раскатыстыми от боли. — Девушка Манчини — настоящий приз. Было бы жаль... потерять такую... сладкую маленькую шлюшку. — Он с трудом держался на ногах, но все же сумел торжествующе улыбнуться, потому что знал, что задел нерв мстительным гневом, омрачившим мое лицо.

Ярость, подобной которой я никогда не знал, охватила меня, лишив всех рациональных мыслей и заставив действовать.

Я вытащил пистолет из-за пояса брюк и выстрелил ему в брюхо. Я ничего не мог с собой поделать. Я должен был наказать его за то, что он выплеснул такую грязь и имел наглость говорить со мной о моей невесте.

— Ну, черт. Тебе действительно не следовало этого делать, — сказал Бишоп над криками албанца.

И да, и нет. Я хотел покончить с его жизнью тогда и там, но я не отказал бы себе в удовольствии узнать, что он страдает. — Ты хоть представляешь, сколько времени нужно, чтобы умереть от простреленного кишечника? У нас еще много времени. И может быть, если он *очень-очень хорошо* попросит, я всажу ему пулю в голову, прежде чем все закончится.

Бишоп усмехнулся. — Думаю, мне лучше устроиться.

Я хмыкнул, чувствуя себя немного лучше. Албанец не только умрет, но и, вероятно, расскажет нам все, что мы хотели знать, когда испустит последний вздох, и я смогу отправить его домой с кишасей личинками раной и болью, вытравленной в каждой щели его уродливого лица.

В жизни нужно искать положительные стороны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

После обеда я получила неожиданное сообщение от Шай с предложением поужинать вместе с ней. Перспектива провести время вне дома с подругой была настолько привлекательной, что я рискнула рассердить отца и попросить разрешения. Я написала записку, объясняющую, как важно для меня занять свое место среди ирландских женщин, и показала ее ему вместе с текстом. Он согласился, но только после своего обычного шквала тонко завуалированных угроз и приказа о том, что Умберто должен сопровождать меня.

Мне ужасно нужно было отвлечься после неудачного утра, поэтому мне было все равно, какими ограничениями он меня сковал. Мне нужно было выбраться из этого проклятого дома и уйти от своих безумных мыслей.

Мы встретились в причудливом французском ресторане с низкими потолками и мерцающими свечами на каждом столике. Умберто сидел напротив нас. Шай с любопытством разглядывала его, и я вспомнила, как ребенок изучает песочный замок, прежде чем сравнить его с землей.

— Ты везде берешь с собой свой мускул? — Она выглядела так же великолепно, как и при нашей первой встрече. Я подумала, бывает ли у нее когда-нибудь неудачный день с прической и она ходит в трениках или она от природы идеальна. Это казалось утомительным, но я также немного завидовала.

Я достала свой блокнот, не готовая к тому, что весь остальной мир узнает, что я могу говорить. Надеюсь, Коннер сохранил этот маленький секрет между нами.

К сожалению. Я подвинула блокнот к ней.

— Это хорошо, что твой отец хочет защитить тебя, — согласилась она.

Мне хотелось, чтобы это было только так. Умберто превратился из защитника в тюремщика в день смерти моей матери.

Спасибо за приглашение. Хорошо бы выбраться из дома.

— Конечно! В клубе нам не хватало времени побыть вместе.

Я вопросительно подняла брови. **Коннер знает, что ты здесь?**

Он ясно дал понять, что ему не нравится идея, чтобы мы с Шай подружились. Мне было наплевать на его нелепые приказы, но я не хотел, чтобы у нее были неприятности.

— Нет, но все в порядке. Он это переживет. — Она озорно усмехнулась.

Официант остановился и принял наши заказы на напитки. Я выбрала Pinot Grigio, с облегчением вздохнув, когда официант не стал требовать у меня карточку, поскольку мне еще не хватало года до установленного законом возраста. Шай была немного старше, вероятно, ближе к возрасту Коннера.

— Похоже, ты хорошо держишься. Дата уже назначена?

1 августа.

Она присвистнула. — Так скоро?

Я кивнула. **Нет причин ждать.**

— Также нет причин торопиться, если предположить, что ни одна из сторон не планирует отступить.

Полагаю, обеим сторонам не терпелось завершить сделку.

— Полагаю, ты права, — сказала она с любопытным блеском в глазах. — Я так понимаю, у тебя не было парня, от которого тебе пришлось бы отказаться?

Когда я покачала головой, мои щеки запылали от жара.

— Это хорошо. — Она весело усмехнулась. — Лучше, чем заключать такую сделку из-под горы сердечных страданий.

Она не ошиблась. Я потягивала свежее вино, признавая, что все всегда могло быть хуже, а потом замерла, когда мой взгляд перехватил гневный сапфировый взгляд. Коннер стоял в тени коридора позади Шай, скрытый от Умберто.

Он сказал меня подойти к нему.

Мое сердце забилося, реагируя на всплеск адреналина. Я приказала своему телу вести себя хорошо. В то утро Коннер одержал надо мной верх, и я не хотела снова давать ему преимущество.

Успокоившись, я передала записку Шае, отлучилась в туалет и уверенно пошла в бой. Или, по крайней мере, создавая видимость уверенности. Внутри меня все дрожало.

— Что ты здесь делаешь? — шипела я, как только подошла достаточно близко.

Коннер взял меня за руку и повел дальше по коридору в небольшую комнату с припасами, полностью проигнорировав мой вопрос. Я не сопротивлялась, не желая рисковать и устраивать сцену. Он оставил дверь открытой, но единственный свет проникал внутрь из тускло освещенного коридора.

— Ты с ней не разговариваешь. — В его мягко сказанном замечании было любопытство и что-то еще, чему я не могла дать названия. Что-то интимное и соблазнительное.

Я покачала головой.

— Твой голос, Эм, — пропел он с медовой властностью, от которой у меня ослабли колени. И это был первый раз, когда я услышала свое прозвище на его языке. Гул от его протяжного М отозвался глубоко в моей груди, как урчание дорогого спорткара.

— Я не готова говорить с кем-то еще.

Его подбородок приподнялся. — Не готова, но ты улизнула на ужин с Шай.

— Я бы не сказала, что взять с собой телохранителя — это тайком. К тому же, я не знала, что должна сообщать тебе о своих планах на ужин с другом.

Коннер обошел меня и встал у меня за спиной. Его рука медленно провела по моим волосам, отчего все мое тело задрожало. Когда он заговорил, его губы были в нескольких

дюдюмах от моего уха. — Уверяю тебя, Шай меньше всего думает о дружбе. И если в ее мозгах осталась хоть капля самосохранения, она больше не посмотрит на тебя дважды.

Я повернула лицо, слишком поздно осознав, что свела наши губы на расстоянии дыхания друг от друга. — Ты... причинишь ей боль за то, что она была добра ко мне? — спросила я, задыхаясь.

Его губы причудливо изогнулись в уголках, когда он встал во весь рост и продолжил идти обратно к стене напротив меня. — Эта женщина хочет получить то, что принадлежит мне. Ей лучше знать. — Прежде чем я успела возразить, он продолжил ворчливо. — Она умеет боксировать лучше, чем половина моих людей. Тебе не стоит беспокоиться о ней.

— Мне все равно, насколько она крута. Она не заслуживает твоего гнева. Если кто и должен злиться, так это я. Как ты вообще узнал, что мы здесь?

Его веки опустились так, что был виден только маленький кусочек сапфира. — Каким бы я был мужчиной, если бы не защищал то, что принадлежит мне?

— Я еще не твоя. — Я не могла выдержать его взгляд, пока произносила эти слова. Интенсивность его взгляда была слишком велика. Или, может быть, сами слова были вызовом, потому что я всегда плохо умела лгать и чувствовала горечь лжи. Это шокировало меня. Я не была уверена, почему я чувствовала какую-то преданность к этому человеку, но она была там, в ядре вины, прорастающем в моем нутре.

Коннер положил руки по обе стороны от моего лица и снова приблизил губы к моему уху.

— *Лгунья, лгунья*, — прошептал он, его теплое дыхание на моей коже согревало все мое тело. — Мне доказать это? — Затем его губы оказались на моих, посасывая, пробуя, поглощая.

Без малейших возражений я стала его добровольной жертвой, задыхаясь от его прикосновений. Все мое тело дрожало, когда кровь прилила к центру. Когда мои губы разошлись в стоне, он втянул мою нижнюю губу между своими, сжимая зубами, когда отпускал ее, как в прошлый раз, когда мы целовались. Но на этот раз он сделал последний укус, который закончился болевым уколом.

Я отпрянула назад и провела пальцами по губам. Они окрасились в пунцовый цвет.

— Ты укусил меня? — Я посмотрела на него, ошеломленная.

Его глаза сверкнули опасным весельем. — Чтобы никто не заблуждался насчет того, кому ты принадлежишь.

Моя рука без раздумий отпрянула назад, готовая нанести удар, но он предугадал мою реакцию. Молниеносно он перехватил мою руку в воздухе и закружил меня, сцепив руки за спиной. — Пора возвращаться, — язвительно сказал он. — Не хотелось бы, чтобы этот придурок искал тебя.

Коннер отпустил меня, а затем для верности шлепнул по заднице.

Я бросила на него взгляд, от которого могло бы свернуться парное молоко.

Поспешно вернувшись к столу, я слизала следы крови, но знала, что моя губа будет красной и распухшей.

Шай взглянула на меня и ухмыльнулась. — Он здесь, не так ли?

Кто? Я вызывающе подняла подбородок. **Давайте закажем. Я проголодалась.**

Мне надоело позволять мужчинам вмешиваться в мою жизнь. Коннер. Умберто. Мой отец. Все. Они могли пытаться манипулировать мной и играть со мной, но в конце концов, я была сама себе хозяйкой. Я выбирала, следовать за ними или бороться. Я решала, кого и чего

я хочу от этой жизни, и прямо сейчас мне нужно было поужинать с другом.

Подняв свое вино, я стукнула бокалом об ее бокал и сделала здоровый глоток, а затем нацарапала поспешный тост.

К черту патриархат.

Шай разразилась смехом, и я поддержала ее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я не чувствовал себя обязанным оставаться в ресторане после разговора с Ноэми. Вообще-то я не беспокоился о Шай, но когда я услышал, что они гуляют вместе, то обнаружил, что еду в том направлении без сознательного решения. Мне нужно было знать, собирается ли Ноэми использовать свои новые голосовые способности, хотя я не был уверен, что делать с ответом.

Противоречивые эмоции охватили меня, когда я увидел, что она что-то пишет в блокноте. Эгоистичная гордость наслаждалась осознанием того, что ее голос принадлежит только мне. Я бы сохранил каждую ее частичку при себе, если бы мог. Проблема была в том, что чем больше я узнавал о ней, тем больше у меня возникало вопросов. Я уже бесчисленное количество раз спрашивал себя, почему она так долго молчала. На ум приходило несколько очевидных ответов, но ни один из них не объяснял, зачем ей продолжать уловку после того, как ее раскрыли.

Почему, черт возьми, она чувствовала необходимость молчать?

Инстинкты подсказывали мне, что причина есть, и я должен ее выяснить, но как? Неопределенность когтями впивалась в меня, что только злило меня. В последнее время это, похоже, стало для меня постоянным, и у меня были куда более важные дела, чем уговаривать девушку поделиться со мной своим чертовым багажом.

Согласие на это соглашение никогда не должно было обернуться так, как оно обернулось. Вся причина, по которой я выбрал Ноэми, заключалась в том, чтобы все было

просто. Моя жена и жизнь полностью разделены. Теперь я едва ли мог провести пять минут, не думая о ней или не отрываясь от своих обязанностей, чтобы постоять в тени и понаблюдать за ней.

Раскатистый смех Шай танцевал в воздухе, когда я выходил из ресторана, давая мне прекрасную отдушину для моих разочарований. Я подошел к ее сверкающему красному BMW i8 и достал свой нож, с ухмылкой погрузив титановое лезвие глубоко в ее протектор.

Это тебе за то, что действовала у меня за спиной.

Я проколол только одну шину. У нее была запасная и она знала, как ее менять, поэтому я не беспокоился о том, что могу оставить ее в затруднительном положении. Это было просто неудобство. Игривый урок от ее любящего кузена — и, несомненно, она точно знает, кого благодарить. Было бы совсем не весело, если бы она этого не сделала.

Уходя, я заметил черный Caddy, которым управлял головорез Манчини, и подумал о том, чтобы оказать ему ту же услугу, просто для прикола, но решил не делать этого. Я хотел, чтобы Ноэми благополучно добралась домой, и не собирался начинать войну. Хотя ради нее я мог бы.

Мне было так хреново.

Я не чувствовал себя так рядом с женщиной... никогда.

Привкус вина на ее губах и тепло ее нежных изгибов, прижатых ко мне, заставляли мое тело вести себя так, как оно не вело себя с тех пор, как я был подростком. Это было безумно и нелепо. Я ненавидел то, как она бросала вызов моему контролю, но не мог насытиться.

Будь воля моего члена, я бы оттрахал ее у той стены в кладовке. Слава Богу, я сохранил хоть какое-то подобие сдержанности. Если она никогда раньше не была с мужчиной, я не собирался лишать ее девственности в гребаном чулане. Я не был полным монстром.

Но кем я был, так это лицемером.

Я всегда думал хуже всего об игровых наркоманах, которые приходили в наши клубы ночь за ночью, выбрасывая на ветер каждый цент, чтобы сделать еще один оборот колеса рулетки, но Ноэми дала мне первый проблеск понимания беспомощности, стоящей за зависимостью. Здесь не было логики или обоснования, только потребность и одержимость.

Игра в кости не была моей зависимостью, но я боялся, что некая зеленоглазая итальянка может стать ею.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ужин с Шай продолжался без перерыва. Умберто так и не заметил моей рассеченной губы, а отец не появился в моей комнате, чтобы допросить меня о проведенной ночи. Я ждала его, уверенная, что он появится в любую секунду. Но минуты шли, а бокал вина успокоил мои нервы, и я легла в свою кровать и наслаждалась кратким ощущением счастья, пока сон не завладел мной.

Несмотря на все, что происходило вокруг меня, мне было хорошо с Шай. Я очень нуждалась в побеге. Возможность потусоваться с другом и притвориться, что моя жизнь не разбита вдребезги.

После смерти мамы и выписки из больницы я проводила дни в постели, прячась от всего мира. От своей реальности и отца, который превратился из отсутствующего в абсцесс, заражая мою жизнь своей ядовитой жестокостью. Я всегда знала, что он не был хорошим человеком, что его отношения с мамой были показухой, но я не понимала, насколько все было не так. До того дня.

Я не должна была быть с ней в машине, но я благодарил Бога за то, что была, иначе я никогда бы не узнала правду. Я знала, что мой отец организовал все это и почему он хотел смерти моей прекрасной матери. Она рассказала мне все за несколько секунд до того, как испустила последний вздох.

Я знала все, и с тех пор я решала, что делать с этим знанием.

Пока что ответ был... ничего. Я не могла позволить себе такую авантюру, пока не убедилась, что мы с Санте переживем последствия. И чем больше времени проходило, тем сильнее становился мой гнев и решимость. Я найду способ.

А пока мне нужно было разобраться с заносчивым ирландцем. Я не могла поверить, что Коннер ворвался на мой ужин, как он заявил на меня права. Пометил меня.

Почему он счел нужным сделать такое смелое заявление? Сколько бы я не лежала в постели на следующее утро и не размышляла о его мотивах, ничего не имело смысла. Я знала, что ему нужен секс, но он с самого начала говорил, что брак ему нужен не больше,

чем мне. Так почему же ревность? Может, он просто хотел, чтобы другие знали, что я принадлежу ему? Мужчины могут быть такими собственниками. Это не обязательно означало, что он действительно хотел меня больше, чем физически. Верно?

Я не понимала его и не могла убрать его соблазнительный вкус с моего языка — корицу, приправленную жгучим виски и искушением. Мне нужно было почистить зубы и, возможно, промыть мозги листерином. Я не могла продолжать терять себя в мыслях о нем. Обрывки воспоминаний, дополненные здоровой дозой фантазии.

Глубоко втянув воздух, я наконец заставила себя встать с постели и пойти в душ. Размышления о бесконечных загадках Коннера Рида ни к чему не приведут, а мне нужно было готовиться к девичнику. Тетя Этта устраивала для меня обед в последнюю минуту. Были приглашены дамы из моей семьи, а также из семьи Коннера.

Тетя настаивала на том, что невесте нужно устроить хотя бы один прием. Я знала, что она чувствовала себя ответственной за то, что взяла на себя то, что сделала бы моя мать, поэтому не стала с ней спорить. В ее глазах девичник был знаком праздника. Демонстрация поддержки и источник радости. Лично я предпочла бы брить подмышки ржавой бритвой, чем сидеть среди неловких женщин, но, как и в большинстве случаев в наши дни, мои предпочтения не имели значения.

Умберто отвез меня в зал, который тетя Этта заказала для встречи. В доме перед отъездом был момент, когда я подумала, что Санте можно было бы разрешить сопровождать меня. Это дало бы редкую возможность побыть вдвоем вдали от дома, но отец приказал мне оставаться на месте, пока Умберто не вернется домой и не заберет меня. Мой отец тщательно следил за тем, чтобы мы не расставались. И если бы я не была так уверена, что отец использует микрофоны и камеры в доме, я бы попыталась рассказать Санте правду дома. Черт, даже машины были под подозрением. Я бы ничего не смогла доказать против своего отца.

Экипированная в свое лучшее дизайнерское платье-футляр и с большим запасом уверенности, я вошла в ресторан с отведенными назад плечами и улыбкой на накрашенных губах.

Ни один солдат не идет в бой без доспехов, и это будет не что иное, как час в осаде. Безмолвный псих был выставлен на сцену под ослепительным светом, чтобы все могли поглазеть на него. Надеюсь, они хотя бы не будут слишком отвлекаться на меня и мои обстоятельства, чтобы спорить между собой. Насколько я знала, никто еще не пытался заключить союз, подобный нашему.

Итальянцы и ирландцы сочетались примерно так же хорошо, как бензин и Zippo. Они даже не могли ходить в одни и те же католические церкви. Все знали, что старая церковь Святого Патрика принадлежит ирландцам, а церковь Пресвятого Таинства — итальянцам. Даже священники не осмеливались пересекать эти границы. Мне было интересно, явится ли кто-нибудь вообще на такое весьма рискованное мероприятие, как мой прием, но я должна была знать лучше.

Любопытство было еще сильнее страха.

Жены и дочери преступного мира Нью-Йорка не собирались упускать манящую перспективу таких сочных сплетен. Все приглашенные, кроме нескольких человек, явились, заполнив женщинами весь зал. Гора подарков заполнила два стола у входа, и все глаза в здании по очереди смотрели в мою сторону. Все вокруг подавляло, но я знала, что лучше не показывать страха. Не среди этих людей. Это было именно то, что они хотели бы увидеть.

Вместо этого я держала голову высоко, несмотря на молчание, и делала вид, что я королева, которая не обязана разговаривать с простыми людьми. Дамы поздравляли меня и болтали о том, кто они такие и как они рады предстоящему бракосочетанию. Я улыбалась и кивала, сжимала свою руку с их, а затем отстраняла их взглядом от следующего гостя.

— Привет, дорогая. Как ты держишься? — Тетя Этта быстро обняла меня во время короткого затишья.

Я кивнула и усмехнулась сквозь боль в щеках, которые болели от такого количества улыбок.

— Хорошо, хорошо. Возможно, в ближайшее время у тебя не будет другой передышки, поэтому я бы посоветовала тебе сходить в туалет, пока есть возможность. — Ей не нужно было повторять мне дважды.

Я схватила свой клатч и поспешила в указанном ею направлении, поцеловав ее в знак благодарности. Как только я оказалась в кабинке, облегчая внезапно переполненный мочевой пузырь, мой адреналин ослабел, заставляя меня с неохотой отказаться от отдыха в одиночестве.

Опустив голову на руки, я уперлась локтями в колени и попыталась побудить себя снова присоединиться к посетителям приема. Не успела я собраться с силами, как в уборную вошла пара женщин, хихикающие голоса затихли в уверенности.

— Какой позор — этот бог-мужчина, закованный в кандалы скромной немой — но, по крайней мере, это означает, что он все еще будет доступен. Она ни за что не удовлетворит его. Я знаю. — Женский голос скривился в кошачьей ухмылке. Я не знала, кто именно говорит, но хорошо знала этот тип. Великолепная. Безжалостная. Совершенно корыстная.

— Это так отвратительно, Айви, — сказала другая. — Разве он не твой кузен?

— По замужеству, — насмехалась первая. — И кроме того, он усыновлен, ты, ханжа. Мы же *не* родственники.

Усыновлен? Пиппа не упоминала об этом. Мне было интересно, как этот факт проскользнул мимо ее радара.

— *Все равно*, — сказала ханжа. — Это звучит некрасиво. — Она сделала паузу. — Как ты думаешь, все усыновленные должны беспокоиться о том, встречаются ли они с членом семьи?

Женщины молча обдумывали этот вопрос, прихоращиваясь перед зеркалами. Я продолжала грызть себя за утверждение, что никогда не смогу удовлетворить Коннера.

Почему это утверждение зудело и царапалось под моей кожей?

Я никогда не собиралась *удовлетворять* его. Я не была разменным товаром для потребления. Если мой муж не был верен, это было отражением его, а не меня.

Ничто из того, что говорили эти слабые женщины, не должно было иметь значения, но я не могла побороть потребность защитить себя и отношения. Удивительно, но кто-то другой опередил меня.

Третий голос раздался, когда кабинка рядом с моей распахнулась. — Что самое неприятное, так это то, что одна женщина терзает другую, когда та, очевидно, уже находится в трудном положении. В наше время мы должны поддерживать друг друга, а не наносить друг другу удары в спину.

Почувствовав, что мой момент настал, я воспользовалась паузой, возникшей после ее выговора, чтобы выйти из кабинки с расправленными плечами. Их взгляды мгновенно устремились на меня, но я не обратила ни на кого из них внимания. Вместо этого я нанесла идеальный слой малиновой помады самым соблазнительным образом, хорошенько чмокнула губы, а затем подмигнула своей аудитории в зеркале, прежде чем выйти.

Никогда еще я не чувствовала себя восторженной и одновременно разбитой.

Все в моем представлении было на высоте. Я никогда не выглядела более уверенной в себе. Но внутри у меня все было разбито вдребезги.

Когда придет время, что именно Коннер захочет от меня в качестве своей жены? Брачная ночь и последующие недели были достаточно пугающими, но что будет через пять и десять лет? Сможем ли мы когда-нибудь установить настоящую связь? Было ли мне до этого дело?

Я представила себе, как Коннер возвращается домой поздно вечером, на его щеке красуется незнакомая помада.

Из-под моего асимметричного декольте вверх взметнулся обжигающий гнев.

Я не хотела, чтобы мой муж трахал других женщин. Почему? Конечно, из-за неловкости, которую это вызовет. Мой желудок забурчал от неуверенности. Смущение было частью причины, но не всей картиной. Мне было неприятно признавать это, но я не хотела, чтобы он изменял, потому что хотела, чтобы он хотел меня.

Черт, у меня проблемы.

Все, чего я должна была хотеть, это чтобы Коннер оставил меня в покое. Чтобы мы мирно доживали свои жизни в параллельных мирах, которые редко пересекались. Но это было не так. Я хотела от него большего, а это означало, что я открывала себя для сердечных страданий.

— Эй, подожди секунду, — позвала женщина, которая поддержала меня в уборной. Она выскочила вслед за мной и поспешила догнать меня. Когда я повернулась, она широко улыбалась, ее пунцовые губы были еще ярче моих, а глаза были такими зелеными, что мои побледнели по сравнению с ними. Она была просто сногсшибательна.

Она протянула руку для пожатия. — Извини за это. Я немного вспылила. Меня зовут Джада. Джада Дженовезе. Я сводная сестра Коннера. И не обращай внимания на этих шавок. Они просто завидуют. Мои сестры вон там, и они с удовольствием с тобой познакомятся, если у тебя будет минутка.

Если бы я не была немой, я бы потеряла дар речи. Сводная сестра? Я не была уверена, что меня больше ошеломило — ее яркая личность или сам факт того, кто она такая. Дженовезе были итальянцами. Откуда у Коннера итальянская сводная сестра?

Я ошеломленно кивнула, спотыкаясь рядом с ней, когда она взяла меня за руку и потащила к столику в глубине комнаты.

— Кэм и Вэл, смотрите, кого я нашла. — Джада усмехнулась. — Ноэми, это Камилла и Валентина, две моих младших сестры.

Я кивнула каждой и улыбнулась. Более скромные, чем старшая, две молодые девушки приветствовали меня добрым взглядом и легким взмахом руки.

— Не так давно мы узнали, что у нас есть брат, а теперь у нас есть еще и невестка! Сумасшедшие времена, правда? — размышляла Джада. — Мы обязательно должны встретиться. Я мало кого знаю в семье Моретти, так что тебе придется нас познакомить, хотя я не уверена, насколько Коннер хочет, чтобы мы были рядом. Все это как-то ново. Мама

где-то здесь. Уверена, она тоже будет рада познакомиться с тобой.

Мои глаза метнулись к каждой из них, пытаюсь понять, о чем она говорит. Прежде чем я успела достать блокнот, чтобы начать задавать вопросы, сестра-блондинка заговорила.

— На это будет время позже, Джи. А сейчас, я уверена, у Ноэми есть гости, к которым нужно вернуться. Мы не хотим монополизировать ее время.

— Конечно, извини. Я увлеклась. Очень приятно познакомиться с тобой, и я тебя поздравляю! — Она быстро обняла меня, удивив меня еще раз.

Я помахала им троим, а затем отвернулась, чтобы найти свой столик. Я была настолько дезориентирована, что почти не помнила, как вернулась к своей семье.

— Привет, Эм. Ты держишься? — весело спросила Пип.

Когда я повернулась, чтобы встретиться с ней взглядом, я не смогла избавиться от тревоги, расширившей мои глаза.

— О, милая. Все будет хорошо — все. Все. — Она сделала паузу, изучая меня. — Это из-за вечеринки... или из-за того, что он беспокоит тебя?

Я просто уставилась на нее, не в силах распутать свои хаотичные мысли.

Она поморщилась, похоже, понимая. — Это очень много. И я не должна была рассказывать тебе о горящем человеке. Это просто такая жизнь, ты же знаешь, да? Если он поджигает людей, это не значит, что он причинит тебе вред.

Пип не понимала, насколько она была права, за исключением того, что это меня он поджигал каждый раз, когда был рядом, и именно так я в итоге и пострадаю.

Какая ирония.

Я тихо хихикнула.

Пип улыбнулась, почувствовав облегчение. — Пойдем. Давай выпьем по парочке мимоз. Это поможет нам обоим почувствовать себя лучше.

Я кивнула, позволяя ей вести меня обратно к центральному столу, пока она не исчезла в поисках напитков. Должно быть, мои эмоции все еще оставались на поверхности, потому что тетя Этта тоже спросила, все ли со мной в порядке, как только увидела меня.

Я достала свой блокнот.

У Коннера есть сводные итальянские сестры? Я вопросительно посмотрела на нее.

— Тебе никто не сказал? — спросила она, сведя брови вместе.

Я покачала головой.

— Его усыновили. Об этом стало известно совсем недавно. Я не знаю подробностей, правда, только то, что Миа Дженовезе была его биологической матерью.

Моя голова медленно откинулась назад с пониманием, прежде чем я снова начала писать.

Я только что познакомилась с тремя его сестрами. Я была в замешательстве.

Она усмехнулась. — Полагаю, это объяснимо. — Она взяла мою руку в свою. — Эй, я поняла, что мы никогда не говорили о том, чтобы купить тебе платье. Не знаю, как мы упустили это из виду. Хочешь пойти завтра?

Я тепло улыбнулась и кивнула. Ее ответная улыбка была настолько сердечной, что могла бы воскресить мертвого. — Отлично. Я назначу встречу, как только мы сегодня закончим.

Я кивнула и обняла ее. Если бы мне пришлось потерять маму, то лучшей замены, чем ее сестра-близняшка, не было. Находясь рядом с тетей последние несколько дней, я поняла, как жестоко поступил мой отец, разлучив нас надолго. Я нуждалась в этом. Мне нужна была она

и вся сила, которую давала ее любовь.

Еще через час я заметила знакомый набор теплых карих глаз в другом конце комнаты, когда вечеринка наконец-то закончилась. Улыбаясь, я поспешила туда, где Санте прислонился к стене, и заключила его в крепкие объятия.

— Ух ты, большая крошка. Полегче. — Как только он стал выше меня ростом, он начал называть меня своей большой крошкой. Мне это нравилось, и, слыша ласковые слова, я только крепче обнимала его.

Он засмеялся и высвободился из моей смертельной хватки. — Я не мог позволить своей единственной сестре выйти замуж, не сделав ей подарок от себя, и я решил, что сейчас самое подходящее время.

Знал ли отец, что он здесь? Пришел ли Санте сам?

Я внезапно погрустнела, подумав, не может ли это быть моим шансом рассказать ему правду о нашей маме. А может, даже сбежать с ним.

Мои руки дрожали, когда я принимала маленький завернутый пакет.

— Это не так уж и волнительно. Нет причин для дрожи, — поддразнил он, не зная, что моя дрожь не имеет никакого отношения к его подарку.

Я сняла обертку и увидела браслет из белого золота. На тонкой цепочке по обе стороны от плоской бляшки с гравировкой *Манчини*.

— Чтобы ты нас не забывала, — тихо сказал он.

Его подарок был невероятно заботливым. Я снова обняла его, на этот раз со слезами на глазах, а затем подала знак к двери, о которой шла речь.

— Да, мы пришли за тобой.

Мы? Целое ведро холодной воды окатило меня с головы до ног.

Должно быть, он увидел вопрос, написанный на моем лице. — Да, папа ждет снаружи. Ты готова?

Я попыталась проглотить внезапный комок в горле. Кивнув, я показала пальцем, чтобы он подождал, а затем пошла попрощаться с Пипом и тетей Эттой и поблагодарить их. Они заверили меня, что подарки будут доставлены ко мне домой. Мне было все равно, но я вежливо кивнула.

Дойдя до машины, я скользнула на заднее сиденье, как преступник, которого возвращают под стражу. Безнадежность стала еще одним пиком в череде эмоций, которые я испытала в тот день. Когда я добралась до дома, все, чего я хотела, — это забраться в кровать и проспать неделю, но я должна была знать лучше. Моя жизнь не была моей собственной, и мой день был далек от завершения.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Я вернусь через минуту. Берто нужна моя помощь в гараже. — Санте встал с дивана. Мы вместе смотрели последний фильм о Джеймсе Бонде.

Я указала на телевизор, подняв брови.

— Не беспокойся о том, чтобы поставить его на паузу. Не знаю, сколько я пробуду. — Он закатил глаза и вышел из комнаты.

Я решила, что не тороплюсь, и все равно поставила фильм на паузу. Мне было интереснее общаться с братом, чем смотреть сериал. В доме стало как-то особенно тихо после того, как замолчал наполненный взрывами боевик. Так тихо, что я чуть не выпрыгнула из своей кожи, когда раздался стук в входную дверь.

Вернувшись в то время, когда за мной не велось постоянное наблюдение, я вскочила с дивана и поспешила к входной двери, но замерла, прежде чем открыть ее. Отца не было дома, но я знала, что он будет в бешенстве, если узнает, что я открыла дверь, а рядом никого нет. Но опять же, парни были в гараже. Должна ли я была просто игнорировать того, кто пришел? Я не могла крикнуть через дверь, чтобы они подождали.

Я бы могла посмотреть запись с камеры наблюдения в своем приложении, но я была лишена доступа несколько месяцев назад. Я решила рискнуть и заглянуть через занавеску, закрывающую окно рядом с дверью. Я не смогла разглядеть ничего особенного, но этого оказалось достаточно, когда я заметила знакомое кольцо с кельтским узлом на мужской руке, украшенной черной розой. Коннер был здесь.

Не раздумывая, я выскользнула наружу, схватила его за запястье и потащила прочь от входа и за угол, туда, куда, как я помнила, не доставали камеры.

— Что ты здесь делаешь? — шипела я на него в темноте, внезапно осознав, что он мог зайти к моему отцу, а не ко мне. После его неожиданного появления в ресторане за день до этого я беспокоилась, что у него на уме только одно, и это был не бизнес.

— Я не знал, что должен объясняться с тобой. — Он угрожающе наклонился вперед.

Не в настроении пугаться, я скрестила руки на груди и поняла, что на мне нет лифчика

под тонкой ночной рубашкой. Я постаралась не показать своего волнения. — Думаю, нет, пока это маленькое правило работает в обе стороны, — надменно ответила я.

Его губы искривились в злобной ухмылке. Он медленно протянул руку к подолу моей пижамной рубашки, покрутил пальцем, пока ткань не закрутилась вокруг пальца, а затем притянул меня к себе. — Хорошая попытка, но нет. Это совсем не то. На самом деле, ты уже должна мне, по крайней мере, одно объяснение. Мне все равно, если ты никогда не заговоришь ни с одной живой душой, но моя мама сказала мне, что ты молчала сегодня на приеме, и я хочу знать почему.

Сказал ли он маме, что я могу говорить? А если бы он сказал, то об этом стало бы известно? Черт. Мне нужно было больше времени.

— Мне просто нужно придумать, как объяснить все отцу. Когда он узнает, что я могу говорить, он захочет узнать, почему я не говорила раньше. Я не хочу, чтобы он делал какие-либо предположения. — Точнее, он захочет узнать, почему я решила заговорить *сейчас*. Если бы мне удалось промолчать до свадьбы, возможно, я смогла бы тайком рассказать дяде Донати все, что знаю.

Да, а что тогда будет с Санте?

Ух! Мне нужно было придумать план. Отец должен был заплатить за то, что он сделал, но я не могла рисковать потерять брата в процессе. Каждый раз я сталкивалась с одной и той же чертовой проблемой. Что, если я не смогу защитить Санте? Что, если единственный способ остановить отца означал риск потерять брата навсегда?

Я с трудом могла смириться с такой возможностью.

— Что тут объяснять? — спросил Коннер, прервав мой внутренний спор. — Ты переживала смерть матери... если это не сложнее?

Боже, он должен остановиться!

Я чувствовала себя расстроенной и загнанной в ловушку. Вдобавок к моей растущей потребности выплеснуться наружу, слова королевы туалета снова всплыли в моей памяти. *Скромная немая. Никогда не удовлетворишь его.*

Я подошла на дюйм ближе и вызывающе подняла подбородок. — Иногда люди сложны. Как мужчина, который выбрал немую невесту, предположительно, чтобы не признавать ее существование, но по какой-то причине он продолжает появляться везде, где бы она не была. — Я сделала еще один маленький шаг. Тепло его груди тянулось к моим затвердевшим соскам, ткань моей рубашки задевала его настолько, что пронзала меня до глубины души крошечными молниями.

От ощущения, что я стою перед ним, у меня перехватило дыхание и закружилась голова. Я никогда не смогла бы так противостоять своему отцу, но с Коннером я чувствовала себя смелой. Сильной.

Если бы я проанализировала свое поведение, то, возможно, обнаружила бы, что корень моей уверенности кроется в чувстве безопасности, но я не хотела туда идти. Отношение к Коннеру как к врагу было единственным способом защитить свое сердце от него.

Каждая унция синего цвета исчезла из его глаз, когда он прижал меня спиной к стене, его твердое тело прижалось к моему. — Для человека, который не хотел говорить, у тебя очень много мнений. — Грубые нотки его голоса заскребли по моей коже.

— Для мужчины ты ужасно наблюдателен. — Это был удар ниже пояса, но у меня уже заканчивался запас реплик.

— И для человека, который хочет, чтобы его оставили в покое, ты надела короткую

рубашку.

Мои губы открывались и закрывались, как у рыбы, вынырнувшей из воды, когда его грубые кончики пальцев медленно прошли по моему левому бедру под ткань пижамы до кружевного края трусиков возле косточки бедра. Я не могла вдохнуть больше, чем малейший глоток воздуха. Мои легкие, как и все остальное тело, застыли в концентрации, поглощенные тем, куда дальше могут направиться его пальцы.

Он приподнял эластичный край моих трусиков и просунул под них кончик одного пальца, его глаза блестели от моей задыхающейся реакции. С размеренным спокойствием опытного тактика он медленно провел пальцем вниз по натянутой ткани. Мой разум искрился и метался от неуверенности в том, как далеко он может зайти, но когда он достиг передней части меня, в дюймах от моей щели, он выскользнул из-под голубого кружева и вместо этого оставил след из углей, похожий на хвост кометы, по моему бедру, прежде чем разорвать нашу связь.

— Тебе не следует оставаться одной в темноте с мужчиной, которого ты едва знаешь. — Его голос стал гортанным, сырым и желанным. Звук затронул глубокую боль, которую он разбудил между моих ног.

— Ты предупредишь меня о том же в нашу брачную ночь? Я сомневаюсь, что к тому времени мы будем знать друг друга лучше. — Я хотела звучать грозно, но каждое слово было более задыхающимся, чем предыдущее.

Его ответный взгляд был совершенно диким. — Когда я смогу почувствовать запах твоей киски, капающей от желания? Я так не думаю. А теперь возвращайся в дом, пока я не решил взять то, что уже принадлежит мне.

Его грязные слова терлись о мою кожу и накаляли меня изнутри. Я никогда не слышала, чтобы кто-то говорил со мной с такой грубой непочтительностью, и мне стало стыдно за то, как отчаянно я хотела большего.

Я вихрем отскочила от стены и бросилась обратно к главному входу. Когда я открыла огромную металлическую дверь, в моей голове бушевал циклон эмоций, я застыла на месте, увидев Санте. Он стоял на входе, застыв на середине шага, его сузившийся взгляд скользил от меня к месту над моим плечом. Быстрый взгляд подтвердил, что именно удаляющаяся вдалеке форма Коннера послужила причиной вспышки гнева моего брата. Я захлопнула дверь и поспешила к нему, увлекая его в гостиную, где у меня были ручка и бумага.

Он просто хотел задать мне один вопрос, а ты был занят с Умберто. Я объяснила, мои слова были почти неразборчивы после того, как я поспешила записать их на бумаге.

— Тебе не следовало оставаться с ним на улице одной, Ноэми. Особенно учитывая то, как ты одета. Господи, а если бы он тебя обидел? — Его подростковые эмоции и защитные инстинкты быстро заварили внутри него бурю.

Он станет моим мужем чуть больше чем через неделю. Я отметила это с приливом гнева, а затем укорила себя. Мне нужно было разрядить обстановку, а не устраивать драку.

— Да, а если он воспользовался тобой, а потом отказался от договоренности — что тогда?

Я хотела наброситься на него с яростью, что если он считает Коннера таким мерзавцем, то не должен сидеть сложа руки, пока папа выдает меня за него замуж. Но я знала, что Санте имеет так же мало права голоса, как и я.

Ничего не случилось. Нет причин расстраиваться, хорошо? Я в порядке. Я умоляюще посмотрела на него, а затем указала на гостиную. Когда он просто стоял там,

нахмутив брови, я взяла его за руку и потянула к дивану. Он позволил мне тащить его, но с неохотой.

Мы вернулись к нашему фильму, хотя он так и не смог полностью расслабиться рядом со мной. Час спустя нас прервали звуки возвращающегося домой отца. Я села и медленно повернулась, чтобы взглянуть на брата, опасаясь того, что могу обнаружить. Как я и предполагала, суровый разрез его челюсти и резкий изгиб бровей сказали мне все, что я хотела знать. Он планировал рассказать моему отцу о визите Коннера.

Я покачала головой, мелкими отрывистыми движениями, безмолвно умоляя.

Его губы только истончились от покорной решимости, когда он встал. Стук парадных туфель отца отсчитывал секунды, как тиканье бомбы.

— Вы двое и эти боевики. Неужели они тебе не надоели? — ворчал отец, снимая крышку с хрустального графина и наливая себе на два пальца виски.

— Просто убиваю время, — сказал Санте, его голос утратил привычную мальчишескую мягкость. — У нас сегодня был гость.

Глаза отца перешли на моего брата, затем на меня. Я осталась неподвижно сидеть на диване, надеясь, что наконец-то научилась становиться невидимой.

— Приходил Рид. Я пошел с Умберто в гараж, чтобы помочь ему установить новый датчик температуры. — Он сделал паузу, его взгляд ненадолго остановился на мне с отблеском извинения, который быстро сменился суровой решимостью. — Ноэми открыла дверь и поговорила с ним на улице.

Мой отец стал жутко неподвижным. Когда его взгляд переместился на меня, ярость в его глазах лишила его всякой человечности. Мой тошнотворный желудок теперь гневно бурлил, опасно давя на горло.

Забыв о выпивке, отец направился ко мне.

— Ничего не случилось, но я подумал, что ты должен знать. Вот и все, — добавил Санте, как будто внезапный приступ совести заставил его отступить.

Отец полностью проигнорировал его. Когда он подошел достаточно близко, чтобы возвышаться надо мной, он ударил быстро, как змея, схватив меня за запястье и рывком поставив на ноги. — Ты позволила ему дотронуться до тебя? — Раздраженные брызги усеяли мое лицо, на лбу отца вздулись вены. Он был так зол, как я никогда его не видела, и это меня пугало.

Я бешено затрясла головой, кости в моем запястье кричали в агонии, когда он сжимал их вместе.

— Это все, что мне нужно, это чтобы ты все испортила, позволив ему трахнуть тебя перед свадьбой, дав ему повод отказаться.

И снова все, что я могла сделать, это покачать головой и молиться, чтобы он мне поверил.

— Никогда больше не делай этого дерьма, слышишь меня? — Он прижался своей щекой к моей, его следующие слова предназначались только для моих ушей. — Если ты облажаешься, это не будет быстро, как с твоей матерью. Я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родилась. — Он отступил назад, и безумная ярость в его черном взгляде закрепила его убийственное обещание.

Я кивнула сквозь наполненные слезами глаза и отпрянула от него, потребность убежать терзала каждую мою жилку. Наконец он сдался.

Я бросилась вон из комнаты, пропуская по пути Санте, не в силах посмотреть ему в

лицо. Я знала, что мое разочарование и обида проступят наружу, но я также знала, что он ни в чем не виноват. Он был всего лишь мальчиком, каким бы мужественным он сейчас не выглядел. Пешка в садистских играх нашего отца.

Когда я была младше, я думала, что ненавижу этого человека за то, что он никогда не присутствовал при этом, но я даже не знала, что такое ненависть. Теперь я близко познакомилась с этим чувством. Ненависть проложила палящую дорожку по моим венам и разорвала меня изнутри. Фаусто Манчини был ядом, решившим уничтожить меня, так или иначе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я приложила к запястью мокрую тряпку, не желая возвращаться вниз за льдом. К утру под поверхностью моей кожи образовалось уродливое фиолетовое кольцо.

Я ненавидела, что это стало моей жизнью.

Мне никогда раньше не приходилось скрывать синяки, но это заставило меня задуматься о том, была ли такая ситуация у моей матери. Вела ли она такую жизнь до того, как он забрал ее у меня? Мог ли он быть так жесток с ней, чтобы я не знала?

Возможно, я никогда не узнаю ответ на этот вопрос, но он, скорее всего, будет преследовать меня вечно. Мама была радугой в грозном небе. Она была сахаром в лимонаде и розовым эластичным бинтом, который делал все лучше. Я обожала в ней все, и мне было противно думать, что она могла страдать прямо у меня под носом.

Удушливое облако омрачало мое настроение, когда я готовилась к дню, но я изо всех сил старалась отмахнуться от него, зная, что проведу утро в магазине платьев с тетей Этой и Пип. Одно осознание того, что я увижу их, облегчило мое сердце. Я подумывала спросить тетю, не подозревала ли она когда-нибудь отца в жестоком обращении, но этот вопрос вызвал бы только допрос. Утолять свое любопытство не стоило, чтобы открывать эту банку с червями. Во всяком случае, пока.

Я выбрала наряд, который подходил к единственному широкому золотому браслету-манжете, который у меня был, и использовала этот аксессуар, чтобы скрыть свой синяк. Собрав волосы в хвост и с надеждой в сердце, я спустилась вниз, чтобы найти Умберто. Пора было выбирать свадебное платье.

Снаружи бутик платьев выглядел не очень привлекательно, расположенный между двумя современными зданиями недалеко от Ленокс Хилл и Мидтаун Ист, но внутри все было по-современному элегантно, с полами из темного дерева и хрустальными люстрами. Пиппа и ее мама уже были внутри, когда я пришла, вместе с двумя младшими сестрами Пиппы. Я оставила Умберто у двери и присоединилась к группе на зеленом велюровом диване.

— Боже мой, я не могу поверить, что это происходит. — Пип подскочила и обняла меня, как только увидела.

Было так соблазнительно поделиться своим неверием, рассказав обо всем безумии, которое я пережила за последние недели, но я заставила свои губы остаться на замке.

— Я знаю, — добавила тетя Этта. — Я поклялась, что не скажу этого, потому что не хочу, чтобы это было грустным событием, но мне бы очень хотелось, чтобы Нора была здесь. — Тетя обняла меня, но быстро отстранилась и замахала руками в воздухе. — Ладно, хватит об этом. Сегодня только счастливые мысли!

Мы с Пип рассмеялись. Остальные девушки сидели в своих телефонах, не обращая внимания на окружающий мир.

— Это, должно быть, наша прекрасная невеста! — Очень высокая, очень худая женщина с улыбкой присоединилась к нам в зоне отдыха. — Я Стелла. Я буду работать с тобой, чтобы найти *идеальное* платье.

Я пожала ей руку, позволив тете Этте представить нас.

— Я объяснила, когда договаривалась о встрече, что мы работаем в несколько необычных временных рамках, — сказала Этта.

— Ноэми здесь не первая и не последняя. Это не должно быть проблемой. Возможно, нам просто придется проявить непредвзятость и творческий подход. — Стелла подняла на меня брови, как бы желая убедиться, что я согласна.

Я с готовностью кивнула.

— Отлично! А теперь расскажи мне, что ты себе представляешь.

Через два часа у меня было свадебное платье. Что еще более удивительно, оно мне действительно нравилось. Платье было простым, но элегантным — никаких бантов, бюстье или пышной юбки. Нежный кружевной верхний слой был украшен нужным количеством бисера, чтобы сверкать, но не заставляя меня чувствовать себя диско-шаром. Бретели лифа без рукавов находились на дальних краях моих плеч, а вырез опускался между грудей, хорошо сочетаясь с моей скромной грудью. Спина повторяла переднюю часть, но опускалась до самой талии, а юбка А-линии расширялась настолько, чтобы не цепляться за меня, и переходила в очень короткий шлейф.

Платье было изменено для недавней выставки невест, где оно было представлено, поэтому оно уже сидело почти идеально. Я пришла в магазин, не ожидая, что мне будет до всего этого дело, и была полностью готова выбрать все, что выглядело хоть сколько-нибудь

приличным, учитывая быстро приближающийся срок. Теперь я не могла перестать думать о том, что Коннер подумает обо мне в этом платье.

Такие мысли были опасны. Это подразумевало, что мне не все равно, а я не должна была.

Тетя Этта подошла ближе к тому месту, где я сидела на диване в магазине, и наклонилась ко мне, привлекая мое внимание. — Эм, дорогая. Я сомневаюсь, что твой отец говорил с тобой об этом, и я понятия не имею, справилась ли Нора с этим до своей смерти, поэтому я решила спросить о контрацепции. — Она неловко смотрела на меня, а я смотрела на нее в ответ.

Она застала меня врасплох.

Так получилось, что я не принимала противозачаточные средства, но только потому, что они мне не были нужны. Я никогда не давала никаких специальных обещаний сохранить себя для брака. О сексе просто не заходила речь. В старших классах я встречалась нечасто, а мама умерла всего через семь месяцев после окончания школы. Так сложилась моя жизнь.

Теперь я была в нескольких днях от того, чтобы стать двадцатилетней девственной невестой, и нет, я не думала о противозачаточных средствах. После моей первой официальной встречи с Коннером я бы сказала, что это не проблема. Но все изменилось. Он ясно дал понять, что хочет меня. Я так беспокоилась об эмоциональном воздействии, которое это может оказать, что совершенно забыла о любых других осложнениях.

Я НЕ была готова к детям.

— ...и, возможно, он даже не католик, — продолжала свою бессвязную речь тетя Этта. — Я имею в виду, он ирландец, но они не все католики, и даже тогда он может быть не против противозачаточных средств. Иногда мы должны делать то, что считаем правильным, иначе мы все будем тонуть в море детей, — заговорщически прошептала она.

Я чуть не захихикала. Мне становилось все труднее и труднее держать свой голос при себе теперь, когда я начала разговаривать с Коннером.

Еще немного. Ты сможешь.

— Но в любом случае, у тебя будет достаточно времени, чтобы все выяснить. Я просто решила упомянуть об этом, чтобы ты могла морально подготовиться. И убедиться, что ты знаешь, что я буду рада помочь, если тебе это понадобится. — Она похлопала меня по руке и кивнула сама себе, похоже, довольная.

Я записала записку, поблагодарив ее и заверив, что позабочусь об этом. Я не знала, как это сделать, но поклялась себе, что это единственный компромисс, на который я не хотела идти.

По окончании шопинга тетя Этта убедила Умберто позволить мне присоединиться к ним на обед. Мы так замечательно провели время вместе, что я могла бы принять его за то, что было раньше — до того, как умерла мама и мой мир рухнул вокруг меня. До того, как мой отец угрожал моей жизни и у меня внезапно появился жених.

Этого кусочка прошлого было достаточно, чтобы отвлечься на счастливые воспоминания до конца дня, когда я вернулась домой. Я слушала музыку и смотрела передачу о ремонте дома. Все, что угодно, лишь бы мои мысли оставались в счастливом мире, где нет ни сроков, ни отцов, ни женихов.

Иногда девушке нужно на день засунуть голову в песок.

И мне это вполне удавалось, пока вечером в мою комнату не ворвался звонок в дверь. Я переместилась на верхнюю ступеньку лестницы, держась подальше от входа вниз. К нам не

часто приходили гости. Я подумала, не Коннер ли это, но не могла быть уверена. Бархатные нити баритонального голоса были слишком мягкими, чтобы узнать его.

Мне было отчаянно любопытно, но я боялась, что снова заработаю гнев отца, если покажусь внизу без приглашения. У меня не было никакого желания тыкать этого дракона. К счастью, судьба вмешалась, чтобы удовлетворить мое любопытство.

— Ноэми, спустись и познакомься с кое-кем. — Голос отца гремел у меня в ушах, отдаваясь эхом во впадине груди.

— Ноэми, это Кейр Байрн, двоюродный брат Коннера. Ты коротко познакомилась с его отцом на ужине по случаю помолвки — Джимми Байрном.

Я оторвала взгляд от мужчины, чувствуя, что мой отец передает произнесенное сообщение. Я слегка опустила подбородок, чтобы дать ему понять, что понимаю.

Этот человек был важен. Влиятельный игрок в ирландской организации.

— Очень приятно. — Он протянул руку. — Я прошу прощения, что пропустил ужин в честь помолвки, но меня задержали другие дела. — Услышав его голос вблизи и его силу, я почувствовала дрожь в позвоночнике. Каждое мягко произнесенное слово заставляло окружающих внимательно слушать его. Плясать под его дудку. Тонкое использование доминирования было впечатляющим.

— Как ты знаешь, — вклинился мой отец. — Ноэми потеряла голос в результате трагического несчастного случая. Разговаривать с ней нелегко, поэтому мы можем просто вернуться в мой кабинет.

Кейр не сдвинулся с места. — Это не проблема. Коннера не будет здесь несколько минут. Я подумал, что это даст мне время познакомиться с новым членом нашей семьи. Не каждый день мы принимаем чужака. — Все время, пока он говорил, его глаза держали меня в плену. Изучающие. Оценивающий.

Что он искал? Что он думал найти?

Я не слишком беспокоилась, потому что у меня не было злого умысла — ни по отношению к нему, ни к его семье. Любой негатив, который я чувствовала, был прибережен для моей собственной плоти и крови.

Мой отец согласился, хотя и неохотно. Он явно надеялся сделать представление и избавиться от моего присутствия как можно быстрее, но у Кейра были другие планы.

Губы отца истончились. — Давайте присядем в гостиной. Ноэми, тебе придется взять блокнот и бумагу. — Он снова посмотрел на Кейра. — Так она общается, — объяснил он так, словно я была дрессированной обезьяной. — Возможно, в какой-то момент ей следует выучить язык жестов, но вряд ли это было приоритетом так скоро после смерти ее матери.

Я стиснула зубы от напускной скорби, которую он выдал из себя. Как будто мой отец хоть на минуту задумался о ее смерти, кроме как для того, чтобы скрыть то, что он сделал. Внезапно осознав, что за мной наблюдают, я перевела взгляд на Кейра. Он видел взгляд, который я бросила на спину отца.

Я задумалась, можно ли что-то утаить от его внимательного взгляда. Если ему и была интересна моя реакция, я не могла сказать. Он абсолютно ничем не выдал себя. Этот человек был далай-ламой спокойствия и контроля. Это нервировало. Коннер был сдержан, но его самообладание не было таким абсолютным, по крайней мере, когда я была рядом. Как прошлой ночью. У меня было ощущение, что он был в нескольких секундах от полного хаоса, и мне даже нравилось знать, что я оказываю на него такое влияние. Кейр так крепко держался за поводок, что я не думала, что что-то может его поколебать.

Выдавив из себя улыбку, я постаралась избавиться от эмоций. Если я не чувствовала, я не могла этого показать.

— Есть еще два члена семьи, которые хотели бы с тобой познакомиться, — сообщил мне Кейр, сидя на одном конце дивана, положив руку на заднюю подушку, как король на своем троне. Он жестом пригласил меня сесть с ним. — Пэдди и Нана Байрн, наши бабушка и дедушка, основатели нашей семьи. В наши дни им трудно выбраться куда-то, но они попросили о визите. Если ты не против, Фаусто, я подумал, что мог бы завтра отвезти Ноэми к ним домой, чтобы они встретились. Они теперь редко выходят из дома.

Мое сердце билось о ребра, не зная, что делать.

Мы с Кейром оба посмотрели на моего отца, чьи черные глаза устремились на меня.

— Я не уверен, что ей стоит оставаться наедине с другим мужчиной до свадьбы. — Отец неловко сдвинулся с места, когда в комнату вошел Санте и вмешался в наш разговор.

— Я с удовольствием пойду с Ноэми. — Мой брат наклонился, чтобы пожать руку Кейру. — Санте Манчини, брат Ноэми. Ты, должно быть, Кейр Байрн. — Он так отчаянно хотел быть мужчиной и помочь мне. Это разбило мне сердце, потому что он был таким невежественным. Папа никогда бы не согласился, чтобы мы поехали без присмотра.

— Это очень мило с твоей стороны, Санте, — ответил Кейр. — Но, конечно, твой отец не стал бы отдавать свою дочь, если бы думал, что мы не способны обеспечить ее безопасность.

Недовольство углубило складки на лице моего отца. Любой аргумент с его стороны был бы вопиющим неуважением к Кейру и всей семье Байрнов. У него не было другого выбора, кроме как согласиться, и Кейр это знал.

— Конечно, я доверяю тебе. Но она моя единственная малышка. Мне бы не хотелось портить ее репутацию так близко к свадьбе. Если бы мы отправили с тобой одного из моих людей, это бы меня успокоило. — Отец попробовал другой способ.

Кейр непоколебимо смотрел на моего отца. — И я бы понял твое беспокойство, если бы кто-то за пределами наших двух семей спросил, но Коннер — мой кузен. Вряд ли мне стоит помогать сопровождать ее.

Я не могла поверить, что Кейр спорит с моим отцом. Большинство мужчин не стали бы поднимать этот вопрос, но Кейр явно был не из таких. Он не собирался отступить, и мой отец, должно быть, почувствовал это.

— Я полагаю, что быстрый визит к твоим бабушке и дедушке не будет проблемой. — Его глаза перешли на мои, и мне стало интересно, что это будет означать для меня. Несомненно, я узнаю это позже, когда наш гость уйдет.

Моя рука рассеянно прикрыла браслет-манжету, который я весь день носила на правом запястье, чтобы скрыть крапчатые синяки.

— Скажи мне, Ноэми, есть ли у тебя какие-нибудь увлечения или интересы? — спросил Кейр, положив конец дискуссии.

Музыка. Я все время пела, но только для себя. Я старалась писать очень аккуратно, чувствуя необъяснимую потребность завоевать уважение ирландского мафиози. Что-то в нем вызывало желание произвести впечатление.

— Какой-то конкретный жанр?

Я оценила, что он не стал давать пустых заверений в том, что я обязательно верну себе голос. Обманывать всех было достаточно плохо. Мне становилось только хуже, когда люди пытались меня утешить.

Все виды, но особенно баллады с многозначительными текстами. Я не знала, почему я рассказываю о себе больше, чем самый минимум. Опять же, это было что-то в нем.

Прежде чем он успел прокомментировать, входная дверь звякнула. Мы все смотрели, как Санте идет к входу, а затем баритональный голос Коннера проник в комнату и прошелся по моей коже.

Когда он завернул за угол, он был воплощением холодного безразличия. Я бы поверила в это, если бы его взгляд не обжег мою кожу, когда он переместился с Кейра на меня.

— Я не перепутал время? — небрежно спросил Коннер.

— Нет, — заверил его Кейр своим идеально вышколенным голосом. — У меня не было возможности познакомиться с твоей прекрасной невестой раньше, поэтому я решил зайти на несколько минут раньше.

Был ли это вызов в акварельном взгляде Кейра?

Скорее всего, учитывая недовольство, волнами накатывающее на Коннера. — Если бы я знал, что тебе нужно знакомство, я был бы рад помочь.

Наконец, малейшая передышка в ледяном поведении Кейра — улыбка с лукавым весельем. — Тебе лучше знать, что мне нужна твоя помощь в представлении.

— Кстати, о знакомстве, — вклинился мой отец. — Кейр предложил взять Ноэми, чтобы завтра познакомить ее с твоими бабушкой и дедушкой.

Кейр медленно повернул голову и посмотрел на моего отца. Впервые за все время, что я помню, мой отец покраснел.

— Это очень заботливо с его стороны, — бесстрастно пробормотал Коннер. — Джентльмены, может, перейдем к делу?

— Конечно, — согласился Кейр. — Мы не можем допустить, чтобы враждебно настроенные албанцы создавали проблемы на такой важной свадьбе. Ноэми, было очень приятно. Я с нетерпением жду утра, чтобы поболтать еще. Скажем, в десять?

Я кивнула, волна неловкой неуверенности высоко вздымалась над моей головой.

Кейр почтительно кивнул, затем жестом велел отцу идти за ним. Двое мужчин и мой брат последовали за отцом из комнаты, по пути Коннер окинул меня гневным взглядом.

Мои кости растворились, как кубики сахара в горячей воде, как только я осталась одна. Я упала обратно на диван и уставилась в потолок, мне нужна была минута, чтобы прийти в себя, прежде чем я смогу собрать сэндвич и подняться наверх. Похоже, папа будет работать до ужина, и я была более чем счастлива спрятаться до конца ночи.

Подумав, что моя драма с властными ирландцами на сегодня закончена, я съела индейку с сыром, а затем переоделась в пижаму. Из-за того, что я росла с младшим братом, я привыкла переодеваться в ванной. Санте редко заходил в мою комнату без предупреждения, поэтому я удивилась, когда открыла дверь и обнаружила, что моя комната занята. Только у окна моей спальни стоял не мой брат.

— Коннер, что ты здесь делаешь? — прошептала я, переводя взгляд на открытую дверь спальни.

Он медленно повернулся и встретился со мной взглядом.

Я беспокоилась о том, как буду вести себя с отцом после их встречи, но я не была готова к тому, что шесть футов два дюйма взрывного гнева поглотят меня. — Тебе нужно держаться подальше от Кейра. — Бархатная темнота его голоса подняла волосы на моей шее.

— Он твой кузен, — тихо шипела я, снова устремив взгляд на дверной проем. — Что именно, по-твоему, должно произойти?

Я знала, что отец может заставить меня остаться дома, но я не должна была принимать это и от Коннера. Я отказалась из принципа.

Он подошел ближе, и каждый дюйм его угрожающей фигуры возвышался надо мной. — Я говорю тебе держаться подальше, или тебе не понравятся последствия.

— Что ты собираешься сделать, отрезать ему пальцы? — Я выплюнула ему в ответ, вспомнив его предыдущий комментарий о том, что он покалечит любого, кто ко мне прикоснется.

Он наклонился еще ближе, приблизив свои губы к моему уху. — Испытай меня и увидишь. — Его слова ласкали, чувственные и мучительные, прежде чем его губы прикоснулись к мочке моего уха с достаточным давлением, чтобы вызвать лавину мурашек от кожи головы до кончиков пальцев и ниже.

Я задыхалась, слова ускользали от меня. Возмущение смешалось с сокрушительным желанием, образовав головокружительный коктейль, от которого у меня перехватило дыхание.

Довольный собой, Коннер ухмыльнулся и пошел прочь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Когда ты думаешь, что знаешь кого-то, он удивляет тебя.

Я бы поставила деньги на то, что мой отец ворвется в мою комнату, как только Коннер и Кейр уйдут, и потребует, чтобы я симулировала болезнь, чтобы не ехать на следующее утро. Я раздумывала, стоит ли упоминать о том, как подозрительно может выглядеть отказ от поездки, и не напомнить ли ему, что мы не хотели бы обидеть семью Байрн.

Я ждала. И ждала.

Отец так и не появился, но мои душевные силы не были потрачены впустую, потому что у меня все еще была в запасе битва.

Через несколько минут после того, как я выключила свет в своей комнате, зазвонил

телефон. Я открыла глаза и уставилась в темноту.

Это был не мой телефон или, по крайней мере, не знакомый мне звонок, но он определенно раздавался откуда-то из моей комнаты. Я вскочила с кровати и включила прикроватную лампу, а затем сосредоточилась на звуке. На комод лежал дешевый телефон с предоплатой, которого я никогда раньше не видела, и гудел неизвестным номером.

Откуда, черт возьми, он взялся? Как долго он там пролежал?

Я стряхнула с себя растерянность и нажала кнопку ответа. Это был самый быстрый способ заставить эту чертову штуку замолчать без поиска громкости. Когда тишина вернулась, я уставилась на устройство, не зная, что делать. Не зная, кто находится на другом конце, я не могла говорить. Это было слишком рискованно. Осторожно я поднесла телефон к уху.

— Ноэми, это последнее предупреждение. — Голос Коннера обволакивал меня, как горячий ветерок перед летней грозой. — *Не* ходи с Кейром утром.

Я должна была знать. Он был не из тех, кто молчит, и не из тех, кто позволяет подслушивать свои личные разговоры. Он правильно догадался, что мой телефон не защищен, и предоставил альтернативу. Если бы он просто воспользовался им, чтобы обеспечить мою безопасность, телефон был бы добрым жестом. Учитывая угрожающие нотки в его голосе, его вмешательство больше походило на поводок, чем на спасательный круг.

— Почему ты думаешь, что я все еще иду? — прошептала я, опасаясь, что меня кто-нибудь услышит.

— Потому что я тебя знаю.

— Знаешь меня? — Я усмехнулась. — Мы познакомились всего неделю назад.

— Тогда скажи мне, что я ошибаюсь. Скажи, что ты не собиралась идти. — Его голос ласкал и уговаривал, словно подталкивая меня к неповиновению. Как будто он хотел, чтобы я сопротивлялась ему.

Неуверенность заставила меня замолчать.

Я была птицей в клетке, отчаянно пытающейся вырваться на свободу. Каждое требование было еще одним ошейником на моей шее. Если это был не мой отец, то Коннер подталкивал меня в том или ином направлении, и каждый неверный шаг был потенциально смертельно опасен.

Я покачала головой, хотя он не мог меня видеть, желая освободиться от невидимых оков.

— Нет. Я не буду делать ничего неподобающего с Кейром, — поспешно сказала я. — Тебе просто придется научиться доверять мне. — Если я позволю этому мужчине контролировать и сомневаться во мне, я навсегда останусь его пленницей, а не женой. Я не могла этого допустить. Кроме того, впечатляющее сопротивление Кейра издевательствам моего отца давало мне надежду на то, что, возможно, он захочет мне помочь. Как сын Джимми Байрна, он, несомненно, был в состоянии принять такое решение. Я должна была сделать это по нескольким причинам, невзирая на хрупкое эго моего жениха.

Не желая слушать его аргументы и угрозы, я прервала разговор и плюхнулась обратно на кровать. Мне не нравилось быть проблемной, но я не могла позволить Коннеру управлять собой. Если я уступлю ему хоть дюйм, он заберет все, включая мое сердце.

Долгие минуты я лежала в напряжении, полностью ожидая, что он перезвонит. Но во второй раз за ночь мужчина удивил меня своим молчанием. Телефон больше не звонил. Ни

одно сообщение не высветилось на экране.

Убедив себя, что я приняла правильное решение и моя растущая тревога необоснованна, я зарыла телефон под матрас и выключила свет. Уснуть будет нелегко, но я должна была хотя бы попытаться. Впереди у меня был важный день.

Мне показалось, что я только что закрыла глаза, когда чувство осознания заставило меня проснуться. Часы показывали 2:00 ночи, в доме было тихо, но стук моего сердца эхом отдавался в ушах. Что-то было не так.

Мой взгляд прошелся по комнате и остановился на силуэте мужчины, прислонившегося к стене моей спальни. Крупная фигура была освещена лунным светом, проникающим через открытое окно. Мне не нужно было видеть его лицо, чтобы узнать его. Коннер был здесь. В моей спальне.

Неужели он планировал это всю ночь? Он должен был отпереть окно, когда был в моей комнате раньше. Неужели он был так уверен, что я откажу ему? И что именно он собирался делать? Привязать меня к кровати, чтобы я не ушла?

Я начала подниматься с кровати и удаляться от него, но Коннер оттолкнулся от стены. Его движение заставило меня замереть. Я восторженно наблюдала, как он сокращает расстояние между нами. Моя грудь вздымалась и опадала на вздрагивающих вдохах, по рукам бежали мурашки.

— Что ты здесь делаешь? — наконец спросила я, не уверенная, что хочу услышать его ответ.

— Я предупреждал тебя, Ноэми. — Его мрачное бормотание вырвало дыхание из моих губ.

Я задрожала. — Но я еще даже не ушла.

Он сдернул покрывало, обнажив мои ноги. Насладившись этим зрелищем, его темный взгляд, непостижимый в лунном свете, поднялся к моему.

— Пришло время столкнуться с последствиями.

— Что... — Я едва успела запаниковать, как его руки заключили меня в клетку, а его губы захватили мои. Он был бушующим потоком, и как бы я не сопротивлялась, он уносил меня на своих вздымающихся водах. Я не хотела хотеть его, но он был так чертовски хорош. Прижатие его тела. Тяга его хищного желания. Я была беспомощна перед ним.

Мужской звук удовлетворения пронесся между нами, когда его властное прикосновение вырвало из глубины моего горла произвольный стон.

— Ты ощущаешься как чертова мечта, — прошептал он, переходя губами к моей челюсти и вниз к горлу.

Между моими ногами начало пульсировать нарастающее давление. Я покачивала бедрами, отчаянно желая облегчить боль, нарастающую внутри меня. Когтистая потребность. Это было так невероятно приятно, и я не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала удовольствие — чистую радость или счастье. Дофамин одурманил меня, отбросив все мысли о самосохранении или стратегии.

Если это было мое наказание, я с радостью его приняла.

Все это не имело смысла, но мне было все равно. Я просто хотела большего.

Когда он поднял мой тонкий пижамный топ и его рот сомкнулся на моей груди, я подумала, что мир может остановиться. Это объяснило бы головокружение. Я чувствовала себя в свободном падении, не понимая, в какую сторону — вверх или вниз.

Как далеко он собирался зайти? Было ли мне все равно?

Нет. Не совсем. Он был моим женихом, верно? И мне было так хорошо. Разве я не могу чувствовать себя хорошо для разнообразия?

Коннер лежал рядом со мной, одной большой рукой проводя по моим ребрам, по бедру, затем к бедру, где он побудил меня раздвинуть ноги. Я не сопротивлялась, но мое сердце начало колотиться в груди. Часть моего тела, к которой никогда не прикасался мужчина, теперь была открыта для него, защищенная лишь тонким слоем хлопковой ткани.

Его взгляд оставался прикованным к тому месту, где он коснулся меня, его рука медленно ласкала внутреннюю часть моего бедра все выше и выше, но остановилась совсем рядом с тем местом, где мое тело кричало о его прикосновении.

— Скажи мне, что это мое. — Он просунул один палец под эластичный край моих трусиков. — Скажи, что ни один мужчина не прикасался к тебе здесь. — Его голос был неровным, как край скалы, грубым и несдержанным. Когда его глаза, наконец, вернулись к моим, я задохнулась от яростной потребности, которая смотрела на меня в ответ. Как будто последние остатки его человечности держались на волоске.

Завороженная своим воздействием на него, я кивнула. — Никаких других... только ты, — прошептала я.

Страх внезапно пронзил мои вены ледяным потоком.

Я не волновалась, что он причинит мне боль — во всяком случае, не физическую. Меня беспокоило мое сердце. Как я могла сдерживать свои эмоции, когда присутствие Коннера было таким всепоглощающим? С ним все было просто, и в первую очередь секс.

Мои губы разошлись, чтобы возразить, но его рука накрыла мой рот, его голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, а на губах играла коварная улыбка.

Затем в моем мозгу произошло короткое замыкание, когда его другая рука скользнула под трусики и коснулась моих складочек. Я не помнила своего имени, не говоря уже о том, что я планировала сказать. Не тогда, когда один длинный, обжигающий палец погрузился в меня, затем распространил мое возбуждение до клитора и обратно вниз. Я уже извивалась от более сильной потребности, чем когда-либо прежде. От его прикосновений я едва не увидела звезды.

Прижимая одну руку к моему рту, Коннер ласкал меня щедрыми, соблазнительными движениями, возбуждая и дразня мою беспокойную плоть. Мое тело выгибалось и просилось навстречу его движениям. Когда моя грудь выпятилась вперед, поднимая спину с кровати, он провел зубами по соску. Укус послал электрический импульс прямо к моему клитору, как пламя, пожирающее фитиль. Когда искра достигла моей сердцевины, мое тело воспламенилось от ослепительного удовольствия.

В тот самый момент, когда жидкая эйфория поглотила меня, Коннер в нужный момент убрал руку от моего рта, чтобы позволить вырваться моему животному крику освобождения. Как будто энергия внутри меня была слишком велика, чтобы сдерживаться, и вырвалась наружу в виде звука, а Коннер привел все это в движение, точно зная, что произойдет.

Крик эхом отдавался в моей голове, заглушая даже неровное дыхание и колотящееся сердце.

Осознание и паника прогнали остатки моего оргазма, как злые собаки, почуявшие зайца.

— Что ты наделал? — вздохнула я, широко раскрыв глаза.

Комната Санте была рядом с моей. Мог ли он проспать мой крик?

Я держалась совершенно неподвижно, мои легкие даже не осмеливались сделать вдох.

В коридоре скрипнула дверь. Санте.

Я пришла в движение, отпихивая Коннера от себя. — Ты должен уйти. Ты должен *уйти!* — шипела я, поддаваясь панике, которая когтями впивалась в мои внутренности. Мои глаза дико метнулись к закрытой двери спальни, а затем вернулись к Коннеру, когда я поняла, что он отказывается сдвинуться с места.

— Обещай мне, что не пойдешь завтра, — потребовал он без малейшего намека на раскаяние.

Если бы я не была так подавлена тем, что Санте услышал меня, я бы пришла в ярость, но мои мысли были слишком рассеяны, чтобы эмоции могли взять верх.

— Ты должен уйти, *сейчас же!* — Я прижала руки к его груди, слезы жгли глаза.

— Эм? Это была ты? — тихо позвал Санте через дверь.

Моя грудь сжалась от рыданий, разочарование словно тисками сжало мою грудь. — Ладно, ты выиграл. Я не пойду, просто уходи. *Пожалуйста.* — На этот раз он позволил мне оттолкнуть его к окну, его брови напряглись в растущем замешательстве, как будто он хотел манипулировать мной, но не рассчитывал на такую резкую реакцию с моей стороны.

Мне было все равно, что он думает. Мне просто нужно было выгнать его из моего дома.

В дверь тихонько постучали, когда я выпроваживала Коннера через окно. Когда я подняла руки, чтобы закрыть окно, все признаки победы во взгляде Коннера сменились убийственной яростью. Я подняла взгляд, чтобы посмотреть, что он заметил, и поняла, что лунный свет падал на мои руки, освещая уродливое фиолетовое кольцо на запястье.

Наши взгляды столкнулись, но у меня не было на это времени. Я с силой захлопнула окно, затем задернула шторы, отбросив все мысли о Коннере в сторону, готовясь к тому, что мне придется иметь дело с последствиями его действий.

Дверь моей спальни распахнулась, и я встретила широко раскрытые глаза Санте.

— Эм? — сказал он с такой душераздирающей нежностью и надеждой, что мое сердце расколосось прямо посередине.

Я положила руку на горло, понимая, что уловка закончилась. — Это был кошмар, — прохрипела я. Мой крик придал моему голосу соответствующую шероховатость, чтобы замаскировать ложь, заставив меня звучать так, как будто я не говорила несколько месяцев. — Это вернуло мне голос. — В моем голосе было столько энтузиазма, сколько я могла вместить в себя, несмотря на нависшее надо мной предчувствие.

Санте бросился ко мне, прижав меня к себе в сокрушительном объятии. Я искренне улыбнулась, видя его радость. Он закружил меня по кругу, словно мы только что воссоединились после долгих лет разлуки.

— Это невероятно! Не могу дождаться, чтобы рассказать всем. — Он поставил меня на ноги и ласково поцеловал в лоб. — Ты не представляешь, какое это облегчение — слышать твой голос. Мне чертовски этого не хватало.

Я усмехнулась. — Ты уверен? Теперь я снова могу командовать тобой.

— Хотел бы я посмотреть, как ты попытаешься, большая крошка. — Его улыбка превратила ночь в день, потому что она была такой яркой.

— О, я попробую. Как сейчас — тебе нужно вернуться в постель. Сейчас еще середина ночи.

Санте погладил мой подбородок двумя костяшками пальцев. — Я оставляю это тебе на память. — Он еще раз быстро обнял меня, а затем отступил к двери. — Спокойной ночи, Эм. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, Санте, — ответила я, эмоции сдавили мне горло.

Как только дверь закрылась, я снова осталась одна в темноте своей спальни, как и несколько часов назад, когда легла спать, но ничто не было прежним. Утром папа узнает о моем чудесном выздоровлении, и я не представляла, что это может означать для меня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я пролежала без сна несколько часов. Сначала мое тело вибрировало от гнева, что Коннер заставил меня раскрыть свой секрет. Ему было любопытно, почему я молчала в окружении остальных, но я и представить себе не могла, что он так меня раскусит. Затем меня захлестнула волна отчаяния, когда я поняла, что, несмотря на свою ярость, я не ненавижу его за то, что он сделал. Возможно, в его глазах появилось понимание, когда он увидел мое запястье. Он понятия не имел о последствиях своих действий.

Теперь он знал.

Он знал, что я не просто вела себя по-детски. У него также было подтверждение того, что мой отец не был благородным человеком. Может ли это заставить его пересмотреть союз?

Боже, надеюсь, что нет.

Мне нужен был Коннер и побег, который он обеспечивал. Может, он и был грубым, и его карьера была связана с коррупцией, но я нутром понимала, что он не такой, как мой отец. Ни в коем случае. Коннер был всех оттенков серого, что не позволяло мне навесить на него какой-то один ярлык. Из-за этого было трудно понять, как я должна к нему относиться. Единственное, что я знала наверняка, это то, как он заставлял мое тело чувствовать себя. После его ухода мое ядро еще долго оставалось набухшим и чувствительным самым восхитительным образом.

Я никогда раньше не испытывала оргазма. Может быть, я была странной, но я никогда по-настоящему не прикасалась к себе. В молодости я не чувствовала в этом потребности, а

после смерти мамы это было последним, о чем я думала. Я целовалась спарнями, меня ласкали, но дальше этого дело не шло. Я даже не представляла, что освобождение может вызвать такую взрывную потребность кричать. Если бы я знала... смогла бы я остановить его?

Я не была уверена, что мне нравится ответ на этот вопрос.

В тот момент моя потребность в нем перевесила все остальное. Возможно, где-то в глубине души я предвкушала облегчение, которое почувствую, узнав, что фарс закончился. Невесомость этого облегчения помогла компенсировать мою сокрушительную тревогу.

Еще одна неделя.

Конечно, я смогу пережить неделю до свадьбы.

Свадьба.

Дрожь сотрясала все мое тело.

Первого августа я навсегда соединюсь с мужчиной, который ворвался в мою комнату, соблазнил, а затем принудил меня. Был ли у меня хоть один шанс выстоять против него?

Я думала, что смогу выйти замуж за Коннера и сохранить любовь и брак отдельно, но теперь... я не была так уверена. Ничто в этом ирландце не было достаточно четким и ясным, чтобы уместиться в маленькой безопасной коробочке, как я надеялась. Это как пытаться сдержать землетрясение. Невозможно. Я чувствовала, что не контролирую ни себя, ни ситуацию. Именно поэтому я решила пойти с Кейром, несмотря на возражения Коннера. Мне нужно было почувствовать, что я хоть немного контролирую свою жизнь.

Другая причина моего решения была более детской, но меня это несколько не волновало. Действия Коннера были пропитаны ревностью. Зачем еще мешать мне проводить время с его кузеном? Коннер хотел, чтобы я принадлежала только ему, и какая-то часть меня это устраивало. Психиатр, вероятно, свалил бы вину на годы отсутствия отца и серьезные проблемы с отцом. Но мне было все равно. Знание того, что Коннер хочет, чтобы я принадлежала только ему, наполняло мою грудь странным теплом.

И кроме того, мне нравилось знать, что я могу заставить его чувствовать себя таким же беспомощным, как он заставлял чувствовать меня. Что-то о том, что несчастье любит компанию, бла-бла-бла.

Возможно, я подначивала дракона, но ничего не могла с собой поделать. То, как Коннер нажимал на мои кнопки, не позволяло не нажимать в ответ.

Вместо того чтобы разбираться в причинах этого, я наконец заставила себя снова заснуть. На следующее утро я должна была быть в тумане от недосыпания, но адреналин хлынул в мои вены, как только я открыла глаза.

Это был судный день.

Я потратила дополнительное время на прическу и макияж. Все, что угодно, лишь бы отсрочить неизбежное. После того, как я прихорошилась и накрутила волосы настолько, насколько осмелилась, я неохотно спустилась вниз. Папа сидел за обеденным столом с газетой и кофе, как и по утрам. Когда я вошла в комнату, Санте пролистывал свой телефон, на его лице появилась широкая улыбка.

— Привет, Эм! — Он затаил дыхание в предвкушении.

Я застенчиво улыбнулась. — Привет, Санте.

— Видишь, папа! Я же говорил тебе. Разве это не потрясающе?

Мы оба посмотрели на отца, я с гораздо меньшим энтузиазмом, чем мой брат.

Пристальный взгляд отца заставил меня попятиться, когда он медленно опустил газету

на колени. — Это поразительно. После всего этого времени.

Я опустила взгляд и села на свое место.

— Мы должны устроить вечеринку по этому поводу, — предложил мой брат.

— Я думаю, мы и так уже делаем достаточно для свадьбы, — ответила я, молясь, чтобы он оставил это в покое. Меньше всего мне хотелось привлекать к себе еще больше внимания.

— Ну, мы могли бы хотя бы сходить на ужин, — возразил он.

— Прекрасная идея, — сказал папа, заставив волосы на моем затылке встать дыбом. — Почему бы тебе не найти Умберто и не сказать ему, чтобы он очистил мой календарь? Тогда ты сможешь позаботиться о бронировании столика в Карбоне.

Санте подмигнул мне, не обращая внимания на напряжение в комнате. Казалось, что мы живем в двух разных параллельных измерениях. В своем папа был жестким, но любящим отцом, который делал все возможное, чтобы быть сильным для своей семьи. В моем мы оба были просто марионетками, танцующими под маниакальную мелодию нашего отца.

Конечно, как наследник мужского пола, Санте всегда получал больше внимания отца. В каком-то смысле мы выросли в двух совершенно разных реальностях. Когда у меня появилась возможность рассказать ему о том, что я знаю, я надеялась, что он захочет рассмотреть альтернативную правду.

Я потянулась за стаканом с водой, надеясь, что мое дрожание было слишком незначительным, чтобы заметить его. Стол служил барьером между мной и отцом. Это было что-то, но я бы предпочла несколько футов железобетона.

— Не думай, что я не могу видеть дальше совпадения в появлении твоего голоса, вернувшемся прямо перед тем, как ты собиралась покинуть эту семью. — Его мягко произнесенные слова обвилились вокруг моего горла и сжали его.

Если бы я прикинулась дурочкой или опровергла его, то сделала бы себя мишенью. Все, что я могла сделать, это притвориться мертвой и надеяться, что он быстро пойдет дальше.

— Может быть, ты веришь, что обладаешь какой-то силой, когда они стоят у тебя за спиной.

Я слегка покачала головой, отчаянно пытаясь не дать ему разозлиться.

Мой отец поднял телефон и взглянул на экран. — Полагаю, это было бы достаточно легко исправить, если бы это было так. Я всегда могу напомнить тебе о шаткости твоего положения. — Он напечатал короткое сообщение, затем положил телефон, и его бездушный взгляд вернулся ко мне.

Я прочистила горло от ужаса, прежде чем заговорить. — Я слишком сильно люблю свою семью, чтобы подвергать ее риску, — мягко сказала я. Мои слова, казалось, замерзли в арктическом воздухе вокруг нас и упали на пол. Это ничего не значило для человека, который так мало доверял.

Из коридора донеслось громогласное проклятие, прорвавшее напряжение и вырвавшее мое сердце прямо из груди. Я вскочила на ноги, узнав голос Санте. Только рокот его продолжающихся проклятий, приближающихся все ближе, сдерживал панику.

— Ты в порядке? — позвала я, услышав, как мой брат вошел в кухню.

— Да, только рука, — проворчал он в ответ. — Умберто случайно зацепил мои пальцы дверью. Просто случайность, но больно до жути. Возможно, я сломал палец.

В столовую доносился стук двери морозильника и шуршание в ящике со льдом. За все это время папа не пошевелился ни разу. Я посмотрела на него, перевела взгляд на телефон и вернулась к нему, успев уловить проблеск злости в его глазах.

Он сделал это.

Он причинил боль Санте — своему сыну и наследнику — в качестве послания мне.

Мне хотелось извергнуть рвоту на белоснежную скатерть. Какая-то часть меня надеялась, что он на самом деле не так безжалостен, как я подозревала, но он успешно разрушил это заблуждение. Фаусто Манчини был чистокровным монстром.

Моя челюсть сжалась от возмущения в желудке, и внезапно возникло желание обрушить поток оскорблений на моего жалкого отца. Я не могла позволить ему увидеть, как во мне кипит вызов. Если бы он хоть раз заподозрил, что я действую против него, я не могла бы предсказать, что он сделает.

— Возможно, будет лучше, если ты подождешь в своей комнате, пока тебя отвезут. Это даст тебе время подумать о шаткости твоего нынешнего положения. — Не слишком деликатный приказ, но я была рада его выполнить. Я хотела только одного — навсегда избавиться от его ядовитого присутствия.

Час спустя я скользнула в серый Mercedes Кейра Байрна. Я практически вытащила его из дома после того, как Умберто впустил его. Отец исчез, и у меня не было желания ждать и рисковать неловкой встречей. К счастью, Умберто не стал спорить, когда я убежала с нашим гостем, а Кейр благоразумно подождал, пока мы сядем в машину, чтобы задать вопросы.

— Считаю меня сумасшедшим, но разве ты не была немой только вчера? — спросил он, даже не глядя в мою сторону.

Я глубоко вздохнула, расслабляясь на кожаном сиденье с каждым поворотом колес, уносящим меня все дальше от дома. — Да, это немного дико, но прошлой ночью мне приснился кошмар, который привел к крику. Казалось, что я сорвала голос. — Я пожалала плечами.

— Звучит как повод для праздника. — Его глаза смотрели на меня, в них отражался острый ум.

У меня возникло странное чувство, что он ничуть не удивлен, как будто он уже знал. Рассказал ли ему Коннер? Похоже, они были скорее соперниками, чем доверенными лицами, но что мне было знать? Эти ирландцы были такими загадками.

— Это было неожиданно, конечно.

Он надел черные солнцезащитные очки, которые опускались по бокам и служили барьером между нами. Не то чтобы это имело большое значение. Его глаза были скорее зеркалами, чем окнами. Все в нем, казалось, было создано для того, чтобы скрыть и запутать, как в трехмерных картинках, где нужно скосить глаза, чтобы увидеть скрытое изображение. Он был миражом и иллюзией, одетый в темные джинсы и кожаные ботинки. Его обтягивающая футболка открывала множество разноцветных татуировок, которые резко контрастировали с его жестко контролируемой личностью — еще один кусочек головоломки викинга. Мне было интересно, видел ли кто-нибудь когда-нибудь полную картину.

— Знаешь, не так много людей могли бы надавить на моего отца, как ты, возражая против его просьбы отправить с нами одного из его людей. — Мне было любопытно. Достаточно для того, чтобы я решилась задавать вопросы.

Кейр ухмыльнулся. — Я не спорил; я просто не перечил. Ты никогда ничего не получишь в этом мире, если не будешь за это бороться.

— Из этого следует, что ты не хотел, чтобы Умберто был с нами. Почему это имело для тебя значение?

— Разве это не очевидно? — спросил он. — Я хотел, чтобы ты была одна. — Его взгляд переместился на меня, а затем вернулся к дороге.

Мой желудок нырнул и покачнулся, как будто мы совершили крутой поворот. Кейр ответил на мой вопрос, одновременно оставаясь туманным. В основании моего позвоночника зародилась тревога.

— Ты близок с Коннером? — спросила я, надеясь, что если я лучше пойму их отношения, то смогу понять, почему Коннер был так категорически против того, чтобы я отправилась в эту поездку с его кузеном. Я молилась, чтобы не упустить из виду угрозу моей безопасности. Я была уверена, что в основе возражений Коннера лежит ревность, но я попала в беду, если за этим стояло нечто большее.

— Мы росли вместе — все мы, дети Байрнов. Наша семья очень близка. — Он снова взглянул на меня, и у меня возникло ощущение, что он испытывает меня, но я не была уверена, в каком смысле. — Я представляю, что расставание с семьей было для тебя тяжелой перспективой.

Я смахнула невидимые ворсинки на платье и пожала плечами. — Жизнь — это сплошные перемены. И я не собираюсь переезжать на другой конец страны.

— Тем не менее, я не могу представить, что ты была воспитана в духе высокого мнения о других... семьях. Других организациях. Это должно быть большим шоком.

Он... сомневался в моей преданности? Он думал, что я действую как какой-то крот?

— В детстве отца не было рядом, поэтому такие вещи не были частью моего мира, — объяснила я твердым тоном, и мой позвоночник напрягся.

— Иногда для этого не нужно многого. Несколько тонких оттенков могут повлиять на то, как человек смотрит на мир, — подтолкнул он.

— Как и жестокость. Это заставляет взглянуть на вещи иначе, расставить приоритеты и пересмотреть лояльность.

Кейр смотрел на меня так долго, что я боялась, что он разобьет машину. Я надеялась, что если он чувствует, к чему я клоню, то мое сообщение было получено. Мне было наплевать, кто на кого работает. Все, что имело для меня значение, — это защита людей, которых я люблю.

Когда он наконец оглянулся на дорогу, он хмыкнул.

Я восприняла это как знак того, что я справилась, и мы оба молчали до конца короткого пути.

— Нана, Пэдди, это Ноэми Манчини. Она невеста Коннера. — Кейр отошел в сторону представляя меня своим бабушке и дедушке.

Я протянула руку Падрику Байрну, который проигнорировал мое предложение и заключил меня в объятия.

— Несчастное итальянское рождение, но с такими зелеными глазами, без сомнения, ты была предназначена для ирландцев. — Он отстранился и подмигнул. Ирландская нотка в его словах добавляла игривости, но острота в его глазах намекала на скрытую силу. Им должно было быть не меньше восьмидесяти, но у меня было ощущение, что Пэдди в свое время был

очень свирепым.

Нана отпихнула его и взяла обе мои руки в свои, широко раздвинув их, окинув меня взглядом. — Ты прекрасна сверху донизу, девочка. Иди сюда. — Она притянула меня в объятия.

— Мы рады познакомиться с тобой, — добавил Пэдди. — Но почему тебя привел не Коннер?

Мои губы разошлись, чтобы ответить, но Кейр опередил меня.

— Он был занят и попросил меня привести ее.

— Ах, слишком занят для нас? Возможно, но уж точно не для такой прекрасной невесты. Надо будет высказать ему все, что я думаю, когда увижу его в следующий раз. — Нана посмотрела на меня, откинувшись в кресле. — Это первое, чему тебе нужно научиться — никогда не давать им ни дюйма, не этим мужчинам Байрн. Они возьмут его и отберут еще миллю.

Пэдди хрюкнул. — Ты создаешь проблемы для мальчика еще до того, как он пошел к алтарю, Эйн? Держи свой счет.

Она бросила на него взгляд, который мог бы испепелить только что распустившийся цветок. Мне пришлось прикусить губы, чтобы не рассмеяться.

— Скажи, если я ошибаюсь, — продолжал Пэдди, — но я могу поклясться, что мне сказали, что ты немая. — Он потер морщинистой рукой челюсть и изучающе посмотрел на меня.

— Так и было, — объяснила я. — Но по странному стечению обстоятельств мой голос вернулся только вчера вечером после шести месяцев отсутствия.

Нана перекрестилась. — Разве это не его путь? Творит чудеса, о которых мы можем только догадываться. На прошлой неделе Пэдди вынес мусор, а я даже не попросила. — Она лукаво посмотрела на своего мужа.

Я усмехнулась, решив, что официально обожаю Нану Байрн.

Мы проговорили несколько минут, прежде чем раздался стук во входную дверь.

— Ну, кто бы это мог быть? — спросил Пэдди, ни к кому конкретно не обращаясь, поднимаясь на ноги. Прежде чем он успел направиться к входу, дверь открылась и закрылась, и к нашей маленькой вечеринке присоединился Коннер.

— Какой приятный сюрприз, Пэдди, — воскликнула Нана. — Ты видишь, кто это? Коннер пришел повидаться с нами.

— Я старый, но не слепой, — ворчал Пэдди. — Рад, что ты пришел, сынок. Это вполне уместно.

Коннер обнял дедушку и бабушку, ласково улыбаясь своей мягкой улыбкой. — Я согласен, Пэдди. Это правильно, что я здесь, чтобы представить свою невесту. — Он бросил взгляд на Кейра, потом на меня.

Нана сжала мою руку и усмехнулась. — А ты уже знаешь невероятную новость? Наша девочка снова может говорить!

— На самом деле, я знал. Мне посчастливилось быть первым, кто узнал, когда она издала свои первые звуки. — Дьявольский взгляд Коннера пригвоздил меня к месту, и мне вдруг захотелось раствориться в цветочной ткани.

Нана и Пэдди, казалось, не обратили внимания на его намеки, но Кейр ухмыльнулся.

Пламя лизнуло мои щеки.

Если бы я могла ударить его по руке, не выглядя при этом безумной, я бы так и

сделала. — Я удивлена, что ты здесь, — вместо этого я выстрелила в Коннера. — Я думала, у тебя были другие планы.

— Вовсе нет. Я стараюсь навещать Нану при любой возможности.

Нана фыркнула. — Это полная чушь, которую я когда-либо слышала.

Я кашлянула от плохо замаскированного смеха.

— Ну, — продолжил Коннер. — Если бы я не собирался в гости, разве я пришел бы с этим? — Он поднял бумажный пакет, который я не заметила, что он несет, и протянул его бабушке.

Ее хмурый взгляд сменился кривой ухмылкой. — Ты прощен. — Она взяла пакет и заглянула внутрь. — Апельсиновые дольки! Ты знаешь, как я их люблю. — Она достала оранжевую конфету и откусила уголок, словно это был самый ценный деликатес, известный человеку. Конечно, это были такие конфеты, за которыми нужно было идти в специализированный кондитерский магазин, что означало, что Коннер планировал прийти. Я задалась вопросом, было ли это по его собственной воле или он с самого начала подозревал, что я брошу ему вызов.

— Нельзя есть сладости без чая, — сказала Нана. — Присаживайся, Кон. Пэдди, — рявкнула она. — Иди и принеси нам чаю.

Он нахмурился, но поднялся на ноги и зашаркал из комнаты.

— Ты должна попробовать один из них, девочка. — Старуха протянула открытый пакет. — Это мой абсолютный фаворит.

С радостью согласившись, я потянулась и вытасила полукруглый ломтик, затем откусила. Когда я взглянула на Коннера, чувствуя, что его глаза устремлены на меня, я была потрясена неприкрытой яростью, застывшей в его взгляде. Затем я поняла, что его взгляд устремлен на мое запястье, где я все еще носила золотой браслет, закрывающий остатки синяка. Каждая унция его контроля была направлена на сдержанность. Он потребует объяснений, как только мы останемся наедине, но пока я получила отсрочку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В то утро мне пришлось первым делом вытаскивать из постели сонную задницу Бишопа на спарринг со мной. Он не спал почти всю ночь, заканчивая с албанцем, но мне было плевать, что он устал. Я отчаянно пытался справиться с бурей эмоций, затуманивших мои мысли после того, как я выскользнул из окна спальни Ноэми.

Сказать, что я чувствовал себя дерьмово, было преуменьшением. Она сказала мне, что еще не готова к тому, чтобы ее отец узнал, что она может говорить. Вместо того, чтобы уважать ее желание, я расстроился, что она не хочет объясняться, и навязал ей эту тему. Это был глупый поступок, и я никогда бы не сделал этого, если бы знал, что дела обстоят настолько плохо.

Как только я увидел темное кольцо на ее коже, я хотел ворваться обратно и потребовать ответа, но я уже сделал достаточно. Я не мог заснуть, думая, не обидел ли ее отец за то, что я сделал. У меня не было прямых доказательств его вины в появлении синяка, но это имело наибольший смысл. Ее молчание и синяк были связаны. Я просто не был уверен, как.

Почему он был бы расстроен, узнав, что она может говорить? Я не мог даже предположить ответ.

Грызущее беспокойство и разочарование были частью того, почему я появился в доме моих бабушки и дедушки. Я знал, что она все еще планирует послушаться меня, и мне нужно было увидеть ее и убедиться, что ее отец не приложил к ней руку. Если он причинит ей вред из-за меня, я сделаю хуже, чем сожгу его заживо.

Я не любил сожалеть. Количество случаев, когда я жалел о своих поступках, можно было пересчитать по пальцам одной руки, но прошлая ночь добавила еще один. Я не жалел, что прикоснулся к ней — это было совершенством. Ее тело ожило для меня. Мне нравилась каждая секунда, когда она извивалась подо мной, но я не должен был манипулировать ею так, как манипулировал.

Тягучее чувство вины прилипло ко мне, как соль от морского бриза, постоянное напоминание о том, что я сделал. Этого было достаточно, чтобы держать себя в руках, когда

я увидел Ноэми с Кейром. Он был не из тех, кто крадет чужую женщину. Не совсем. Но как один из двух мужчин, готовых взять на себя роль лидера в нашей семье, он превосходил меня. Если он решит, что для семьи будет лучше, если он вступит в брачный союз, я мало что смогу сделать.

Эта затянувшаяся возможность и чувство вины заставили меня достать из кармана маленькую синюю коробочку. Я не планировал дарить ей кольцо на глазах у всех. Все во мне было непредсказуемо, когда дело касалось ее. Все, что я знал, это то, что я хотел, чтобы мое кольцо было на ее гребаном пальце, чтобы все знали, что она моя.

Больше всего — она.

— Я только что забрал его у ювелира, — проболтался я. — Не может быть невесты без кольца.

Глаза Ноэми расширились.

Удовлетворение раздулось в моей груди. Мне нравилось заставить ее врасплох.

Взяв ее за руку, я поднял ее на ноги и открыл коробку. Это было не традиционное обручальное кольцо с бриллиантом. Мы не были стандартной парой. Я подумал, что сапфир прямоугольной огранки был уместен, и, судя по ее поднятым бровям, я был прав. Платиновое кольцо идеально подходило.

Я наклонился и поцеловал ее в щеку, тихо прошептав: — Так ты не забудешь, кому принадлежишь.

Она сглотнула, по ее шее пополз румянец.

Мне было неприятно осознавать, насколько мне все нравилось в этот момент — видеть мое кольцо на ее пальце и то, как она реагировала на меня. Я даже не мог заставить себя беспокоиться о небольшом состоянии, которое я потратил на эту чертову штуку.

— Ну же, девочка. Дай мне посмотреть! — взволнованно сказала Нана. — О, Кон. Просто дух захватывает.

Пока две женщины теснились вместе, я привлек внимание Кейра и указал ему на вход. Он встал и последовал за мной на улицу, ухмылка дразнила уголки его губ. Мы были семьей, но иногда мне хотелось выбить это самодовольство с его гребаного лица.

— Скажи мне, что мы здесь не для того, чтобы драться из-за женщины, — сказал он беззаботным тоном.

— Нет, если ты не считаешь это необходимым. Она моя невеста, в конце концов.

Он просто уставился на меня своим нервирующим ледяным взглядом, а малейшее движение его подбородка сказало мне, что он был удивлен тем, как быстро я овладел этим новым ярлыком. Я не хотел доставлять ему удовольствие от того, что ему удалось меня подколоть, поэтому я пропустил это мимо ушей.

— Когда мы закончим здесь, я заберу ее домой, — сообщил я ему.

Кейр изогнул светлую бровь. — Ее отец не сразу отпустил ее под мою опеку. Не уверен, как он отнесется к тому, что я передам ее тебе.

— Мне совершенно наплевать, что он думает. Это с ним я хочу поговорить о синяках на ее запястье.

Мой старший кузен застыл, как высеченный из гранита. — Это правда?

— Я полагаю. Вот почему мне нужно заехать.

— Нужна помощь? — спросил он спокойно.

Большинство людей считали Кейра хладнокровным — идеально бесстрастным, но я знал его лучше. Я видел, как в детстве его оттаскивали от драки, слюна стекала по

подбородку, а в глазах было безумие. Единственная причина, по которой он так жестко контролировал себя сейчас, заключалась в том, что под поверхностью постоянно кипела буря эмоций. И в такие моменты я чувствовал, как близки эти эмоции к тому, чтобы вырваться наружу.

— Нет, я справлюсь. Я не хочу злить его до того, как сделка будет заключена. Просто нужно установить некоторые правила.

Кейр кивнул. — Дай мне знать, если что-то изменится.

Мой кузен был рад подшутить надо мной из-за моих чувств к Ноэми, но когда дело касалось плохого обращения с женщиной, ни у кого из нас не было чувства юмора. Я знал, что он прикроет меня в этом вопросе.

Теперь нужно было получить ответы от моей будущей невесты. Это будет интересная поездка домой...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Не аквамарин или бирюза — безупречный камень на моей руке был насыщенного темно-синего цвета.

Точный оттенок глаз Коннера.

Так ты не забудешь, кому принадлежишь.

Когда час спустя я сидела в его машине, его слова прокручивались в моей голове, а мой взгляд был прикован к кольцу. Не случайно камень, который он выбрал для меня, выглядел так, словно был сделан из того же материала, что и его поразительные радужки.

Я не была уверена, как я к этому отношусь.

В некоторых отношениях этот жест казался личным. Интимным. Если бы давний бойфренд так подошел к выбору кольца, я бы упала в обморок от романтического характера его выбора. Частичка его всегда со мной. Но это была не наша ситуация. Был ли хоть какой-то шанс, что он действительно испытывает ко мне чувства, или я была просто очередным

приобретением, а кольцо — его клеймом?

Я поморщилась от странной боли в груди.

— Как часто? — Его тихий голос был жидким шоколадом с примесью мышьяка.

— Что? — спросила я в замешательстве.

— Как часто он поднимает на тебя руку?

Конечно. Я знала, что это произойдет, когда Кейр сказал мне, что Коннер отвезет меня домой, но кольцо отвлекло меня. Драгоценный камень в восемь каратов сделал это с девушкой.

Я сделала медленный, очищающий вдох. — Раньше он никогда не беспокоился обо мне, — объяснила я, понимая, что должна что-то ему дать. — После смерти мамы все изменилось. Не все так плохо. Просто он может легко разозлиться.

Коннер не сводил глаз с дороги, но его ярость была видна по его сжимающей руль хватке. — Он делал это с твоей матерью?

Снова эта боль запылала в моей груди.

— Если и сделал, то я никогда не была свидетелем этого. Я столько раз задавалась этим вопросом, но не думаю, что когда-нибудь узнаю наверняка.

— Твой брат позволил ему сделать это с тобой?

Моя голова мотнулась в сторону, глаза расширились. — Нет! Конечно, нет. Санте понятия не имеет. Не смей винить его.

Коннер перевел взгляд на меня, молчаливо предупреждая, что он будет обвинять того, кого захочет. Я откинулась на сиденье и разогнула губы в ответ, но так и не смогла этого сделать. Машина вдруг резко дернулась в сторону, и моя верхняя часть тела ударилась о дверь.

Коннер выкрикнул убийственное проклятие, крепко сжимая руль, чтобы попытаться выровнять нашу траекторию.

— Что это было? — воскликнула я, пытаюсь разглядеть, во что мы врезались.

— Лицом вперед, Эм. Головой вниз, — приказал он. — Кто-то чертовски хочет умереть. — Он прорычал последнюю фразу, переведя взгляд на зеркало заднего вида.

Снова машина за нами пронеслась мимо задней части, отправив BMW Коннера в боковой полет. Байрны жили за городом, в одном из немногих районов с деревьями и холмистыми, извилистыми дорогами. Еще пара миль, и мы вернемся на шоссе, но я не была уверена, что мы проедем так долго.

Ледяная река страха бурлила под поверхностью моей кожи. Когда в ушах раздался громкий выстрел, мое колотящееся сердце пропустило целую горсть ударов.

Секунду ничего не происходило. Этого времени хватило, чтобы прийти в замешательство, прежде чем задняя часть машины завибрировала и подпрыгнула, предупреждая о спущенном колесе.

— *Ублюдок*, — прошипел Коннер, хватаясь за руль внезапно громоздкой машины. Они прострелили одну из наших шин. Мы превысили скорость, чтобы оторваться от преследователей, и теперь находились на грани полного хаоса.

Воспоминания о пролетающих мимо машинах и неистовых криках моей матери нахлынули на меня. Воспоминания о разбитых стеклах, о залитом кровью металле, изгибающемся и деформирующемся, о паре и дыме, наполнявшем воздух.

Ужас, соединенный с болью в сердце, затуманил мое зрение и подтолкнул мой пульс к опасному уровню.

— Мама, — кричала я. — *Нет*, мама.

Рука хлопнула меня по груди прямо перед тем, как мое тело покачнулось из стороны в сторону. В ушах визжали шины, почти заглушая поток мужских проклятий.

Мое прошлое и настоящее настолько размылись, что я не могла ничего понять. Когда машина остановилась, я была слишком дезориентирована, чтобы думать. Я просто знала, что должна спасти ее.

— Мама, *пожалуйста*, не умирай. — Я вцепилась в ремень безопасности, слезы текли по моим щекам, дыхание было неглубоким и судорожным. — Держись, мама. Я сейчас. Я иду. — Я не могла отстегнуть этот чертов ремень безопасности. Мои пальцы дрожали и тряслись, не в силах разобраться с разблокировкой, что усугубляло мою панику.

Я не могла дышать.

Я не могла ни видеть, ни дышать, и я не понимала, что происходит.

— Эми, детка. Успокойся. — Две большие руки сцепились по обе стороны от моего лица и заставили меня повернуться. — *Шши*, детка. Все хорошо. Ты здесь, со мной. Я держу тебя. — Кристально чистые голубые глаза. Коннер.

Не моя мама.

Мое дыхание замедлилось, когда я вернулась в реальность. Я ехала с Коннером, и наша машина была повреждена, но мы были в порядке.

Он вытер мои щеки своими грубыми пальцами, его глаза смотрели глубоко в мои. — Мне нужно, чтобы ты успокоилась, Ноэми. Это еще не конец, — сказал он мягко, но настоятельно.

Я попыталась перевести взгляд на заднее сиденье машины, но он держал мое лицо направленным на свое.

— Смотри на меня, детка. Теперь мне нужно, чтобы ты легла на пол и молчала. Ты можешь сделать это для меня?

Я кивнула.

— Хорошая девочка, — прошептал он, опустив одну руку вниз, чтобы отстегнуть мой ремень безопасности, а затем открыл бардачок, чтобы достать черный пистолет. Он посмотрел на пол, молчаливо приказывая.

Я скользнула вниз в тень.

Коннер передернул затвор пистолета, его рука взялась за ручку двери.

Новый привкус страха внезапно забил мне горло. Он собирался выйти им навстречу. Чтобы встретиться лицом к лицу с людьми, которые хотели нашей смерти. Что, если они убьют его? Почему эта мысль наполнила меня таким ужасом? Боялась ли я просто вернуться к отцу, или это было нечто большее?

Когда я представила себе живые глаза Коннера, ставшие тусклыми и безжизненными, как у моей матери, мои веки сомкнулись, яростно отвергая этот образ. Я не хотела терять его. Даже сама мысль об этом мучила меня.

Я вздохнула и вздрогнула, когда он распахнул дверь. Он не сразу вышел. Он ждал, пока прекратится стрельба сзади нас. Как только они стихли, он бросился вперед. Серия его собственных выстрелов громко прозвучала в воздухе вокруг нас.

Я зажала уши руками, по щекам потекли очередные слезы. Я даже не поняла, что снова закрыла глаза, пока тишина не заставила меня приоткрыть зажмуренные веки.

Я была одна.

Мои глаза расширились, как будто это могло помочь мне увидеть, что происходит за

пределами моей психической крепости. Я напрягла слух, пытаюсь расслышать, как бьется мой пульс, но никаких звуков не было, пока мимо не пронеслась машина. Отвлечение внимания вызвало еще одну очередь пуль.

Это стрелял Коннер или напавший? Боже, как я ненавидела не знать, что происходит.

Секунды спустя я услышала серию ударов и гортанные проклятия — драка.

Коннер, должно быть, с кем-то борется.

Неужели за нами гнался не один человек? Что если он был в меньшинстве? Я без устали жевала губу, переполненная беспомощностью.

Когда раздался одиночный выстрел, за которым последовала оглушительная тишина, мне пришлось выглянуть. Проскользнув на водительское сиденье, я изо всех сил старалась оставаться незаметной, приближаясь к все еще открытой двери. Как только я оказалась в положении, позволяющем вынырнуть в случае необходимости, я выглянула наружу, чтобы оценить ситуацию.

Коннер стоял с пистолетом в вытянутой руке. Его грудь быстро поднималась и опускалась, глаза были устремлены влево, а пистолет оставался направленным на того, кто, по моему предположению, лежал на земле.

Я осторожно поставила ногу на землю и встала, чтобы заглянуть через крышу автомобиля. Затем произошел целый каскад событий.

Заметив мое появление, Коннер мотнул головой в мою сторону как раз в тот момент, когда выстрел прогремел по металлической крыше в нескольких дюймах от моего лица. Я упала на землю, но успела заметить человека, убегающего с места преступления.

— Господи *Иисусе*, — прорычал Коннер, сделав несколько выстрелов вдаль, прежде чем броситься ко мне. — Он попал в тебя? Ты ранена? — Его глаза обшаривали мое тело.

Я покачала головой. — Он не попал в меня. Они все еще там?

Присев на корточки рядом со мной, Коннер откинул голову назад на длинном вдохе. — Не совсем. Один мертв, а другой сбежал.

— Ты знаешь, кто они были или что им было нужно?

Когда наши взгляды столкнулись на этот раз, гневная месть смотрела на меня в ответ.

— Албанцы. — Это слово было произнесено с язвительным презрением. Я не была уверена в их прошлом, но одно было ясно. Коннер их ненавидел. — Возвращайся в машину. Я поставлю закуску и отвезу тебя домой.

Я сделала, как он велел.

В то время как я ждала, пока он сменит шину, машина наполнилась удушающей неопределенностью, переходящей в неловкость. Мои эмоции были в беспорядке. Как бы я не старалась не думать об этом, мои мысли постоянно возвращались к рукам Коннера на моем лице, его глазам в дюймах от моих, а его слова были бальзамом на мое больное сердце. Он был так невероятно мил.

Шии, детка. Все хорошо... Я держу тебя.

Его слова бесконечно повторялись в моей голове. Я была в полной истерике. Логично, что ему нужно было успокоить меня, прежде чем мы закончим стрельбой, но мое сердце хотело прочитать его действия. Я хотела, чтобы ему было не все равно.

Я могла только представить, что он думал обо мне теперь, когда видел, как я полностью вышла из себя. Я была совершенно не в себе.

Вздохнув, я оперлась локтем на дверь и закрыла глаза рукой, молясь, чтобы этот день поскорее закончился.

К тому времени, когда Коннер скользнул на водительское сиденье, его кобальтовые глаза полностью заledenели. Какова бы не была природа его переменчивых мыслей, я не собиралась их прерывать. До конца поездки мы оба молчали.

Впервые за шесть месяцев я почувствовала облегчение, приехав домой. Коннер проводил меня до двери. Я ожидала, что он уйдет, как только Умберто ответит, но он попросил позвать отца и велел мне подняться наверх. У меня не было ни сил, ни желания спорить. Однако, добравшись до своей комнаты, я поняла, что у Коннера была не одна причина желать встречи с моим отцом. Я решила, что он хочет обсудить наш близкий к смерти опыт, и забыла о том, что мы обсуждали за несколько минут до того, как это произошло.

Стал бы Коннер говорить с отцом о том, что тот причинил мне боль?

Непреодолимый прилив паники охватил меня, и не из-за моей собственной безопасности. Второй раз за последние несколько часов я беспокоилась о Коннере.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Не просто так ты весь в крови? — непринужденно спросил Фаусто Манчини, когда присоединился ко мне у входа в свой дом.

Сегодня я уже убил одного человека, и мои руки болели от желания выжать жизнь из другого. Увидев Фаусто, я узнал, что он издевался над своей дочерью, и убийственная ярость вырвалась на поверхность. Мне потребовалось все, что у меня было, чтобы заставить себя сохранять спокойствие. — По дороге сюда у меня возникли небольшие проблемы.

Его взгляд метнулся к лестнице. — Я так понимаю, моя дочь вернулась благополучно?

— Она цела и невредима, но потрясена. Я отправил ее в ее комнату. — Я медленно подошел ближе, опустив взгляд на свои руки, лежащие передо мной. — Все могло пойти совсем по-другому. Ноэми могла пострадать, и хотя мы еще не женаты, я считаю ее своей ответственностью. — Я поднял свой взгляд на него, смерив его злобным взглядом. — Если

кто-нибудь причинит вред женщине, находящейся под моей защитой, я разорву этого ублюдка на куски. Сегодня я продырявил одного из этих людей, а второй пожалеет, что сделал это, когда я его поймаю.

— И ты говоришь мне это потому...? — спросил Фаусто, его губы начали кривиться.

— Просто подумал, что тебе, как моему будущему тестю, будет полезно это знать. Я защищаю то, что принадлежит мне. — Я не стал бросать ему такой многословный вызов, но не сомневался, что мое сообщение было получено. — А теперь, если ты меня извинишь, у меня есть дела. — Я отрывисто кивнул и позволил себе выйти. Последние остатки моей вежливости истекли.

Мне было приятно противостоять ему. Я хотел, чтобы этот ублюдок знал, что я наблюдаю за ним. Только так я мог спокойно оставить Ноэми на его попечение. Если бы он знал, что я слежу за ним, он бы понял, что ему не удастся выкрутиться.

Однако на всякий случай я решил, что лучше всего будет обратиться к главе семьи для встречи. Для итальянцев главное — структура и правила. Будучи простым капо, Фаусто не мог принимать никаких важных решений относительно союза. Было бы разумно проследить за тем, чтобы босс Моретти был в курсе моих перспектив на случай, если Фаусто начнет распространять какую-нибудь ложь. Я не хотел, чтобы эта стычка переросла в войну.

Два часа спустя я оставил свою машину в ремонтной мастерской и одолжил несносный желтый Mustang Бишопа, чтобы встретиться с Ренцо Донати в офисе у доков. Каждая из пяти семей специализировалась в определенных областях. Семья Моретти занималась синими воротничками — сталелитейными заводами, бригадами и грузчиками.

Отец Ренцо, Агостино, был главой организации. Дон, босс или как там его еще называют. Я бы с удовольствием поговорил с ним, но аудиенции с боссом были редкостью. Мне пришлось довольствоваться его сыном, младшим боссом.

Я никогда раньше не встречался с этим человеком, но первые впечатления убедили меня, что мы с ним говорим на одном языке. На самом деле, пронизательный блеск в его глазах напомнил мне Кейра.

Ренцо был пронизателен.

Это было видно по дороговому покрою его дизайнерского костюма и непринужденно-утвердительной манере держаться. Не напыщенный и не броский, просто уверенный авторитет.

— Это довольно необычно. Ты должен это понимать, — сказал Ренцо в знак приветствия.

— Я понимаю, что обычно это должен был бы сделать мой дядя, как глава нашей организации, но это дело было несколько деликатным. Я предпочел осторожность формальностям.

Сильно татуированный мафиози поднял подбородок, показывая, что я вызвал его любопытство.

— У меня есть опасения, — продолжил я, — что Фаусто Манчини может попытаться отказаться от участия своей дочери в нашей помолвке.

— Это так?

— Вполне возможно, да.

— И почему ты так думаешь? — спросил он.

— Здесь заключается деликатность вопроса.

Ренцо медленно вышагивал перед большим окном с видом на залив. — Насколько я понимаю, сегодня ты стал жертвой довольно жестокого нападения. Если Фаусто опасается за безопасность своей дочери, то это вполне обоснованное беспокойство. — Его намек на то, что я представляю опасность для Ноэми, меня не беспокоил. Это была его работа — вытрясти правду, и я знал, что моя позиция была твердой.

— Если бы враг, разжигающий проблемы, был настолько силен, чтобы сделать нас неподходящими для брака, ни у одного из нас не было бы жены. — Я посмотрел на него выравнивающим взглядом. — Я буду оберегать Ноэми, как и сегодня. Я не вижу причин, по которым наш союз должен рухнуть из-за необоснованных страхов отца. К тому же, — продолжил я уже более настороженно, — я обнаружил, что под крышей отца у нее гораздо больше шансов пострадать, чем под моей опекой. — Я позволил своему смыслу раствориться в воздухе между нами, но мой непреклонный взгляд не покидал его.

Ренцо оставался совершенно неподвижным. — Это довольно серьезное обвинение.

— Деликатный вопрос, не так ли?

Он слегка приподнял подбородок, затем перевел взгляд на окно. — Твои опасения были приняты к сведению.

Ренцо не дал мне никакого намека на то, что он может сделать с информацией, которую я передал. Однако интуиция подсказывала мне, что он человек чести. Я заметил мельчайший блеск в его правом глазу, когда поставил под сомнение безопасность Ноэми. Может быть, я ошибался, но у меня было ощущение, что он относится к домашнему насилию не более благосклонно, чем я.

Узел, завязавшийся в моем нутре после нападения, наконец-то ослаб.

— Я ценю потраченное тобой время, Донати. Передай привет своему отцу.

Он кивнул, подавая знак, что я свободен. Я был доволен. Я сказал то, что хотел сказать. Теперь пора было переходить к следующему делу.

Как только я вернулся в Mustang, я позвонил Бишопу и сообщил ему номер машины, которая нас преследовала.

— Посмотрим, что ты сможешь раскопать на владельца. Я сомневаюсь, что он напрямую связан с теми ублюдками, которые нас преследовали, но это может быть зацепкой. Я хочу, чтобы этого ублюдка нашли.

— Да, сэр. Ты придешь сегодня в спортзал?

Я все еще не привел в порядок костяшки пальцев после того, как разбил их во время боя с албанцем. Это стоило каждой капли крови, но для одного дня было достаточно. — Может быть, завтра.

Когда у меня будет целый день, чтобы подумать о том, что произошло, и о том, как Ноэми была напугана, мне понадобится выход, независимо от того, насколько разбиты мои костяшки.

— Рассчитываю на это, — сказал Бишоп, прежде чем повесить трубку.

Боже, я надеялся, что мы найдем этого ублюдка. Я не мог и пальцем тронуть отца Ноэми или избавить ее от травмы, которую она носила в себе, но я мог заставить этого албанского ублюдка страдать, и мне бы понравилась каждая минута.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Выстрела, которого я наполовину ожидала, так и не последовало. Я не знала, кто был более склонен стрелять первым, но, учитывая гнев Коннера и непостоянство отца, я была удивлена удивительной тишиной внизу. Жуткая тишина.

Я вспомнила о тишине, которая притягивала меня, когда я выглядывала из машины. Безжалостный взгляд Коннера, когда он стоял с поднятым пистолетом, был леденящим. Не секрет, что он был способен на убийство, но видеть, как это происходит в живом цвете, было совсем другой историей, особенно когда он делал это, чтобы спасти нас. То, что он убил другого человека, должно было привести меня в ужас по нескольким причинам. Но все, что я могла вызвать, это теплое одеяло облегчения. Я бы умерла, если бы не его безжалостная погоня за этими людьми.

Замолчала бы навсегда.

Мой отец никогда бы не поплатился за содеянное, и это была бы моя вина за то, что я не заговорила. Сидя в тишине своей комнаты, я поняла, что мне надоело терять время. Я должна была рассказать дяде Донати правду о смерти моей матери.

— Что за гребаную *ложь* ты им скормила? — Отец ворвался в мою комнату, стиснув зубы от гнева. — Я *знал*, что ты откроешь свой чертов рот.

Я никогда не видела его таким взбешенным.

Я попыталась отползти назад на кровать, но опоздала. Его рука вцепилась в мою рубашку и притянула меня к себе, наши лица оказались на расстоянии дюйма друг от друга. Так близко, что я чувствовала запах безумия, исходящий от него. Я заставила себя не сопротивляться, хотя мне казалось, что он проник глубоко в мою грудь и выжал воздух из моих легких своими кулаками.

— Что бы ты не сделала, ты, блядь, все исправишь. Ты слышишь меня? Если ты думаешь, что, выйдя замуж, ты вольна делать все, что захочешь, подумай еще раз. Мы с тобой *одной крови*. Ты связана со мной больше всех остальных, и если ты забудешь об этом, то расплачиваться будет твой брат. Если ты облажаешься, я гарантирую, что ты это

почувствуешь.

Никогда прежде я не слышала в его словах столь явного обещания насилия. Этот человек был совершенно невменяем.

Не дожидаясь ответа, он оттолкнул меня. Я упала обратно на кровать, ударившись головой о край тумбочки. Я поморщилась, крепко зажмурилась, но когда я их открыла, отца уже не было.

Я осторожно потерла голову, надеясь, что на ней не окажется гусиного яйца.

Какого черта он так беспокоился о том, что думают о нем ирландцы? Почему он так вложил в этот брак и союз?

Я не могла даже предположить, что он думает, потому что явно совсем не знала этого человека. Прожив двадцать лет под одной крышей, мой отец все еще оставался совершенно чужим человеком.

Я отбросила волну подступающего раскаяния и крепко ухватилась за свою решимость. Соскочив с кровати, я достала из-под матраса одноразовый телефон и сунула его в карман, а затем выскользнула из комнаты.

Мне нужно было найти место, где отец вряд ли будет подслушивать. Решив, что лучшим вариантом будет гараж, я спустилась по лестнице и прокралась к задней части дома, стараясь выглядеть незаметно. Я не хотела выглядеть подозрительно, если кто-то следит за тайными камерами.

Послушай себя. Как твоя жизнь стала такой безумной?

Я понятия не имею. В один момент я была обычным подростком, окончившим школу, потом моя мама умерла, мой отец-затворник оказался не у дел, и я придумывала, как сбежать с братом.

Может быть, я смогу заработать достаточно денег, чтобы сбежать, продав свою историю телеканалу Lifetime.

Я покачала головой, доставая телефон в темном углу гаража. Я набрала номер Пиппы, надеясь, что она ответит, несмотря на незнакомый номер.

— Алло? — В ее голосе звучали нотки неуверенности и раздражения.

— Пип! Это я. — Я не могла не усмехнуться, представив себе шок на ее лице.

— Эм? Это ты?

— Да! Вчера вечером ко мне вернулся голос.

— Это потрясающе! — Ее взволнованное восклицание прервалось. — Подожди. Почему ты звонишь мне с незнакомого номера? И ты говоришь шепотом?

Ладно, ничего не выйдет.

— Произошло много всего. Я не могу вдаваться во все это, но вот основные моменты. Это телефон, который Коннер дал мне, чтобы я не пользовалась своим старым телефоном.

— Почему ты не можешь пользоваться своим старым телефоном? — спросила она, глубоко озадаченная.

— Отец стал... другим с тех пор, как умерла мама.

— Поэтому ты не выходишь из дома все это время? — воскликнула она.

— Да.

— Эм, это звучит немного безумно. Он теперь так тебя опекает, что ты даже не можешь разговаривать по собственному телефону? Он следит за твоими звонками или что-то в этом роде?

— Я знаю, это звучит немного дико. — Не желая углубляться в эту тему, я перевела

разговор в другое русло. — И если этого было недостаточно, на нас с Коннером напали сегодня утром, когда мы возвращались из поездки к его бабушке и дедушке.

— *Напали?* Какого хрена? Кто?

— Я точно не знаю, но они сбили нас с дороги — прострелили чертову шину — а потом пытались нас застрелить.

— Господи *Иисусе*, Эм. Ты в порядке?

— Да, Коннер был довольно... впечатляющим. — Я прикусила губу, но Пип, должно быть, почувствовала восхищение в моем тоне.

— Да? — спросила она, полная намеков. — Похоже, дела пошли лучше?

Я сделала паузу, тщательно подбирая слова. — Скажем так, я думаю, что все движется в правильном направлении. — Если не думать о тех запутанных чувствах, которые я испытывала к своему избраннику, дела шли в гору. — Я так рада, что ко мне вернулся голос. Вот почему я должна была позвонить. Мне нужно, чтобы ты знала, как много ты для меня значишь.

— Это невероятно мило, но... ты меня немного пугаешь. Ты уверена, что все в порядке? — спросила она.

Клубок эмоций забил мое горло. — Недавние события просто изменили мою точку зрения, вот и все. Мы никогда не знаем, сколько у нас времени, и ты слишком важна для меня, чтобы я могла рисковать, не поговорив с тобой еще минуту.

Пип фыркнула. — Черт, Эм. Теперь ты заставила меня задохнуться. Я тоже люблю тебя, сестренка.

— Люблю тебя еще больше, — прошептала я.

— Послушай, — сказала она, став похожей на себя прежнюю. — Я не знаю, что там происходит, но если я тебе понадобится, звони. Хорошо?

— Конечно. — Я усмехнулась. — Поговорим позже, Пип.

— Рассчитываю на это.

Следующая неделя прошла в белом кружеве, летних цветочных композициях и бесчисленных звонках свадебному организатору. Я видела Коннера только один раз, и то на нашем репетиционном ужине. Весь вечер мы были окружены семьей, что не позволило нам поговорить по существу.

Я постоянно задавалась вопросом, о чем он думал в течение недели. Он не писал и не звонил. Не то чтобы он должен был. Мы не были влюблены, и мне следовало бы помнить об этом, но я чувствовала, что между нами начались какие-то сдвиги. А потом ничего. Словно летняя гроза испарилась в солнечном небе.

От неопределенности у меня в животе завязались узлы.

Я понятия не имела, чего ожидать от него после нашей свадьбы. Я надеялась понять, куда завели его мысли, пока мы были на репетиции, но он был совершенно спокоен весь вечер. Ужин состоялся за два дня до церемонии, а не накануне вечером. Наши необычно короткие сроки означали, что пришлось пойти на уступки традициям. Меня это несколько не волновало. Меня волновало то, что за всю неделю я ни разу не видела Санте. Только на репетиции, и папа постарался, чтобы у нас не было и пяти минут вместе. Он передавал сообщение. Я получила его громко и четко, но вместо того, чтобы отпугнуть меня, это

только придало мне больше решимости. Фаусто Манчини заплатит за то, что он сделал.

Тридцать первого июля, за день до свадьбы, я попросила Умберто отвезти меня на могилу моей матери. Небо было необычно темным для летнего дня. Можно было бы даже сказать зловещим, если бы человек был склонен к суевериям. Я оценила эту мрачную атмосферу. Что-то в этой тишине заставило меня почувствовать большую связь с матерью, чем если бы это был солнечный день.

Я нашла ее богато украшенное гранитное надгробие, где я часто навещала ее в те ранние дни. Памятник не был моим любимым. Отец заказал дизайн, вероятно, решив, что пышная дань уважения — это хороший способ доказать, как сильно он скучает по женщине, которую убил. Я знала лучше. И я знала, что мама была слишком приземленной и неприветливой, чтобы захотеть яркое надгробие над своей могилой.

— Привет, мама. — Мой голос был тонким от того, что я пыталась преодолеть комок в горле, сидя со скрещенными ногами на траве. Это был первый раз, когда я говорила с ней вслух после ее смерти, и что-то в том, что я произнесла эти слова, заставило мое горе всплыть на поверхность. — Я так скучаю по тебе, мама.

Я сделала несколько медленных, ровных вдохов, чтобы успокоиться.

— Завтра я выхожу замуж. Я знаю, я должна была прийти и сказать тебе об этом раньше. Но все было как в тумане. Его зовут Коннер Рид, и он ирландец. Кто бы мог подумать? — Я отщипнула травинку и медленно разделила ее посередине. — На самом деле он не так уж плох. Наверное, это немного странно, что я могу так говорить о человеке, который убивает других людей, но это то, что есть. Возможно, никто из нас не настолько цивилизован, как нам хотелось бы думать. — Я сделала паузу, мой голос смягчился, когда я продолжила. — Я хотела бы знать правду о папе раньше. Хотела бы я знать, была ли ты счастлива или это все было шоу для нас.

Моя грудь сжалась так сильно, что мои плечи ссутулились.

— Мне так жаль, мама. Я хочу, чтобы ты знала, что я сделаю все возможное, чтобы помочь Санте. Я знаю, что ты бы этого хотела. Я не подведу тебя. — Протянув руку, я прижал ее к траве, где, по моим представлениям, должна была находиться ее грудь. — Всегда буду любить тебя.

Одна слезинка вырвалась на свободу и потекла по моей щеке. Что-то в разговоре с ней заставило меня почувствовать, что я наконец-то попрощалась и живу дальше без нее. К чему двигаться дальше, я не знала, но менее чем через двадцать четыре часа мне предстоит это узнать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Это принадлежало моей матери. Мы с твоей мамой носили его, когда выходили замуж. — Тетя Этта протянула крошечную, элегантную булавку с камеей. — Это может быть твоей одолженной вещицей. Она достаточно маленькая, чтобы легко спрятать ее под юбкой, и она принесла нам удачу. Вот, повернись.

— Спасибо, тетя Этта. Это так мило с твоей стороны. — Я сделала, как она сказала, не споря об удаче. Она могла так думать о своем браке, но я сомневалась, что мама сказала бы то же самое о своем.

— С этим великолепным кольцом с сапфиром, потрясающим новым платьем и старым маминым ожерельем у тебя теперь есть все необходимое. — Она закончила заправлять булавку под мою юбку и подтолкнула меня, чтобы я повернулась обратно. — Ты выглядишь потрясающе, малышка Эми. Я знаю, что Леонора здесь и наблюдает за тобой. Она бы так гордилась молодой женщиной, которой ты стала.

Слезы обожгли мое горло, потому что я не была уверена. Будет ли она гордиться? Или ей было бы неприятно видеть, как я иду по тому же опасному пути, по которому шла она?

Я обняла тетю Этту и поблагодарила ее сквозь нахлынувшее чувство паники. Надвигающаяся гибель вцепилась в меня когтями, и мне казалось, что стены давят на меня. — Как ты думаешь, ты могла бы найти Коннера для меня? — спросила я пронзительным голосом.

Ее брови плотно сошлись. — Ты уверена, милая? Ты же знаешь, что жених не должен видеть невесту...

— Пожалуйста, тетя Этта. Мне нужно поговорить с ним, прежде чем я это сделаю.

Она кивнула, в складках ее глаз застыло беспокойство, и она вышла из комнаты. Я хотела пройтись. Нервная энергия свернулась в моих мышцах, и мне было трудно усидеть на месте, но шлейф моего платья мешал шагать. Вместо этого я стояла у окна и смотрела, как колышутся под ветром листья на большом дубе рядом с церковью, пока зловещее осознание не пронеслось сквозь меня, зажегши жар от затылка до основания позвоночника. Когда я

повернулась, Коннер стоял в дверях, одетый в безупречный костюм-тройку, и его непостижимый взгляд устремился на меня.

Мне хотелось ударить кулаками по его широкой груди и закричать на него за то, что он так невыносимо красив и при этом кажется недосыгаемым. Мы были знакомы недолго, но я не была уверена, что вечности хватит, чтобы полностью понять этого сложного человека. Но я хотела этого. Я хотела *его*, и я ненавидела себя за это. За то, что была настолько слаба, чтобы желать того, чего у меня никогда не будет.

Одним размеренным шагом за раз он сократил расстояние между нами. — Ты хочешь что-то сказать? Потому что я уверен, что это нарушение традиций.

Я сглотнула, в горле внезапно пересохло. — Мне нужно знать, почему ты это делаешь. Почему ты согласился жениться на мне? — Ирландцы прекрасно выжили бы и без союза. Он был полезен, но не обязателен. Я не знала, чего я добиваюсь, спрашивая, но мне нужно было услышать его ответ.

Он долго размышлял над вопросом, прежде чем ответить. — Долг перед моей семьей. Обретение власти. Знойные зеленые глаза и пылкий нрав. Выбери день; я назову тебе причину. Она меняется с каждой минутой.

Но, по крайней мере, где-то внутри него я была частью его решения. Какая-то его часть хотела меня, а не только то, что представляла собой моя семья. Этого было достаточно на данный момент.

Я кивнула, волна паники спала до общего чувства тревоги. Я хотела спросить, где он был всю неделю и почему не выходил на связь, но это было слишком. Это не были настоящие отношения; он не ухаживал за мной. Я не должна была ожидать чего-то большего.

Коннер подошел еще ближе, обхватил рукой мою шею и наклонил мое лицо к себе. — Просто смотри прямо на меня. Не думай ни о ком другом, хорошо? — Должно быть, он почувствовал тревогу, которая терзала мои внутренности.

Трепетное тепло наполнило мою грудь, когда я кивнула.

— Хорошо. А теперь давай покончим с этим шоу. — Прежде чем он двинулся с места, его глаза опустились на мои губы. — Ты выглядишь достаточно хорошо, чтобы съесть, Ноэми. — Он приблизил свои губы к моему уху. — А я голоден. — Как только он высосал весь воздух из моих легких своим комментарием, он повернулся и ушел.

Несколько секунд спустя моя тетьа снова появилась вместе с Пиппой, обе были полны энергии.

— Вся церковь заполнена, Эм. Это безумие.

— Не помогает, Пип, — уколола я ее.

Она помрачнела. — Все в порядке, однако. Все, что тебе нужно сделать, это пройти к алтарю и стоять там. Ничего страшного.

А потом привязать себя к ирландскому мафиози на всю оставшуюся жизнь и, возможно, заняться сексом в первый раз в жизни. Да, обычная суббота.

Глубокий вдох, медленный выдох.

— Твоя прическа и макияж идеальны. Платье изысканное. У тебя все получится, — подбадривала тетьа Этта. — Церемония будет настолько короткой, насколько может быть коротка католическая свадьба, а на приеме ты сможешь оставаться столько, сколько захочешь. По крайней мере, у нас не будет полномасштабного ужина. Они длятся вечно.

После долгих дебатов со свадебным организатором мы решили устроить прием с тортом и шампанским в бальном зале отеля рядом с церковью. Не нужно было координировать

дополнительный кейтеринг. Никаких заученных наизусть клятв. Никаких специальных чтений или выступлений. Просто короткая прогулка, несколько повторенных слов, и я согласна. Я смогу это сделать.

Нет, мне не удалось вырваться из жизни, в которой я родилась, но это не значит, что я должна быть несчастна. Я могла найти радость в других сферах своей жизни. Идеальный муж — это еще не все. Единственное предостережение — не обманывать себя, надеясь на большее, веря в любовь. Это было не в моих силах. Если бы я позволила своему сердцу привязаться, это привело бы только к опустошению.

Я могла бы стать женой Коннера, но он был женат на мафии еще до того, как встретил меня.

— Пора, милая девочка. Ты готова? — Тетя Этта вопросительно посмотрела на меня с блеском печали в глазах.

Мне не хотелось, чтобы она волновалась, поэтому я заставила себя улыбнуться. — Настолько, насколько я когда-либо буду готова.

Пиппа вручила мне букет и накинула фату на лицо, после чего ее мама вывела нас в зал. Нежные звуки струнного квартета, играющего Канон Пахельбеля, становились все громче по мере того, как мы приближались к входу в собор. Почти так же громко, как стук моего сердца, отсчитывающего секунды до того момента, когда я стану замужней женщиной.

Это была огромная церковь — одна из самых больших в городе — заполненная сотнями гостей. Люди стояли вдоль стен под огромными панелями с яркими цветными витражами. На свадьбу, как в странствующий цирк, съехались люди со всех концов света, и я была главной достопримечательностью.

Фата, которую я надела, казалась частью устаревшей традиции в магазине платьев, но я благодарил Бога за то, что позволила тете Эте уговорить меня на нее, потому что она создавала иллюзию барьера между мной и миром. Крошечная смесь уединения.

Надеюсь, это скрывало рычание, которое дразнило мои губы, когда я брала руку отца.

Однако, с другой стороны, вуаль также не позволяла мне хорошо видеть Коннера. Хотя я не могла разглядеть его лазурные глаза, я без труда опознала его гордый вид у алтаря. Я сделала то, что он сказал, и отключилась от всего остального — от отца, публики, ожиданий — и сосредоточилась исключительно на мужчине передо мной.

Когда мы, наконец, подошли к Коннеру у входа в церковь, он шагнул вперед и откинул фату с моего лица — эту задачу обычно возлагали на отца невесты. Отец стоял неловко, словно не зная, что делать. Глаза Коннера впились в мои, и я хотела бы знать, о чем он думает. Хотя он был вечной загадкой, мой отец, несомненно, был взбешен. Коннер откровенно проявил неуважение к моему отцу, узурпировав папину роль на глазах у всех. Я могла только представить, какая ярость кипела внутри него.

Огромным облегчением была мысль о том, что после свадьбы мне не придется возвращаться домой, если я этого не захочу. Конечно, несколько часов после приема были наполнены другой формой беспокойства. Это был первый раз, когда я осталась наедине с моим новым мужем в новом доме, и я понятия не имела, чего ожидать.

Коннер долго и глубоко смотрел мне в глаза, прежде чем наконец повернуться к моему отцу и пожать ему руку. Мой жених даже не дал отцу шанса поцеловать меня в щеку или сказать хоть слово. Он держал себя под углом между нами, а затем повел меня к алтарю, не позволяя отцу приблизиться ко мне.

Преодолев это небольшое препятствие, мы перешли к церемонии. Я передала свой букет

Пиппе, которая была моей единственной свидетельницей. Мы постарались сделать все как можно проще, пригласив по одному человеку. Она стояла рядом со мной, а Коннер выбрал друга в качестве шафера, а не одного из своих многочисленных кузенов.

Слова священника проходили сквозь меня, словно на другом языке. Я не могла ни слышать, ни видеть, ни думать. Все, что я могла делать, это сосредоточиться на дыхании и стараться не потерять сознание.

Должно быть, слухи о моих новых вокальных способностях распространились как лесной пожар, потому что церковь не погрузилась в море шепота, когда пришло время произносить обеты.

— Ноэми, берешь ли ты Коннера в законные мужья? Обещаешь ли ты любить его, утешать его, почитать и хранить его в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, и, оставив всех других, быть верной только ему, пока вы оба живы?

Я набрала воздух в легкие.

— Да.

Две буквы. Одно слово. Одна жизнь, отданная навеки.

Как мужчина, Коннер получил в этом мире свободы, о которых женщина могла только мечтать. Он брал на себя обязательства, но не в такой степени, как я, потому что он уже согласился на жизнь в преступном мире. Идя к алтарю, я уже предопределила свою судьбу. В тот момент я поклялась себе, что не позволю этому быть пустым. Я использую всю силу, которую смогу получить от своего брака, чтобы уничтожить своего отца.

Именно на этом я сосредоточилась, когда сказала *да*.

Может быть, клятва и не была произнесена вслух, но она была столь же величественной, как и клятва моему новому мужу.

— Жених может поцеловать невесту. — Веселый возглас священника вернул мое внимание к настоящему, как раз когда губы Коннера опустились на мои, одной рукой он притянул меня к себе, а другой крепко обхватил за шею, словно думал, что я могу вырваться.

Бежать было последним, о чем я думала. Я была слишком занята, пытаюсь понять, как целомудренный поцелуй на глазах у публики может быть таким чертовски эротичным. Твердость его требовательных губ. То, как нежно он выгибал меня под себя, удерживая в равновесии.

Но кульминация наступила в конце поцелуя.

Держа наши губы вместе, он прошептал одно слово.

Праздничный квартет начал радостную песню, наполнив церковь музыкой. Толпа поднялась на ноги и хлопала, пока священник объявлял нас мужем и женой. Все это время моя голова кружилась от неверия, когда одно слово эхом отдавалось в моей голове.

Моя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мы вышли из собора рука об руку. Я сохраняла улыбку на лице, надеясь, что она скроет беспокойство, роившееся внутри меня, как разъяренный улей пчел.

Мы с Коннером поженились.

Теперь я была миссис Ноэми Рид.

Эти слова, собранные вместе, звучали в моей голове чужеродно. Ничто в моей жизни не было узнаваемым.

Да ладно, Эм. Не время для кризисной ситуации.

Я несколько раз моргнула, отгоняя паутину и понимая, что мы наконец-то избежали любопытных взглядов прихожан.

Коннер повел нас по коридору к одной из комнат, которые мы использовали для подготовки к церемонии. Гости должны были пройти небольшое расстояние по улице до места приема, пока мы делали несколько снимков. После этого мы поедем на лимузине на прием для торжественного выхода. А до тех пор мы ждали. Наедине.

Он отпустил мою руку, как только мы вошли в небольшое помещение воскресной школы. Шторы на окнах были закрыты, пропуская внутрь лишь крошечные лучики света. Я чувствовала себя так, словно забрела в логово голодного льва, и все внутри меня кричало, чтобы я выбралась наружу.

Мы должны были поговорить в дни, предшествующие свадьбе, но он не звонил, и я тоже. Это сделало этот момент бесконечно более неловким.

— Ты прошла через это, — тихо сказал он, преодолевая напряжение в комнате.

— Ты сомневался?

— Я бы не был шокирован, если бы меня подставили. — Он прислонился к стене, его большой палец медленно скользил по нижней губе.

— Я предпочитаю продолжать дышать, — пробормотала я.

Глаза Коннера угрожающе потемнели. Он был расстроен моими намеками — хотя я не

была уверена, что его больше беспокоило: жестокое обращение моего отца или мое нежелание выходить за него замуж. В любом случае, я не стала объясняться. Я уже чувствовала себя уязвимой. Отдав ему еще больше себя, я бы раскрылась нараспашку. Если бы я поддалась давлению и призналась, что какая-то часть меня хочет его, только чтобы узнать, что его реакция была лишь отражением его неприязни к моему отцу, я была бы смущена безмерно. В один день я могла выдержать только такое эмоциональное напряжение.

К сожалению, Коннер не понял этого.

Он подошел ближе, в последнюю секунду опустив глаза на мое запястье. Он просунул палец под браслет, который мне подарил Санте, и поднял мою руку, чтобы прочитать гравировку.

— Как ты могла проявить лояльность к этому уроду? — усмехнулся он.

— Мой брат дал его мне. — Я отдернула руку. — Это не имеет никакого отношения к нашему отцу.

Мои синяки наконец-то поблекли, но фантомная боль в запястье напоминала о себе.

— Твой брат гордится этим именем и всем, что оно символизирует. Как это не связано с твоим отцом и репутацией, которую он создал?

— Потому что Санте другой. Он милый.

— Наивный.

Мои губы сжались, не в силах возразить ему. — Я не могу ненавидеть его за то, что сделал наш отец, — объяснила я, моя защита ослабла. Опустив взгляд, я вдруг почувствовала себя неловко и повернулась к двери. — Нам, наверное, стоит пойти поискать фотографа.

Правая рука Коннера потянулась, чтобы прижаться к моему животу и притянуть меня к себе. Мое платье было практически без спины, что позволяло обжигающему жару от его груди обволакивать мое тело, как плюшевая бархатная драпировка. Тем не менее, именно его твердый член, упирающийся мне в спину, превратил мои вены в жидкую магму. Моя внутренняя температура подскочила так быстро, что я была в нескольких секундах от огненного дыхания.

Губы моего нового мужа приблизились к моему уху, его левая рука нежно проникала в мое горло. — Ты такая чертовски сексуальная, когда злишься. — Грубая сдержанность в его голосе скребла по моей коже, дразня мои соски, превращая их в тугие жемчужины.

Я выгнулась дугой на его дрожащем выдохе, не в силах сдержаться. Рука, лежащая на моем горле, провела по ключицам к вырезу платья, просунула под него кончик одного пальца и безумно медленно спустилась к нижней части ложбинки между грудями.

— После приема я буду пробовать каждый сантиметр этого тела. Я предлагаю тебе привыкнуть к этой мысли до этого. — Он подкрепил свое заявление гулким выдохом, который отразился от его груди в мою и проник глубоко в мое ядро.

Как я могла противостоять такой соблазнительной мужественности? Я не могла.

Хуже того, я не хотела.

И куда бы не двинулось мое тело, мое сердце последовало бы за ним. Я уже была опасно близка к тому, чтобы вспылать чувствами к своему новому мужу. Еще несколько ласковых слов и защитных жестов, и я была бы готова. Я должна была спросить себя, стоит ли вообще бороться. Если поражение было несомненным, я должна была хотя бы насладиться падением. Тогда, когда ситуация изменится в худшую сторону и между нами неизбежно что-то встанет, я смогу хотя бы сказать, что я пыталась. Что я отдала своему мужу все силы.

Это была новая пугающая перспектива. Я в равной степени боялась и радовалась. Смогу ли я открыть себя для такой уязвимости? У меня было около двух часов, чтобы понять это.

Мы сидели рядом друг с другом в полной тишине в лимузине. Коннер смотрел в одно окно, а я — в другое, оба были погружены в собственные мысли во время короткой поездки на прием.

— Подожди здесь, — тихо сказал он мне, прежде чем обойти машину и помочь мне выйти на тротуар, но не прежде, чем осмотреть окрестности на предмет угрозы. Он всегда был начеку, и я оценила, насколько безопасно я себя чувствовала.

Снова взявшись за руки, мы прошли в холл отеля и банкетный зал, улыбаясь и кивая в ответ на шквал поздравлений от персонала и случайных незнакомцев. Свадебный организатор ждала нас у входа в бальный зал. Она начала объявлять о нашем прибытии, и когда мы услышали, как называют наши имена, мы открыли двери и вошли в зал. Сотни людей аплодировали. Даже больше. В бальном зале собралось почти тысяча человек. Океан внимательных глаз изучал нас, готовый внимательно следить за каждым нашим движением.

По крайней мере, на церемонии они могли только наблюдать. Теперь же они надвигались на нас, как голуби на горсть птичьего корма. Я даже не заметила, что Коннер наклонился ко мне, пока его слова, произнесенные шепотом, не пролетели мимо моего уха.

— *Дыши, Ноэми.*

Я заставила свою руку разжать смертельную хватку. Неудивительно, что он знал, что я схожу с ума. Я практически перекрыла кровообращение в его пальцах.

Я попыталась полностью отпустить его руку, но он сжал ее, отказываясь от разлуки.

В течение следующего получаса к нам постоянно стекались люди с поздравлениями. Коннер говорил больше всех. Я оставалась пассивной рядом с ним, более чем счастливая позволить ему взять на себя инициативу, пока не увидела женщину на моем девичнике — ту, которая назвала меня немой.

Мой позвоночник выпрямился.

Логика подсказывала, что мне не должно быть дела до того, что кто-то думает, и что если мой брак был только прикрытием, то мне не нужно ревновать, но первобытная часть меня сказала логике, чтобы она отвалила.

Я придвинулась ближе к своему новому мужу, пока мы здоровались с пожилой парой, и ласково положила руку ему на плечо. Как будто мои действия были совершенно естественными, он обхватил меня за спину и притянул к себе, его рука по-хозяйски легла на мое бедро. Когда женщина из уборной шагнула вперед, рука Коннера сжала меня.

— Айви, давно не виделись. Как ты поживаешь?

Красивая блондинка покраснела, внезапно испытав неожиданный приступ застенчивости. — Прошло слишком много времени! У меня все хорошо, но мы должны как-нибудь пообедать и наверстать упущенное, — сказала она с кошачьей ухмылкой.

Коннер усмехнулся и поцеловал меня в щеку. — Думаю, сейчас у меня полно дел. Ты не заметила Шай? Уверен, она была бы рада встретиться. — Затем он перевел взгляд на следующего человека в очереди, фактически отстранив ее.

Я не смогла бы поставить ее на место лучше, если бы сделала это сама.

Я широко улыбнулась. — Рада снова видеть тебя, Айви, — добавила я, не удержавшись.

Ее глаза вспыхнули, и она бросилась прочь.

Коннер бросил на меня короткий вопросительный взгляд.

— Она была у меня на приеме, — сказала я в качестве объяснения, а затем повернулась к следующему гостю.

Через несколько минут в колонках раздался горловой голос. Дядя Агостино стоял на небольшой сцене у дальней стены вместе с дядей Коннера, Джимми Байрном. Эти двое мужчин подняли тост за наш брак и будущее наших семей. Оба излучали властное присутствие, причем Джимми был немного более представительным, чем Агостино. Я могла легко понять, как эти две внушительные фигуры завоевали уважение и преданность своих семей.

Слава Богу, моего отца не попросили выступить. Я могла только представить, что бы он сказал.

Как только тосты закончились, свадебный организатор увлекла нас к столу с тортом. При таком количестве гостей это был скорее десертный бар, чем стол с тортом. Торты жениха и невесты украшали середину длинного ряда столов, а все остальное пространство заполняли другие сладкие угощения, искусно демонстрируя роскошь, включая миску с засахаренными апельсиновыми дольками, которую я заметила по обе стороны. Я не увидела их в списке, когда мы утверждали меню десертов, что заставило меня задуматься, не взял ли Коннер на себя ответственность проследить за тем, чтобы они были включены в меню для его бабушки.

Ближайшие к нам гости собрались вокруг, чтобы посмотреть, в то время как большая часть публики была занята разговорами между собой. Мы приняли стандартную позу разрезания торта для фотографа, положив кусочек лимонного свадебного торта на тарелку.

Я улыбалась, как подобает новобрачной, играя свою роль, но я не была уверена, что делать после того, как торт будет разрезан. Мы не обсуждали наши планы по поводу торта.

Видя мою неуверенность, фотограф позвал. — Ноэми, дай ему кусочек!

Зрители вокруг нас зааплодировали.

Сделав глубокий вдох, я отколола вилок небольшой кусочек и протянула его своему новому мужу. Коннер послушно съел мое угощение, пожирая меня глазами.

Все мое тело пылало от жара.

Моя рука внезапно задрожала, и я протянула ему тарелку. Теперь была его очередь кормить меня, но у Коннера были другие планы. Отломив пальцами кусочек торта, он поднес его к моим губам. Необъяснимо ободренная, я посмотрела на него из-под ресниц и съела торт прямо из его пальцев, обсасывая большой палец, когда он выскользнул у меня изо рта.

Я почти слышала, как трещат волокна его самообладания, когда в его глазах опасно сверкнули лазурные блики.

Проявив колоссальную сдержанность, он обхватил губами большой палец и пососал, проводя языком там, где всего несколько секунд назад был мой.

Я должна была знать лучше, чем играть с огнем. Ему не нужно было даже прикасаться ко мне, чтобы испепелить меня, желание ударило по моим венам, как горящий яд.

Позади меня раздалось горловое дыхание, заставившее мое сердце снова прийти в движение. Повернувшись, я с восторгом увидела Санте, ухмыляющегося мне в ответ. Я поставила тарелку с тортом и крепко обняла младшего брата.

— Поздравляю, Эм. Ты выглядишь просто великолепно. Как настоящая принцесса.

— Спасибо, Санте. — Я отстранилась и потянула его за лацкан. — Ты и сам неплохо выглядишь.

Он озорно усмехнулся и вздернул брови. — Ты не единственная, кто это заметил. Возможно, мне придется носить этот наряд чаще.

Я улыбнулась первой за этот день искренней улыбкой, хотя она длилась недолго. Как луна, затмевающая солнце, приближение моего отца угрожающе нависло над плечом Санте.

— Молодожены так популярны, что у меня не было возможности поздравить собственную дочь со свадьбой. — Отец широко развел руки, словно любуясь своей любимой девушкой. — Ты выглядишь невероятно, Ноэми. Поздравляю.

Я напряглась, когда он притянул меня к себе, чтобы обнять. Как только он отпустил меня, я почувствовала присутствие Коннера у себя за спиной.

— Фаусто, — сухо поприветствовал он моего отца, но протянул руку, чтобы не выказать явного неуважения.

— Вы двое решили насчет медового месяца? — спросил отец, изображая интерес к нашей жизни.

— Мы еще не дошли до этого, но времени еще много.

— Хотя, конечно, я знаю, что мы все с нетерпением ждем маленького принца или принцессы Рида.

Господи. Это все, чем я для него являюсь. Красивая пешка, используемая для союзов и размножения.

Неужели у него совсем нет отцовских инстинктов?

— Они только что сказали *да*, папа. Давай дадим им несколько дней, прежде чем начнем спрашивать о детях, — сказал Санте, укоряя моего отца в нехарактерном для него проявлении напористости.

Мое сердце болело за него. За все, что ему еще предстояло узнать. За страдания, которые его, несомненно, ожидали, если он продолжал хранить верность Фаусто Манчини.

— Может быть, когда-нибудь, — сухо сказал Коннер. — Извините нас. — Положив руку мне на спину, Коннер повел нас прочь от них, и с каждым нашим шагом я чувствовала, как рвутся семейные узы.

Я больше не была Манчини, но я еще не чувствовала себя Рид. Слава Богу, у меня все еще были Пиппа и ее мама. Без них я бы чувствовала себя совершенно потерянной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Коннер

Я бы задушил этого ублюдка, если бы мог. От того, как Ноэми напряглась рядом с отцом, мне захотелось пристрелить его на месте. Не знаю, как я не заметил этого, когда мы впервые встретились, разве что меня отвлекала вся эта концепция брака по расчету.

Я бы подумал, что Ноэми почувствует себя смелее, когда освободится от него, но у меня было ощущение, что он все еще имеет над ней какую-то власть. Это бесило меня до чертиков — настолько, что это было тревожно.

Как я мог пройти путь от неохотного согласия жениться на женщине до одержимости ее мыслями и чувствами? Этот брак должен был быть только ради долга и доказательства моей верности. Каким-то образом за две короткие недели мои взгляды полностью изменились.

Когда Ноэми спросила меня, почему я согласился жениться на ней, я не смог сказать ей правду. Что она, блядь, моя, и вот почему. Не только в глазах закона или церкви. Я знал, что она моя, глубоко в своих костях.

Насколько же это было безумно после всего лишь двух чертовых недель?

Одну из них мы даже не разговаривали друг с другом — отчасти потому, что я был безумно занят, но также и для того, чтобы держать себя в руках. Я должен был держаться от нее подальше, чтобы не дать растущей зависимости взять верх.

Черт.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Я уже даже не узнавал себя. Единственное, что успокаивало мое раздражение, это то, что Ноэми боролась с собственными противоречивыми чувствами. Может, ей это и не нравилось, но я одерживал над ней одну маленькую победу за другой. Каким бы ни был источник притяжения между нами, оно было взаимным. Это помогло успокоить мое разочарование.

Я был еще больше заинтригован, когда моя новая невеста пристроилась рядом со мной во время приема гостей. Когда я увидел, как Айви шагнула вперед, я понял, что происходит. Ноэми предъявляла свои права на меня.

Черт бы меня побрал, если бы мне не нравилось это чувство.

Я понятия не имел, откуда она узнала, что у меня было прошлое с Айви, но она не могла бы быть более очевидной, если бы вытатуировала свое имя у меня на лбу.

Ты бы не увидел, как я жалуясь. Она могла бы нарисовать вокруг меня круг, а я бы просто смеялся, довольный тем, что она не сможет сказать ни слова, когда я буду положительно примитивен из-за собственной ревности.

Это должно было случиться рано или поздно.

В своем платье она выглядела как чертова королева. Волосы собраны на голове, чтобы обнажить каждый дюйм ее изящного позвоночника, она была не кем иным, как королевской особой. Каждый мужчина в этой комнате был равнодушен к ней, но я был единственным, кто мог прикоснуться к ней. Попробовать ее на вкус.

С каждой минутой я становился все более бешеным от желания, зудя от необходимости остаться с ней наедине. Когда через два часа после начала приема ко мне подошла Миа Дженовезе, мой запас терпения иссяк. Ноэми отвлеклась на своих кузин. Миа воспользовалась возможностью и попыталась поговорить со мной наедине.

— Поздравляю, Коннер. Мы все так невероятно счастливы за тебя.

— Спасибо. Я рад, что ты смогла быть здесь. — Я натянуто улыбнулся, надеясь, что короткая встреча с моей биологической матерью закончилась, но я должен был догадаться об этом по отчаянному блеску в ее глазах.

— Как ты думаешь, я могу занять минутку твоего времени? Может быть, просто минутку в коридоре?

— Я не уверен, что сейчас действительно подходящее время или место, — жестко сказал я. Насколько я знал, единственное подходящее время — это никогда.

Она забеспокоилась и пожевала губами. — Я знаю. Я оставила для тебя сообщения. Просто...

— Все в порядке, Миа, правда. Меня не интересует прошлое. Я очень доволен тем, как сложилась моя жизнь, так что нет нужды в чувстве вины. — Я ободряюще положила руку на ее руку, как раз когда к нам присоединилась Ноэми.

— Мия, верно? — спросила она, удивив меня тем, что знает эту женщину. Они обе были итальянками, но принадлежали к двум разным организациям.

— Да, я так рада видеть тебя снова. Ты выглядишь просто потрясающе, моя дорогая. — Миа сияла.

— Большое спасибо. — Ноэми снова перевела взгляд на меня. — Мы с Мией имели удовольствие познакомиться на моем девичнике.

А, так это все объясняет. Я не рассказал Ноэми о своих новых отношениях. Не то чтобы это был секрет. Насколько я знал, ее семья уже поведала ей все эти гнусные подробности.

— Я привела и девочек, — добавила Миа. — Они были так рады познакомиться с тобой.

— Да, Джада говорила, что мы как-нибудь встретимся. — Ноэми вопросительно посмотрела на меня. Я оценил ее внимание, потому что не был уверен, как я отношусь к тому, что женщины уютно общаются друг с другом.

— Я уверен, что у нас будет время все уладить, — вынужденно ответил я. — А пока нам действительно нужно поприветствовать еще несколько гостей. — Я кивнул Мие и выпроводил Ноэми, не обращая внимания на ее шокированный взгляд на мою резкость. К счастью, она не стала требовать объяснений.

За последние недели Миа несколько раз выходила на связь, но у меня не было желания

ждать неловких извинений и виноватых объяснений, которые не имели никакой цели. Я действительно был доволен своей жизнью. Мое усыновление привело к любящей семье, богатству и привилегиям. В то время она не могла заботиться обо мне, поэтому поступила так, как считала нужным. Я не был впечатлен тем, что ее семья не поддержала ее. Этот факт всегда накладывал отпечаток на мое восприятие итальянцев в целом. Тем не менее, я не испытывал к ней особых чувств.

Прошлое было прошлым. Конец истории.

Исчерпав последние силы, я направил нас к входу в бальный зал. Пора было закрывать занавес нашей части вечера. Я был готов остаться наедине с моей новой женой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Слава Богу за шампанское. Я бы превратилась в нервную развалину, если бы не успокаивающее действие алкоголя, притупляющего мои чувства. Как бы то ни было, я все еще плавала в бассейне собственных хаотичных эмоций, но, по крайней мере, меня не тошнило от неопределенности всего этого.

Дорога до дома Коннера заняла полчаса, и всю дорогу мы провели в тишине. Рядом друг с другом, но наедине. Муж и жена. Совершенно чужие люди. Но для Коннера это не имело значения. Он ясно выразил свои планы в отношении меня.

Он забрал мою жизнь, и теперь мое тело тоже будет принадлежать ему.

Дыши, Ноэми.

Коннер жил в одном из новейших многоэтажных домов в центре города. Я выросла в пригороде, где были односемейные дома и удивительно много деревьев. Хотя я привыкла видеть тесные кварталы Манхэттена, я никогда не жила там. Даже это было бы сложно. Не дай Бог, чтобы хоть что-то в этом браке показалось легким и привычным.

Зайдя в тускло освещенное помещение, я рассмотрела все стороны его просторной квартиры. Она была современной, но не слишком холодной. Открытая гостиная со стеной из

сплошных окон с видом на реку. Шкафы песочного цвета со светло-серой каменной столешницей и полы из богатого верблюжьего дерева. У него даже было несколько больших комнатных растений, которые смягчали внешний вид. Мне было интересно, поддерживает ли он их в живом состоянии или у него есть домработница, которая за ними ухаживает. Я поставила на домработницу.

Я прошла мимо большого кремового кожаного дивана к окну с видом на город в сумерках. Вид с тридцати этажей заставил мой пропитанный алкоголем желудок вздрогнуть. Обернувшись, я обнаружила, что Коннер наблюдает за мной, закатав рукава своей нарядной рубашки. Он снял пиджак и жилет, пока я осматривалась, и теперь все его внимание было направлено на меня.

— У тебя прекрасная квартира, — сказала я, перемещаясь в центр гостиной, но оставляя диван стратегически между нами.

— Твои вещи были доставлены сегодня. Часть из них была убрана, но тебе придется разобраться с остальным. — Он начал расхаживать вокруг дивана по направлению ко мне, не сводя с меня глаз.

Держать его тлеющий голубой взгляд было страшно и в то же время необходимо. Его неотрывный взгляд приказывал и пугал меня. Возбуждал и приводил в замешательство. Это было более интимно, чем все, что я когда-либо испытывала. Это было похоже на исповедь, только более темную, более соблазнительную. Я представляла, каково это — исповедоваться в своих грехах самому дьяволу.

Коннер встал позади меня, его уверенные пальцы скользнули по бретелькам платья на мои плечи. — У нас будет достаточно времени, чтобы показать тебе все вокруг, теперь это место твое.

— Правда? — вздохнула я, отчаянно пытаюсь сохранить самообладание. Я чувствовала, как меня захлестывает желание, которое он вызывал.

Я попыталась повернуться, но руки Коннера удержали мои плечи на месте, а затем медленно погладили мой обнаженный позвоночник. — Что мое, то теперь твое, — рассеянно ответил он.

Мое сердце гулко ударилось о грудную клетку. Я проиграю эту битву, если не уйду от него. Он едва прикоснулся ко мне, и я чувствовала, как возбуждение покрывает мои стринги. Если я дам ему еще немного времени, он превратит меня в лужу желаний.

— У меня месячные, — пролепетала я, расширив глаза от шока, вызванного собственными словами.

Ловкие пальцы скользнули вниз по молнии моего платья, заставив тяжелый бисерный наряд рассыпаться по полу. Я стояла неподвижно в одних стрингах и белых атласных туфлях на каблуках. Урчание мужской признательности вызвало целую армию мурашек по моим рукам и ногам. Когда его руки сомкнулись на моих бедрах, я закрыла глаза, чувствуя, что сражаюсь в проигранной битве.

Коннер опустился на колени, а затем с помощью рук развернул меня так, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего живота. Прежде чем я успела запротестовать, он наклонился и провел переносицей по моей киске, вдыхая длинный, томный вздох. Когда его глаза снова поднялись к моим, они сияли злобным триумфом.

— Я так не думаю, малышка Эми. Не то чтобы это остановило меня, если бы это было так.

Одна рука легла на мой живот и прижала меня к спине. Когда я дернулась, чтобы

поймать себя, задняя часть моих ног ударилась о диван, посылая меня назад на подушки. Коннер мгновенно оказался между моих ног, его тело держало мои бедра раздвинутыми

— Я же говорил тебе, что голоден. — Затем его рот оказался на мне, облизывая мою сердцевину через тонкий шелк моих стрингов.

Моя голова откинулась назад, каждый нерв в моем теле зажегся от его прикосновения. — *Коннер*, — задыхалась я, потеряв всякую способность думать.

— Вот так, детка. Скажи мое имя, пока я пожираю эту твою сладкую киску.

Его руки потянули ткань на моих бедрах, срывая стринги, прежде чем его рот снова оказался на мне, на этот раз между нами ничего не было. Если я думала, что его пальцы были приятны, то его язык на моем клиторе был чистым экстазом. Когда он прижал мои бедра назад, чтобы обеспечить себе лучший доступ, я сцепила руки за коленями, чтобы помочь. Я полностью отдалась ему, став рабыней его ощущений.

Коннер знал, как довести мое тело до безумия, прежде чем сделать паузу, чтобы провести зубами по внутренней стороне бедра, давая моему ядру достаточно времени, чтобы успокоиться, чтобы возбудить меня снова и снова. Его руки блуждали по моему телу, пощипывая мои чувствительные соски и приводя мои чувства в замешательство, пока мои вены не наполнились наслаждением.

— *Пожалуйста*, Коннер. Мне нужно больше. — Потребность была настолько непреодолимой, что я думала, что сойду с ума, если не найду путь к этой неуловимой вершине, дразнящей меня.

Он засмеялся, прижавшись к моей киске. — Вот это девочка, — пробормотал он, касаясь моей набухшей плоти, а затем просунул в меня два длинных пальца. — Такая, блядь, *тугая*. — Его слова становились все более рваными от ослабевающей сдержанности, но я лишь смутно осознавала это, потому что эти пальцы, ласкающие мою киску внутри, и его язык на моем клиторе отправили меня в полет к освобождению, которого я так отчаянно жаждала.

Я не просто закричала. Я завопила.

Все мое тело содрогалось, мышцы дрожали, нервы пульсировали от чистого электрического блаженства. Волна за волной меня накрывало такое теплое и подавляющее ощущение, что я не могла ни двигаться, ни думать.

Коннер дал мне время понежиться в послевкусии, его руки нежно проводили вверх и вниз по внешней стороне моих бедер. Когда ко мне вернулись чувства, я подумала, не займется ли он со мной сексом. Он ведь тоже хотел бы кончить? Я не могла представить, что он удовлетворится тем, что уйдет без собственной разрядки.

Взяв себя в руки, я прикусила губу и неуверенно заглянула в его бездонные глаза. — Разве мы не...? Ты не собираешься...? — Я не могла произнести слова, смущение от своей наивности подавляло мою уверенность в себе.

Коннер поднялся на ноги и изучал меня сверху, все еще полностью одетую. — Ты еще не готова, и я не буду трахать тебя до того, как ты будешь готова. — Он начал поворачиваться, но моя рука сжала его руку, останавливая его.

Это произошло раньше, чем я успела все обдумать. Может быть, дело в шампанском, но я хотела быть в центре внимания этого мужчины. Я хотела быть способной дать ему то, что он дал мне.

Спустившись с дивана, я встала на колени и начала расстегивать его ремень. Он пронзил меня своим хищным взглядом. Когда он шагнул к дивану, я подумала, что он

отвергает мое предложение, но вместо этого он схватил подушку и бросил ее к своим ногам. Я переместилась на подушку и опустилась на колени, нежно улыбаясь его неожиданной доброте.

— Ну вот, опять ты смотришь на мир глазами завязтого романтика, — сказал он, положив руку мне на челюсть. — Не притворяйся, что я такой, каким не являюсь. Я просто хочу, чтобы тебе было удобно, чтобы ты могла сосать мой член столько, сколько я захочу.

Почему мужчины всегда чувствовали необходимость маскировать свою более мягкую сторону? Неважно. То, что он сделал, было мило, и я решила не обращать внимания на его грубое отношение к этому вопросу.

Из-за оргазма и алкоголя мои руки почти не дрожали, когда я расстегивала его брюки. Я никогда не была так близко к мужскому члену. И судя по внушительной выпуклости, прижавшейся к молнии Коннера, он был огромен.

Поток сомнений в себе пытался убедить меня, что я понятия не имею, что делаю, и вот-вот опозорю себя до невозможности. Тем не менее, столь же неумолимый прилив любопытства требовал, чтобы я не останавливалась на достигнутом. Мне нужно было почувствовать его в своих руках и увидеть, каково это — обхватить его губами. Я хотела, чтобы он кончил и понял, что причина этого — я.

Коннер стянул большим пальцем штаны на лодыжках и спустил трусы, позволяя своему толстому члену выскочить вперед и устремиться в мою сторону. Меня мгновенно охватило благоговение. Он был настолько толстым, что я не могла обхватить его рукой, а гладкая кожа кончика словно была создана для того, чтобы ее облизывали. Нежно взявшись за основание, я провела языком по головке его члена, как по леденцу.

Коннер зашипел. — Это приятно, детка, но мне нужно, чтобы ты дала мне больше. Не бойся, что сделаешь мне больно. — Он положил свою руку на мою и крепко сжал ее, двигая руками вверх и вниз по основанию своего ствола, а затем другой рукой приблизил мой рот. Открыв рот, я приняла его и тут же задыхалась.

— Шшш, все в порядке. Расслабь горло. Ты можешь это сделать. Я знаю, что сможешь.

Слезы жгли мне глаза, но не в плохом смысле — скорее рефлексивно. На самом деле это немного разозлило меня. Я хотела быть в состоянии сделать это и не собиралась позволять своему телу выходить из себя.

Собрав всю свою решимость, я широко открыла рот и заставила свое горло принять вторжение. Мне было неловко, но дрожь, охватившая его тело от моего прикосновения, стоила того. Воодушевленная, я сжала руку и начала поднимать и опускать голову, посасывая и облизывая с энтузиазмом, теперь, когда я чувствовала себя более комфортно в своих действиях.

— Господи, *блядь*, Эм. Я сейчас кончу. — Его рука прижалась к моему затылку, не давая мне отступить. — Твой рот слишком охуителен.

Услышав напряжение в его голосе, я посмотрела на него сквозь ресницы. Это было все, что требовалось. Как только наши глаза встретились, он откинул голову назад и зарычал. Его соленая жидкость заполнила мой рот. Это было не то, что мне бы понравилось, но это был *он*. Мужественный и необузданный — результат его желания меня — эта часть могла вызывать привыкание.

Я вытерла слюну с подбородка тыльной стороной ладони, пока Коннер поправлял штаны, а затем помог мне встать на ноги. Тогда-то и вернулась неловкость.

Неудивительно, что люди шутили, что после секса на одну ночь они уходят. Если бы все

было именно так, я бы тоже хотела сбежать. Вот только теперь это был мой дом, и я была замужем за мужчиной, который здесь жил.

Святой ад.

Коннер снял свою рубашку и протянул ее мне. — Спальня здесь.

Я надела рубашку и последовала за ним в темный коридор. — Я не обязана жить с тобой в одной комнате, если ты не хочешь.

Он оглянулся на меня через плечо. — Ты хочешь сказать, что тебе нужна своя комната?

— Эм... я так не думаю. Честно говоря, я об этом не задумывалась. Думаю, я избегала думать обо всем этом.

Он прошел в главную спальню, удивительно уютную, с камином и большим балконом. Цветовая гамма была похожей, но на тон темнее. Успокаивающая. Тот, кто занимался оформлением, использовал серовато-голубой цвет, чтобы добавить немного красок. Я подумала, не глаза ли Коннера послужили вдохновением.

— Твоя одежда в шкафу, но мы можем ее перенести, если ты этого хочешь.

Я переключила свое внимание на него, когда он заговорил, заметив, как напряглись его плечи. Он не смотрел на меня, когда говорил, просто прошел в ванную комнату и начал раздеваться. Я рассеянно последовала за ним. Когда он бросил свою майку в корзину для белья, я достала ее обратно и поменяла на рубашку, которая была на мне.

Он замер, наблюдая за каждым моим движением.

— Это нормально? Я не знаю, где лежат мои вещи, и я слишком устала, чтобы копаться в них сегодня.

— Нет, я не против. — В его глаза вернулась прежняя искра голода. — Я думаю, что твое белье находится здесь. — Он указал на колонну ящиков в шкафу.

Найдя пару розовых трусиков, я надела их, затем подошла к туалетному столику, чтобы вытащить шпильки из волос. Это заняло больше времени, чем нужно, потому что мои глаза постоянно притягивались к его обнаженной груди и мощным ногам. Я впервые увидела его в нижнем белье. Труссы-боксеры, которые плотно обтягивали его сильные бедра.

Надев джоггеры и футболку, он стоял в дверях и ждал, когда я закончу. — Ты голодна?

— Да. Думаю, да. — Церемония началась в два, прием — в три тридцать. Мы ели торт и шампанское, но до ужина дело так и не дошло.

Коннер провел нас через всю квартиру на кухню. Идя за ним, я поняла, что мне нравится, как он двигается. Уверенный и сильный, без излишнего притворства. Он напоминал мне скаковую лошадь — такую, которая бежит быстро и верно, несмотря на отсутствие воспитания. Его силе не учили и не производили; он родился с ней, такой же естественной, как небольшая ямочка на подбородке.

— У тебя хорошая квартира, — сказала я, чувствуя необходимость заполнить тишину.

— Наша квартира.

— Точно... наша квартира, — пробормотала я. — Это займет некоторое время, чтобы привыкнуть.

— Присаживайся у бара. Ты любишь ризотто?

Мои брови коснулись линии волос. Я не была уверена, что меня больше удивило — то, что он предложил приготовить еду, или то, что он готовит итальянскую еду.

Он ухмыльнулся через плечо. — Никому не говори, но мама любит итальянскую кухню. Она вообще любит готовить, а поскольку я был единственным ребенком, я много времени проводил с ней на кухне. — Он двигался с естественной легкостью в современном

пространстве, доставая кастрюли высокого класса и ингредиенты, необходимые для приготовления блюд с нуля. Я подумала о том, чтобы спросить о его связи с Дженевезе, но решила воздержаться. Мы на цыпочках приближались к некоему подобию нормальной жизни, и я не хотела раскачивать лодку.

— Хотела бы я сказать, что знаю множество ирландских рецептов, но это было бы ложью. Я умею готовить, но в основном итальянскую кухню. — Вместо того чтобы сесть, как он предложил, я достала из холодильника масло и пармезан.

— У тебя есть любимое блюдо? — спросил он, начиная нарезать лук на разделочной доске.

Я прислонилась к стойке рядом с ним, понимая, что начала чувствовать себя почти комфортно. Наверное, лучше не думать об этом слишком много, иначе я навлеку на себя какое-нибудь беспокойство, которое выведет меня из равновесия. — Думаю, моим любимым блюдом будет запеканка из энчилады, которой меня научила мама.

— Не хочу тебя расстраивать, но это не итальянское блюдо.

— Я сказала, что готовлю *в основном* итальянскую кухню, а несколько других блюд добавляю для разнообразия. — Я смотрела, как он режет, чувствуя жжение в глазах от лука. — Я даже не знаю, что такое ирландская кухня.

— Картошка, — сухо поддразнил он. — *Много* картофеля и иногда сосиски. Пирог пастуха или рагу. Сытная еда — необходимо съесть что-нибудь, чтобы выпить виски. — Он бросил лук в разогретую сковороду со столовой ложкой оливкового масла, затем проверил свой телефон.

— *Черт*, — проворчал он и нахмурился, глядя на шипящую сковороду. — Мне нужно идти. Думаешь, ты сможешь закончить?

— Ты уходишь? — Эти слова прозвучали более обвинительно, чем я хотела сказать.

— Это проблема?

Я быстро покачала головой. — Нет, — заверила я его. — Со мной здесь кто-нибудь будет?

Его густые черные брови сошлись вместе. — А это обязательно?

— Вовсе нет. Просто меня давно не оставляли дома одну. Это странно.

Угрожающая тень омрачила его черты. — Это не тюрьма, Ноэми. Я бы предпочел, чтобы с тобой был я или один из моих людей, когда ты выходишь на улицу, но мне хотелось бы думать, что тебе не нужен кто-то, кто будет управлять тобой. — Он еще секунду изучал меня. — Мне нужно переодеться.

Через десять минут он ушел.

Замужняя и одинокая, как и моя мать. Так ли все начиналось для нее? Могу ли я когда-нибудь претендовать на него, если Коннер может быть вызван даже в брачную ночь?

Как сказал бы волшебный Восьмиугольник моего брата: перспективы не очень хорошие.

Я отогнала тоскливое чувство, терзавшее мою грудь, и внесла последние штрихи в ризотто. Пока оно остывало, я разобралась, как включить телевизор, и нашла музыкальное приложение. Я подумывала о том, чтобы выбрать навевающий тоску плейлист, который соответствовал бы моей растущей меланхолии, но не позволила себе предаваться унынию. Может быть, моя ситуация и не была идеальной, но она была лучше, чем раньше. На данный момент я была одна, что было большей свободой, чем я могла позволить себе за последние шесть месяцев.

Я выбрала плейлист для летней вечеринки. Что может быть лучше для того, чтобы

сосредоточиться на положительных моментах, чем мелодии для вечеринки у бассейна?

Закончив есть, я включила музыку, чтобы она звучала по всей квартире, и ознакомилась со своим новым домом. В комнате для гостей я обнаружила стопку своих коробок, которые мне нужно будет когда-нибудь разобрать, и провела осмотр еще одной свободной спальни, кабинета Коннера и комнаты, отведенной под тренажеры. Большая часть дома располагалась на одной стороне, а хозяйская спальня — на другой, что позволяло уединиться.

Вернувшись на эту сторону, я заглянула в вещи Коннера, осмотрела шкаф и ванную. Как и большинство мужчин, которых я знала, он держал заряженный пистолет в ящике тумбочки. Я умела стрелять, но оружие не было моим любимым занятием, поэтому я оставила его в покое. В остальном ничего особенного меня не заинтересовало, в основном потому, что у него почти не было вещей. Никаких вещей из поездок или личных вещей. У него была пара семейных фотографий в рамке и старые четки на комод. Это было все.

Мне показалось, что он немного одинок.

Не надолго!

Я усмехнулась про себя, чувствуя себя коварной, и направилась в комнату для гостей, где хранились мои коробки. Если это должен был быть мой дом, то так тому и быть. Я сделаю так, чтобы это место больше походило на мое. Если ему это не понравится, что ж, очень плохо. Это послужит ему уроком за то, что он оставил меня одну в нашу брачную ночь.

— В конце концов, не такая уж я и скромная невеста, не так ли, мистер Рид? — Я хихикнула про себя и принялась за распаковку вещей.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В главной спальне была крошечная тьма, когда что-то пробудило меня ото сна. Все мое тело напряглось, когда я поняла, что большая рука прижата к моему животу, и эта рука соединена с очень большим, очень теплым телом, прижавшимся к моей спине.

— Это я, Нозми. Ты можешь расслабиться. — Усталый голос Коннера таял вокруг меня,

как теплое масло.

— Я просто выбрала сторону, — сонно пробормотала я.

Он хмыкнул. — Здесь дерьмо по всему comodу.

— И в ванной тоже. — Я усмехнулась про себя. — Мой дом, мое дерьмо.

Похоже, он слишком устал, чтобы спорить, он только хрипел, пока его дыхание не перешло в легкий храп.

Когда я проснулась в следующий раз, свет просачивался в комнату через края штор. Коннер больше не обнимал меня, хотя одна из его рук все еще слегка придерживала мое предплечье, как будто ему удавалось следить за мной даже во сне.

Он не сдвинулся с места, когда я соскользнула с кровати. Мне было интересно, как поздно он вернулся домой. Не желая беспокоить его и не чувствуя себя достаточно комфортно, чтобы он услышал, как я писаю, я воспользовалась гостевой ванной, прежде чем отправиться на кухню.

У Коннера было удивительно много вариантов завтрака, включая рогалики в кладовке и сливочный сыр в холодильнике. Поскольку он готовил для меня накануне вечером, я подумала, что могу приготовить несколько блинчиков. Но сначала — кофе.

Я открывала шкафы, пока не нашла кофейный шкаф с эспрессо-машиной и кофеваркой Keurig. Рядом с ней стояла коробка с пакетиками Starbuck's Pike Place Roast, а за ней — коробка с пакетиками Green Mountain Hazelnut. Коннер не показался мне человеком, который пьет кофе с новым вкусом. И поскольку мне нравилось мучить себя, я начала думать, не были ли эти пакетики куплены для кого-то другого. Возможно... для кого-то женского пола.

Мои губы сжались, как будто я попробовала что-то горькое.

Мне никогда не приходило в голову спросить о его предыдущих отношениях. Это было неправдой. Это приходило мне в голову, но подходящий момент не представлялся. Обычно в отношениях такие вещи естественным образом всплывают со временем, когда пара узнает друг друга. Мы пошли по быстрому пути. Я была замужем за этим мужчиной и понятия не имела о его истории отношений. Черт, он мог встречаться с кем-то, когда все это началось.

Я простонала.

— Я могу показать тебе, как пользоваться машиной.

Я вздрогнула от звука голоса Коннера. — Черт, ты напугал меня. Шуми, когда идешь. — Убежденность в моем голосе угасла в ту же секунду, когда мой взгляд упал на его фигуру без футболки, вошедшую из гостиной.

Иисус, Мария и Иосиф. Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к этому зрелищу?

Джоггеры низко висели на его бедрах. Каждый дюйм его аппетитной груди и рук был выставлен напоказ. Чернила покрывали всю его левую руку и плечо. Рисунки были выполнены полностью в черном цвете и перетекали на грудь и спину. На груди у него была копна темных волос, а мускулы были на многие мили — толстые, зрелые, такие, которые не могут быть приобретены в спортзале.

— Эм... Я знаю, как, вообще-то, — пробормотала я. — Моя мама была большой фанаткой кофе. У нас дома была машина для приготовления капучино. Эта не сильно отличается.

— Мы можем перейти на капучино, если ты хочешь. Для меня это не имеет особого значения. — Он щелкнул переключателем на причудливой машине.

— Думаю, эспрессо звучит неплохо. — Новое место, новые привычки. Утренний эспрессо с моим мужем может быть действительно приятным.

— Если хочешь, есть рогалики и сливочный сыр.

— Я видела. Ты тоже их любишь?

— Я не очень люблю завтракать.

— Тогда почему... — Я остановилась, поняв, что он купил их для меня. Он все купил для меня.

Ну, черт.

Он снова стал таким милым. Это было странно. Он не был пылким или поэтичным, но под его суровой внешностью скрывалась более мягкая сторона.

— Я думала сделать для нас блинчики, но если ты ничего не хочешь, то бублик подойдет. — Я достала из кладовки пакет с бубликами и нашла зазубренный нож для нарезки. Нарезав рогалик и найдя тостер, я повернулась и прислонилась спиной к краю стола.

Коннер варил кофе и что-то доставал с обеденного стола. — Вот, это для тебя. — Он протянул мне новенький iPhone. — Мой номер и несколько других уже записаны. Там же Бишоп. Если не сможешь дозвониться до меня, позвони ему.

— Спасибо. — Я не думала об этом, но я определенно не хотела продолжать пользоваться телефоном, который дал мне отец.

— У тебя есть идея, чем ты хочешь заняться?

Я тупо уставилась на него. — Что ты имеешь в виду?

— Я не ожидаю, что ты будешь сидеть здесь целый день только потому, что мы женаты. Чем ты занималась раньше?

— Я училась в школе, потом мама умерла, а папа ничего не позволял мне делать. — Я чувствовала себя странно неловко, рассказывая ему об этом. Я не была уверена, почему. Это не моя вина, что мой отец был засранцем или что я потеряла мать, но признаться в том, что у меня нет цели в жизни, было как-то неловко.

— Что ты планировала делать до того, как все это произошло?

Я пожалала плечами. — Я не была точно уверена. Те вещи, которые меня интересовали, не были похожи на карьеру.

— Например?

Я размышляла о том, как глупо я буду выглядеть, говоря ему правду, когда тостер выбросил мой рогалик позади меня и заставил меня отскочить от стойки. Ударившись о его твердую грудь, я задыхалась, глядя в расплавленные сапфировые глаза.

— Извини, — прошептала я.

Руки Коннера переместились с моих рук, где он поймал меня, и спустились к пояснице, притягивая меня к себе. Он приблизил свое лицо к моей шее и вдохнул. — Ты всегда такая нервная по утрам?

Теперь я была нервной *и* задыхалась, потому что его член быстро становился твердым между нами. У нас не было секса прошлой ночью, но как долго он будет ждать? Как я узнаю, когда буду готова?

Шквал вопросов обрушился на меня, побуждая меня освободиться.

— Надо успеть взять бублик, пока он не подгорел, не остыл или еще что-нибудь, — пробормотала я, торопливо возвращаясь к тостеру.

Когда я взглянула на своего нового мужа, его рот был искривлен вверх в знающей ухмылке.

— Это тоже твое. — Он подошел к своему бумажнику на стойке и достал черную

карточку, протянув ее мне через весь остров. Кредитная карта. И на ней было мое имя.

Мои глаза расширились.

Глаза Коннера сузились. — Дай угадаю, этот мудака держал в заложниках и твои деньги?

— Ты так говоришь, как будто у меня есть деньги, — тихо ответила я.

Он покачал головой и вернулся к кофеварке, доставая свой свеженалитый капучино. — Ну, теперь у тебя есть деньги. Подумай, что ты хочешь сделать. Сегодня утром мне нужно выполнить несколько поручений, но я вернусь после обеда. Ты справишься до этого времени?

— Да, конечно.

Он кивнул и отнес свой кофе в спальню, предположительно, чтобы подготовиться. Несколько озадаченная, я опустила на барный стул и намазала сливочный сыр на свой рогалик. Как странно. Я не знала, чего ожидала от Коннера, но это было не то. Возможно, я поспешила предположить, что он не способен заботиться обо мне. Может быть, того, что он предлагал, было бы достаточно. Если бы у меня была свобода и определенная степень уважения, я могла бы быть счастлива. Возможно. А если бы у меня были деньги, я могла бы получить доступ к вещам, которые мне нужны, чтобы забрать брата от нашего отца.

И что тогда, гений? Думаешь, отец просто так отпустит Санте?

От нескольких кусочков, которые я съела, у меня забурчало в животе. Готова ли я была бежать? Смогу ли я собрать достаточно денег, чтобы сбежать с Санте? Хотела ли я этого? А если нет, то что это говорит обо мне как о сестре? Разве я не должна была хотя бы попытаться спасти его?

Остатки моего аппетита уменьшились и исчезли.

Мне нужно было услышать голос Санте и уверить себя, что с ним все в порядке. Я не знала, почему. Мне просто нужно было это сделать, но я не хотела звонить, когда рядом был Коннер. Он и так плохо думал о моем брате, и я не хотела как-то усугублять ситуацию.

Пока я ждала, пока Коннер уйдет на работу, я раздумывала, какой телефон использовать. У меня все еще был одноразовый телефон, который он дал мне изначально. Это гарантировало, что никто не отследит мою часть разговора, но знание того, что телефон Санте будет под наблюдением, делало бессмысленными любые попытки сохранить конфиденциальность. Я могла бы использовать новый телефон и верить, что мой новый муж говорит правду о том, что не следит за каждым моим шагом.

Я позвонила брату, как только осталась одна, и с облегчением вздохнула, когда он ответил.

— Да, — рявкнул он в трубку, отвечая на незнакомый номер с такой властью, которая заставила меня улыбнуться.

— Привет, братишка. Это я.

— Эм! Как дела? — Все притворство исчезло из его голоса. — Я так волновался.

— Я в порядке. Не стоит беспокоиться обо мне. — Я хотела бы рассказать ему все о Коннере, но не хотела, чтобы отец услышал. Чем меньше он знает о моем муже, тем лучше. — Чем ты занимался?

— Как обычно, в основном, — сказал он неопределенно.

— В основном? — Я не думала, что назойлива, но когда Санте ответил, его голос был напряженным.

— Ты знаешь, что я не могу говорить об этом, Эм. — Его защитная реакция поразила меня.

— Да, я не хотела быть любопытной. Я не была уверена, имел ли ты в виду, что у тебя было горячее свидание или что-то в этом роде. — Я попыталась притвориться, но беспокойство сковало мой желудок.

Он молчал несколько секунд. — Есть кое-что... А! — Он оборвал себя сердитой вспышкой. — Ничего страшного. Я просто рад слышать, что с тобой все в порядке. Слушай, мне пора идти. Это твой новый номер?

— Да. Звони мне в любое время.

— Отлично. Береги себя, и я буду на связи. — Он повесил трубку прежде, чем я успела ответить.

Черт. Что, черт возьми, с ним происходит?

Мне нужно было поговорить открыто, без нависшего над нами отца. Я уставилась на горелку, которую откопала в своих вещах, пока распаковывала вещи, и подумала, не могу ли я сделать для Санте то же самое, что Коннер сделал для меня. Смогу ли я незамеченной доставить ему одноразовый телефон? Конечно, я могла бы с этим справиться. А дальше — кто знает, что может быть возможно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Все заняло больше времени, чем я ожидал. Надеюсь, ты смогла придумать что-нибудь на обед. — Коннер присоединился ко мне в гостиной, его руки были засунуты в карманы, а взгляд был настороженным.

— Никаких проблем. Ты закончил на сегодня?

— Нет. Мне нужно вернуться. Я просто подумал, что должен проверить. — Его челюсть сжалась, взгляд резко метнулся в сторону, как будто его что-то раздражало.

— Ну, раз уж ты здесь, мне нужно выполнить кое-какое поручение.

Он кивнул, как бы про себя. — Ты можешь пойти со мной. Мы можем выполнить твое поручение по дороге в клуб.

Я напряглась, не ожидая, что он возьмет меня с собой. Черт. — Хорошо. Давай я возьму свою сумочку. — Я поспешила в спальню, проклиная свою удачу. Я бы предпочла, чтобы он не знал, что я задумала, но теперь, похоже, у меня не было выбора.

— Мне просто нужно забежать в аптеку, — объяснила я, как только мы оказались в его машине. — Я знаю, что парковка — это боль, так что можешь не утруждать себя заездом. — Я старалась говорить как можно бесстрастнее.

Мой новый муж не посмотрел на меня и ничего не ответил. Вместо этого он вырулил на подъездную дорожку и остановил машину, пригвоздив меня к месту своим пристальным взглядом. — Мы живем в мире, где каждый будет жаждать нашей крови. Единственный шанс остаться целыми — это доверять друг другу. Ты моя жена, нравится тебе это или нет. Теперь ты скажешь мне, в чем дело?

Я не знала почему, но слезы жгли мне глаза. — Я беспокоюсь о своем брате. Я подумала, что могу купить для него предоплаченный телефон, как ты сделал для меня. Так я смогу говорить с ним... без ведома отца.

Напряжение, казалось, высасывало воздух из маленького пространства.

— Кто-то должен убить этого ублюдка, — прошипел Коннер. Он понятия не имел, насколько он был прав, но он и его семья не могли быть теми, кто это сделает. Такой открытый акт войны закончился бы катастрофой.

— Мне просто нужно иметь возможность поговорить с Санте, вот и все. Тогда, я уверена, все будет хорошо.

Я не думала, что он верит мне больше, чем я сама себе, но он оставил эту тему. Найдя место для парковки, он отвел меня в аптеку и показал, где продаются одноразовые телефоны. Он даже заставил меня заплатить за него моей новой кредитной картой, чтобы убедиться, что она работает. Какая-то часть меня продолжала ждать ловушки. Все это казалось слишком простым. Слишком удобным и расширяющим возможности. Как он мог контролировать меня, если он дал мне все, что мне нужно, включая свободу передвижения?

Ну и хреновое же это мышление. Отец сделал с тобой все, что мог.

Мне пришлось сдерживать вздох, когда Коннер вез нас в свой клуб. Я не хотела думать, что мой муж способен манипулировать мной, как это делал мой отец, но было трудно подавить подозрения. Я чувствовала себя обязанной быть начеку, просто на всякий случай. Удивительно, как быстро можно оборвать или украсть жизнь.

У входа в клуб было тихо, как и во время моего первого визита. Мне стало интересно, как здесь было ночью — люди выстраивались в очередь снаружи, или это было больше похоже на питейное заведение с тайными стуками и смотровыми площадками? Возможно, я просто насмотрелась фильмов.

Шай на этот раз отсутствовала, но шафер на нашей свадьбе лежал на диване Коннера, когда мы добрались до его кабинета.

— Если ты так устал, парень, просто иди домой, — проворчал Коннер, предупреждая мужчину о нашем присутствии. Я встречала его раньше, но у нас не было возможности поговорить.

— Вот дерьмо. Извините. Ночь не задалась. — Привлекательный парень сел, овечья улыбка демонстрировала глубокие ямочки на обеих щеках. Он выглядел примерно на возраст Коннера с теплыми карими глазами, напоминая мне золотистого ретривера, и вьющимися темными волосами, которые он держал длинными и непокорными на макушке. Он был силен — толстые шнуры тощих мышц наслаивались друг на друга так, что его локти

делали его плечи более пологими, а рукава футболки натягивались на изгибающиеся бицепсы. Благодаря мальчишескому обаянию он был еще симпатичнее в повседневной одежде, чем в костюме, который был на нем на свадьбе.

— Ноэми, ты помнишь Бишоп, — рассеянно сказал Коннер, подходя к своему столу.

Именно так. Я протянула руку, которую он с радостью принял. — Бишоп... это твоя фамилия?

— Нет, настоящее имя — Эван Боханан.

— Почему Бишоп? — спросила я, любопытствуя.

Он ухмыльнулся и посмотрел на Коннера, как бы спрашивая разрешения.

Мой муж закатил глаза.

— Получил это имя в школе... — Он расплылся в лучезарной ухмылке. — Потому что все девочки становились на колени, когда я был рядом.

Мне пришлось прикусить губы, чтобы не рассмеяться в голос.

Коннер облокотился на свой стол, скрестив руки на груди. — Не раз тебя чуть не убили.

— Откуда мне было знать, есть ли у нее парень? — Он широко раскинул руки, заявляя о своей невинности. — И это никогда не было так плохо — не с тобой за моей спиной.

— Да, ты втянул меня в еще большее дерьмо. Хорошо, что я жил на ринге.

— Ринг? — спросила я, вклиниваясь.

— Боксерский ринг, — уточнил Коннер.

— Ты профессионально занимался боксом?

— Занимался боксом? — Бишоп вытаращился. — Мой мальчик мог бы стать чемпионом — только посмотри на него!

Я усмехнулась, стараясь не слишком показывать свое внимание. У Коннера действительно было впечатляющее телосложение. — Думаю, это объясняет, почему у тебя все костяшки пальцев в шрамах.

Коннер ухмыльнулся. — Это одна из причин.

Я покачала головой, не желая знать, что еще могло привести к таким повреждениям. Было познавательно наблюдать за общением этих двух мужчин. Бишоп показал другую сторону Коннера, которую я раньше не видела. Я представляла, что в детстве они были сущим адом на колёсах.

— Ладно, хватит нести чушь. — Коннер встал, засунул какие-то бумаги в ящик, затем посмотрел на меня. — Наверху всегда есть несколько свободных столиков круглосуточно. Хочешь подняться и проверить?

— Правда? — Я полагала, что ему нужно работать, а я застряну, развлекая себя. Экскурсия была неожиданным удовольствием.

— Да ладно. Бишоп, иди и принеси пользу. — Коннер повел меня к лифту и поднялся на второй этаж, где находилось то, что выглядело как небольшой бальный зал отеля, украшенный для тематического мероприятия в Вегасе. Стены были усеяны хрустальными бра, а с потолка свисали соответствующие люстры. Стены украшала текстурированная атласная ткань насыщенного бордового цвета, такой же цвет использовался во всем помещении в сочетании с золотом и красным деревом. В центре открытой комнаты стояла дюжина карточных столов. Только два, похоже, были открыты в данный момент, и мне стало интересно, какой будет атмосфера ночью в часы пик.

— Тебе придется прийти как-нибудь ночью, чтобы увидеть всю картину, — размышлял Коннер, оглядывая свое королевство, как бы рассматривая его с моей точки зрения.

— Я как раз думала о том же. Оно прекрасно, но, держу пари, ночью оно оживает.

Он хмыкнул в знак согласия.

— Как именно ты можешь управлять таким местом? Разве это не незаконно? — Я вспомнила, как Шай говорил мне, что на его этаже все по правилам, и мне стало любопытно.

Коннер почти гордо наклонил голову. — Клуб Бастион — это частная благотворительная организация. По сути, это влечет за собой очень креативную бухгалтерию.

— Понятно.

— Ты умеешь играть в блэкджек? — он посмотрел на меня.

— О да. Я много играла с братом — не на деньги, хотя иногда мы играли на оставшиеся конфеты на Хэллоуин.

подавив улыбку, он покачал головой. — Тогда давай посмотрим, что ты умеешь.

Он указал на один из столов. Я заняла единственный свободный стул, улыбнувшись привлекательной рыжеволосой девушке на месте дилера, хотя она едва удостоила меня взглядом, потому что была слишком занята тем, что строила глазки моему мужу.

— Мистер Рид, — сказала она знойным тоном. — Это приятный сюрприз.

Какая наглость! Как будто я даже не сижу здесь.

Коннер положил руку мне на плечо. — Хотел показать своей жене все вокруг. Ноэми, это Лена. Лена, Ноэми.

Женщина улыбнулась и сдала мои карты, в ее глазах застыл вызов. — Желаю удачи.

Неужели такое внимание он получал на работе каждый день? Если так, то неудивительно, что он был предан работе. Я знала, что женщины часто бросаются на сильных мужчин, но совсем другое дело — увидеть это в действии. С моим мужем.

Я сглотнула едкий привкус ревности и посмотрела на свою руку. Две восьмерки. Достаточно приличная рука для сплита. Мне удалось получить лицевые карты на каждую восьмерку, что дало мне две выигрышные руки, когда дилер сдал семнадцать. Я усмехнулась, глядя на Коннера, который смог присоединиться ко мне за столом, когда мужчина, сидевший рядом со мной, ворчал и выходил из игры.

Лена снова раздала карты, на этот раз Коннеру. Мы сыграли несколько партий, и я начала получать истинное удовольствие от игры, несмотря на открытое внимание Лены к моему мужу. Моя терпимость достигла предела, когда ее рука соблазнительно проследила за его рукой во второй раз, когда она собирала его карты.

— Знаешь что? Я думаю, что хотела бы поесть, — проговорила я, повернувшись к Коннеру. — Мы можем поужинать?

Его сузившийся голубой взгляд перешел на меня. — Да, конечно. — Он бросил свои карты на стол. Я пошла к лифту, не тратя времени на прощание.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил Коннер, как только мы оказались в машине. Он заметил спад в моем настроении, но я не была готова признаться в источнике своего раздражения.

— Нет, просто хочу есть. — Я не сводила глаз с бокового окна.

Через некоторое время мы подъехали к ресторану под названием Neary's. Снаружи он выглядел небольшим, но внутри оказался большим. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что это заведение работает столько же, сколько существует здание — возможно, с тридцатых или сороковых годов, но в хорошем смысле. Паб в ирландском стиле обладал большим шармом. Вдоль стен стояли красные виниловые кабинки, а также ирландские памятные вещи и старинные бра, которые излучали теплый свет по всему уютному помещению.

— Это семейный ресторан, — сказал Коннер, подводя меня к свободному столику в центре длинной комнаты. — Все в порядке, Талли? — Он поднял подбородок, обращаясь к симпатичной кудрявой служащей неподалеку.

— Конечно, мистер Рид. — Она подошла и выдвинула для него стул, сверкнув соблазнительной улыбкой. — Могу я принести вам ваше обычное блюдо?

Невероятно, черт возьми.

Неужели так все и будет? Всегда быть третьей лишней в своем чертовом браке?

— Это было бы здорово, спасибо. Ноэми, что бы ты хотела выпить?

Я надулась и плюхнулась на свое место, отказываясь смотреть в сторону Коннера. — Домашнее красное подойдет.

Как только *Талли* покинула нас, Коннер пододвинул свой стул ближе ко мне, между нами оказался один угол маленького столика. — Ты ревнуешь? — спросил он с любопытством, потирая рукой заросший щетиной подбородок.

— Я просто думаю, что это неуважительно. Все эти женщины трахают тебя своими глазами, как будто меня здесь нет.

Что-то темное и первобытное промелькнуло в его глазах. — Ты ревнуешь. — На этот раз он произнес эти слова с хищным весельем, как кот, наблюдающий за мышью, извивающейся в ловушке.

— Так бы ты назвал это, если бы Бишоп и все остальные мужчины, с которыми мы сталкивались, откровенно представляли меня голой? — Теперь его внимание было приковано ко мне, поэтому я продолжила серьезно. — Если бы эти отношения были настоящими, то несколько пристальных взглядов меня бы не беспокоили. Но они не настоящие, и это только еще больше все запутывает.

Лицо Коннера стало переменчивым — его черты стали более резкими, а гнев — более острым. — Что ты имеешь в виду, *если бы это было реально?* — Каждое отточенное слово пропитано ядом.

— Ну, мы женаты, но это в основном шоу, верно? Это договоренность для наших семей. — С каждым словом я закапывала себя все глубже, но не знала, как это сделать.

Мой муж наклонился вперед в своем кресле, его тело кипело от гнева. — *Шоу?* Я кажусь тебе каким-то актером? Потому что я уверен, что ты кончила на моем языке и пальцах так же реально, как это, блядь, бывает. Я же говорил тебе, что это нечто большее, чем какая-то чертова договоренность.

Жар обжег мои щеки, пока я оглядывала ресторан, молясь, чтобы его никто не услышал. — Да, но что это значит?

— Это значит, что ты *моя*, а я твой.

— Ты так говоришь, — тихо предложила я, опустив взгляд на свои руки. — Но я ничего о тебе не знаю. — Когда я снова взглянула на него, я позволила ему увидеть мою неуверенность и страх. Это возымело желаемый эффект.

Плечи Коннера заметно расслабились, когда он откинулся в кресле. — Что ты хочешь знать?

— Ты можешь рассказать мне о Дженовезе? Я не знала, что ты был усыновлен.

Он кивнул, давая официанту время, чтобы принести наши напитки. — Несколько месяцев назад моя биологическая мать вышла на связь и предложила общение. Я не был заинтересован, но когда мои дяди узнали, что я сын Мии Дженовезе, они подтолкнули меня к встрече с ней.

— Я даже не могу представить, каково это.

— Все не так плохо. У меня была хорошая жизнь, и я не осуждаю ее выбор. Мие было всего шестнадцать, когда она забеременела мной. Когда я родился, она отнесла меня вместе с четками в католическую церковь, которую посещали мои приемные родители. Мама уже в юном возрасте знала, что не сможет иметь детей, поэтому, когда появилась возможность, она сразу же усыновила меня. Все сложилось наилучшим образом.

— Думаю, теперь все это имеет немного больше смысла — ирландцы и итальянцы вместе.

— Твой отец не рассказывал тебе ничего из этого? — Он покачал головой, закатив глаза. — Неважно. Конечно, не рассказывал.

Я пожалала плечами. — Это было необычно, что две группы объединились, но меня учили, что не мое дело задавать вопросы.

— Ну, можешь выкинуть эту чушь из головы, — ворчал он. — Ты моя жена, а не работник. Я ожидаю, что ты спросишь меня, если у тебя есть вопрос.

Я сделала паузу, решая, хочу ли я проверить его утверждение. — Что значит для тебя

быть частью ирландской и итальянской семьи?

Он тяжело вздохнул. — Я не совсем уверен. Это мало что меняет в том, что касается организаций. Даже наш брак не дает мне никаких особых привилегий в Пяти семьях. С этим у меня все в порядке. А вот с личными делами все сложнее. Миа все время хочет встретиться, а я не заинтересован. Я не знаю, что, черт возьми, с ней делать.

Мое сердце одновременно сжималось и взлетало от его объяснений. Мне было неприятно, что он оказался в такой сложной ситуации, но я также была рада, что он доверился мне о чем-то настолько личном. Он демонстрировал мне такую степень доверия, которой я никогда не ожидала.

— Я не думаю, что есть какая-то причина, по которой ты не можешь делать все медленно. Похоже, что до сих пор ты был очень сговорчив, — мягко предложила я.

Он изучал меня, голубые глаза буравили мои, пока к нам не присоединился официант и не разрушил чары, державшие нас в плену. Мы потратили минуту на изучение меню, затем сделали заказ. Я выбрала традиционное ирландское блюдо, которое он рекомендовал, желая узнать больше о культуре, в которой он вырос.

— Я бы хотел больше узнать о твоей маме, — сказал Коннер, когда мы снова остались одни. — Но только не в том случае, если это тебя расстраивает.

— Я с удовольствием расскажу тебе о ней. Она была замечательной матерью — всегда одаривала нас любовью и вниманием. Мы делали пряничные домики на Рождество и сами красили яйца на Пасху. Она поощряла нас читать и любила пробовать новые идеи для рукоделия, которые она почерпнула в Интернете. Она водила нас на фермерские рынки, в кино и на бродвейские спектакли и была счастлива это делать. Я никогда не чувствовала себя обузой для нее. С такой вовлеченной и любящей мамой, какой она была, я почти не замечала отсутствия отца; хотя, думаю, будучи мальчиком, Санте чувствовал это больше.

Сапфировый свет в глазах Коннера потеплел, когда я заговорила. — Я думаю, наши матери хорошо бы поладили. И хотя мой отец не такой засранец, как твой, он определенно был авторитетной фигурой в доме.

— Признаться, он показался мне немного пугающим.

Он мягко улыбнулся. — Нет, не пугающий. Он был единственным шурином в очень дружной семье. Я думаю, он всегда чувствовал, что должен доказать свою значимость. — Коннер опустил глаза на стол, где его пальцы медленно вращали наполненный виски стакан на белой скатерти. Казалось, он погрузился в свои мысли. Хотя мне было интересно, что это были за мысли, я не хотела подталкивать его и нарушать легкое течение нашей беседы.

— А что насчет Бишопа. Расскажи мне побольше о твоей истории с ним.

Дьявольский блеск зажег его глаза, прежде чем Коннер начал рассказывать несколько историй, которые заставили меня посочувствовать его бедной матери. Мне понравилось слушать о его жизни, и я оценила его вдумчивые вопросы о моей. Час, проведенный нами, прошел так быстро, что мне не хотелось уходить, но Коннеру, похоже, было не до этого. Он инициировал наш отъезд, как только мы закончили есть, и проводил меня к машине.

— Тебе нужно было вернуться на работу сегодня вечером? — спросила я, как только он отъехал от обочины.

Он просто ответил *нет*. Когда он снова припарковался, но не у жилого дома, я сдалась и потребовала больше информации.

— Куда мы приехали?

Он показал головой на другую сторону улицы. Я растерянно посмотрела на ряд ветхих

предприятий, но последовала за ним из машины. Когда он привел меня к двери небольшого тату-салона, я замерла.

— Что мы здесь делаем?

— А ты как думаешь? — Он взял меня за руку и потянул внутрь, пока я, спотыкаясь, пыталась мысленно догнать его.

— Если это не мистер Рид, — окликнул лысый мужчина, покрытый татуировками, сидящий за компьютером за стойкой. — Как дела, приятель?

Они обнялись, по-мужски пожав друг другу руки.

— Хотел зайти и представить свою молодую жену. Может, у тебя найдется минутка для пары маленьких.

Подожди, пары? Пары татуировок?

Я внезапно оказалась в состоянии повышенной боевой готовности.

— Черт, мужик. Поздравляю. — Парень посмотрел на меня и ухмыльнулся. — Меня зовут Пако.

Я настороженно улыбнулась в ответ. — Ноэми.

— Очень приятно, Ноэми. — Он снова повернулся к Коннеру. — У меня определенно есть время. Ты первый?

— Подожди. Что здесь происходит? — пролепетала я, не в силах больше сдерживать свою панику.

— Да, — ответил ему Коннер, не обращая внимания на мое очевидное расстройство. — Это даст ей минуту, чтобы решить, где она хочет иметь свою.

Если бы мои глаза расширились еще больше, то рисковали выскочить прямо из глазницы.

— Прости? Я не могу просто взять и сделать татуировку.

— Почему нет? — спросил Коннер, оба мужчины уставились на меня так, словно у меня выросла третья рука.

— Потому что... Потому что...

Ну, блин.

Почему я не могла сделать татуировку? Хотела ли я татуировку? Это зависело от того, что это было.

— Что ты сделаешь? — спросила я, с каждой секундой все больше расстраиваясь.

— Я наносу твоё имя на внутреннюю сторону запястья. — Он наклонился ко мне, его взгляд приковал меня к месту. — И мы не уйдем отсюда, пока мое имя не будет где-то на тебе. Таким образом, ты будешь знать, что все по-настоящему. Нет ничего более реального, чем кровь и чернила.

Я потеряла дар речи. Из-за татуировки. Из-за всего.

Коннер пытался сказать мне, что он предан этому браку.

Я с трепетом наблюдала, как он сел и положил свое правое запястье на стол, удивив меня еще раз. Это была рука без капли чернил. Мое имя будет единственным и неповторимым украшением.

Я придвинула стул рядом с ним и наблюдала, как Пако очищает участок, а затем с помощью переводной бумаги приклеивает нарисованный шаблон к его коже. Это было захватывающее зрелище. Я никогда не видела, как создается татуировка, не говоря уже о том, как мое имя выгравировано на чьем-то теле. Я знала, что теоретически ее можно удалить, но все равно это было невероятно трогательно. Это было заявление, на которое я хотела

ответить взаимностью, несмотря на армию нервов, бьющихся в моем животе.

Когда татуировка была завершена, на элегантный шрифт нанесли гель и перевязали запястье.

Затем настала моя очередь.

— Я тоже сделаю на запястье. — Мой голос был задыхающимся, легкие работали сверхурочно, чтобы не отставать от колотящегося сердца.

— Правое запястье? — спросил мужчина.

— Нет, левое. — Я положила руку на стол.

Коннер посмотрел на запястье, потом на меня, и в его глазах появилось понимание. Это было запястье, которое мой отец покрыл синяками. Теперь на нем навсегда останется имя Коннера.

Мое сердце гулко стучало в ушах. — Насколько сильно будет больно?

Пако помрачнел. — Не буду врать, дискомфорт определенно есть, но запястье не так сильно болит, как другие места.

Хорошо, что я не планировала делать еще одну татуировку, потому что, черт, это было больно. Если бы в других местах было хуже? Черт, нет.

Когда имя Коннера было закончено, он взял мою руку в свои руки и осмотрел художественную работу, поглаживая сердито-красную кожу с нежной лаской. — Теперь неважно, какое имя будет на твоём браслете; это мое имя ты всегда будешь носить с собой.

Мне пришлось отмахнуться от слез, которые собрались в моих глазах. Как странно думать, что этот человек, такой жесткий и даже временами резкий, может быть таким нежным и милым.

Мы вышли из салона с нашими новыми чернилами и образовавшейся между нами хрупкой связью.

Я была готова принять его идею о настоящем браке, хотя и не была уверена, что именно это значит для него. Говорил ли он о наших обязательствах друг перед другом или о чем-то большем? Может ли он иметь в виду любовь? И даже если у него возникнет любовь ко мне, смогут ли наши отношения быть на первом месте в сравнении с его долгом и амбициями?

Был только один способ узнать это.

Я должна была сделать прыжок, попытаться довериться ему и открыть свое сердце.

Всю дорогу домой я размышляла, могу ли я пойти на такой риск. Когда мы вошли в вестибюль здания, я все еще была погружена в свои мысли, когда вид Мии Дженовезе заставил Коннера остановиться.

— Эм, мне нужно, чтобы ты поднялась наверх, — сказал он низким, настороженным тоном.

— Все в порядке? — спросила я, беспокоясь о том, что грызет мое нутро. Я не была уверена, почему она появилась в его доме, но что-то было не так.

— Я уверен, что она просто хочет поговорить. Я поднимусь через несколько минут. — Он оторвал свой разочарованный взгляд от нее и посмотрел на меня, призывая меня подчиниться.

Кивнув, я оставила их наедине, ничуть не успокоившись.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мне не нравилось отправлять Ноэми навверх одну, но при виде Мии Дженовезе у меня затрепетала каждая унция интуиции. Она практически вибрировала от нервной энергии. Что-то случилось, и это было не просто угрызение совести.

Я приготовился к тому, что она скажет, и подошел к ней. — Миа, это сюрприз.

Ее улыбка была доброй, но мое внимание привлекли извинения, залегшие в уголках ее глаз. — Коннер, мне очень жаль, что я так появилась, но мне нужно поговорить с тобой кое о чем. О чем-то важном, что ты должен знать. — Она сжала телефон в руке, как будто он был способен перенести ее подальше от гложущих ее угрызений совести.

— Давай присядем. — Я неохотно провел нас в незанятое место для отдыха. Через холл периодически проходили жильцы, но наш разговор никто не мог подслушать. Я сохранял максимально расслабленную позу и позволил ей сказать то, что она хотела сказать.

Она сидела на краешке кресла, ее взгляд метался между мной и телефоном. — Я знаю, что для меня кажется странным приходить сюда. Никогда не бывает подходящего времени для такого разговора, но это гложет меня изнутри.

— Хорошо, я тебя слушаю.

Она втянула глоток воздуха, как бы укрепляя себя. — Я не думаю, что ты много знаешь об обстоятельствах твоего усыновления.

— Только то, что тебе было шестнадцать лет и ты не могла заботиться обо мне, — ответил я без осуждения.

— Моя семья была очень набожной, видишь ли. Когда я не была в школе, я работала волонтером в нашей церкви. Однажды летом наш молодежный директор спросил, не хотели бы мы, ребята постарше, помочь сестринской церкви в проведении каникулярной библейской школы. У них было неожиданно много малышей, и им нужно было несколько дополнительных рук для двухнедельного дневного лагеря. Конечно, я была рада стать волонтером. — Она сделала паузу, пристрастие к сокровенным воспоминаниям смягчило ее черты. — Церковь была Святого Патрика, и именно там я встретила твоего отца.

Если бы я продолжал неподвижно сидеть, меня можно было бы принять за мертвого.

Церковь Святого Патрика была той самой церковью, куда меня принесли новорожденным. Церковь, членами которой были мои приемные родители. Миа Дженовезе собиралась рассказать мне, кто мой отец, и что-то в этом пугало ее.

— Мы были знакомы недолго. Но он был так очарователен, что я быстро и сильно влюбилась. В том возрасте я была так наивна, что не думала, что могу забеременеть до свадьбы. Мои родители были настолько консервативными и правильными, что никогда не говорили со мной о сексе. Я была на целых шесть месяцев вместе с тобой, прежде чем моя мама узнала о моем состоянии. Я была не в курсе. Я была в ужасе, поэтому делала все так, как они мне говорили.

— Следующие три месяца я не выходила из нашего дома. Только на следующий день после твоего рождения я тайком отнесла тебя в церковь вместе с четками моей бабушки. Мои родители договорились с несветским агентством по усыновлению, не желая работать с католическими службами, которые могли просочиться в нашу общину с информацией о том, как я их опозорила. Я чувствовала себя такой бессильной, но единственное, что я могла для тебя сделать, — это привести тебя в ту церковь, где, как я знала, у тебя хотя бы будет семья.

Я мог бы остановить ее прямо здесь и сейчас, мог бы сказать ей, что не хочу ничего знать и оставить это в прошлом, но слова не шли. Я сидел в восхищенном молчании, наблюдая, как передо мной разворачивается крушение поезда.

По ее щеке скатилась слеза.

— Когда я узнала, кем ты стал, ты даже представить себе не можешь, как я была рада за тебя. Знать, что ты не был одинок. — Она вытерла слезу, ее слова стали дрожать. — Я думала, что мы встретимся, ты и я, и тогда я смогу рассказать твоему отцу о тебе. У него была семья, понимаешь, поэтому я хотела сделать это осторожно, но потом... — Ее слова сорвались на всхлип, но она продолжала, как будто лавина правды была слишком мощной, чтобы ее сдерживать. — Как я могла знать, что в ту же ночь... в ту же ночь, когда мы ужинали... — Она зажмурила глаза, горе захлестнуло ее.

В тот же вечер, когда мы ужинали. Это было все, что она хотела сказать, и я знал.

— Дядя Броуди, — вздохнул я.

Миа подняла свои остекленевшие глаза на мои и скорбно кивнула.

Мой дядя Броуди был моим биологическим отцом все это время, но мы никогда не знали. Он никогда не знал, и теперь никогда не узнает.

Суровая реальность врезалась в меня, выбив воздух из легких.

Я думал, что меня устраивало то, как складывалась моя жизнь. С усыновлением и моей семьей. Я думал, что ничто из того, что Миа могла сказать, не изменит прошлого, но я ошибался. Правда изменила все.

— Мне так жаль, Коннер, — прошептала Миа. — У меня не было возможности найти тебя раньше. Я бы сказала тебе, если бы знала, как вы уже близки. Я бы хотела, чтобы ты знал. Последние две недели были мучительными от осознания того, как все разворачивалось. Это было так несправедливо. Я не хотела скрывать от тебя правду ни на минуту дольше.

— Это не твоя вина, — рассеянно пробормотал я, с удивлением понимая, что верю в то, что говорю. Я не винил ее ни в чем. Возможно, ее родителей, но больше, чем кого бы то ни было, мой гнев был направлен на группу людей, которые забрали у меня отца.

Гребаные албанцы.

Они украли у меня шанс когда-либо соединиться с Броуди Байрном как отец и сын. И

ради чего? Жалкая попытка запугивания? Я покажу им запугивание. Я сожгу всю их организацию дотла.

Ярость взяла в руки оружие и сокрушила решетку моего контроля.

Вулкан ненависти вспыхнул внутри меня, извергая реки расплавленной ярости по моим венам.

Мне нужно было выбраться оттуда. Я должен был найти выход злобному монстру, кипевшему внутри меня, прежде чем он направит свою жажду крови на невинных.

— Спасибо, что поделилась этим, Миа. — Я встал, мои движения были скованными и нескоординированными. — Я знаю, что было нелегко приехать сюда, и ты не должна чувствовать себя виноватой ни в чем. Усыновление. Броуди. Ни в чем из этого нет твоей вины. — Мне удалось перевести взгляд на нее, пытаюсь показать свою искренность, а затем обнять ее. Первое объятие, которое мы когда-либо делили. Она пережила столько же потрясений, сколько и я, если не больше. У меня не было желания увеличивать ее боль. Она не была той, кто заслуживал страданий.

— Спасибо, что выслушал, — сказала она дрожащим голосом, отстраняясь, и на ее тонких губах появилась улыбка. — Я больше не буду тебя беспокоить.

— Это не беспокойство, Миа. Правда. Все это было очень тяжело пережить, но ты никогда не беспокоила.

Еще больше слез набежало на ее глаза, прежде чем она улыбнулась и отступила к дверям.

Достав свой телефон, я набрал номер Бишопы.

— Привет, парень. Я...

Я прервал его, прежде чем он успел сказать еще хоть слово. — Ты уже нашел что-нибудь по этому номерному знаку? — Каждое отрезанное слово кипело агрессией.

— Ну, да. У меня есть адрес, но...

— Дай его мне.

Голос Бишопы протрезвел. — Тебе нужна поддержка? У меня пока нет никакой другой информации об этих парнях. Я не уверен, что это хорошая идея...

— *Адрес*, — произнес я с достаточной жестокостью, чтобы заставить его замолчать, а затем повесил трубку, как только получил то, что мне было нужно.

Ноэми ждала меня в гостиной, когда я поднялся наверх. Я прошел мимо нее в спальню.

— Мне нужно уйти, — сказал я ей, когда она вскочила, чтобы последовать за мной. — Тебе нужно остаться здесь.

Моя смертоносная интенсивность усилила ее беспокойство.

— Что сказала Миа? — спросила она, ее голос был тихим, как будто она боялась спросить.

— Ничего такого, о чем бы я хотел сейчас говорить. Мне нужно кое-что сделать. — В хозяйском шкафу я достал из потайных отделений свои незарегистрированные пистолеты и надел нагрудную кобуру.

— Это из-за моего отца? Ты же не собираешься с ним встречаться?

Я не был уверен, что натолкнуло ее на эту мысль, но у меня не было возможности обсуждать это дальше. — Я уже сделал это перед свадьбой, — рассеянно сказал я, проверяя патронник каждого оружия и убирая дополнительные обоймы в карманы.

— Что? Ты говорил с ним о том, что он причинил мне боль?

Я схватил достаточно объемную куртку, чтобы прикрыть свое оружие, игнорируя ее

вопросы.

— Коннер, — позвала Ноэми более решительно. — Не уходи отсюда, не рассказав мне, что происходит.

Я повернулся к ней лицом, не в силах обуздать дикую природу своего гнева. — Ты собираешься рассказать мне, почему все изменилось с твоим отцом? Почему тебе нужен телефон, чтобы поговорить с братом, или почему, черт возьми, ты молчала шесть чертовых месяцев?. — Я знал, что она еще что-то недоговаривает. Я был бы не против оставить это на потом, если бы она не давила на меня, но у меня не было ни времени, ни терпения на всякую ерунду.

Ноэми поджала губы, за ее широко раскрытыми зелеными глазами появилась заслонка.

То, что она так отстранилась от меня, разозлило меня еще больше, несмотря на то, что это была моя собственная вина, но я все равно не мог остановиться. Мои эмоции взяли верх.

— Я так и думал, — выдохнул я, проходя мимо нее и выбегая из квартиры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Что-то было ужасно не так.

Что Мия могла сказать ему такого, что так сильно его расстроило? Что-то о его итальянской семье? Может ли это касаться моей семьи? Почему еще он не сказал мне? Коннер был единственным, кто настаивал на том, что эти отношения настоящие, и предлагал сделать соответствующие татуировки. Он хотел, чтобы я открылась и поделилась, так что же могло так сильно расстроить его, что он не мог сделать то же самое? Что он не мог даже смотреть на меня?

Узнал ли он что-то такое, что заставило его пожалеть о женитьбе на мне?

Неопределенность сводила с ума. Но больше всего я отчаянно волновалась за своего брата. Если гнев Коннера как-то связан с моей семьей, я должна была убедиться, что Санте в безопасности. Я должна была поговорить с ним.

Поспешив к своему новому телефону, я набрала номер Пиппы.

— Алло? — резко ответила она, не узнав еще один новый для меня номер.

— Пип, это я.

— Привет! — Голос моей кузины мгновенно успокоил меня. — Как дела? Как семейная жизнь? Это настоящий телефон или очередная одноразка?

— Это мой новый номер навсегда. И, учитывая все обстоятельства, я бы сказала, что все идет хорошо. У Коннера появились кое-какие рабочие дела, и я подумала, не могла бы ты заглянуть к нам. Ты могла бы увидеть нашу квартиру и немного погостить. — Объяснить, что мне от нее нужно, было бы гораздо проще при личной встрече.

— С удовольствием! Я не смогу остаться надолго — ты же знаешь, как мой отец переживает, когда я задерживаюсь, — но я точно смогу заскочить.

Я дала ей свой новый адрес, затем пошла в шкаф и нашла золотой браслет-манжету, который я использовала, чтобы скрыть свой синяк, но на этот раз я использовала его, чтобы прикрыть свою новую татуировку. Мне пришлось снять повязку, но я предпочла, чтобы чувствительная кожа была открыта, а не чтобы Пип увидела, что я сделала. Если она случайно расскажет своей матери, и слухи дойдут до моего отца, я не могла быть уверена, как он отреагирует.

В течение следующих тридцати минут я стояла у стены с окнами в гостиной, пока не позвонили с ресепшена и не сообщили о ее прибытии. Я сообщила, что ее ждут, и порттье помог ей пройти к лифту, где требовался либо код безопасности, либо ключ-карта. Когда она поднялась наверх, я показала ей свой новый дом. Она охала и ахала, как я и предполагала.

— Это великолепно, Эм. Я так волновалась за тебя, поэтому мне так приятно видеть, что ты не несчастна здесь в одиночестве.

— Вовсе нет. Мы все еще только начинаем узнавать друг друга, но могло быть и хуже. — Я на секунду погрызла щеку, прежде чем продолжить. — У меня есть просьба, пока ты здесь.

Она отвернулась от великолепного вида на реку, теперь ее внимание было приковано ко мне. — Да?

— Как ты думаешь, ты сможешь заскочить ко мне домой и передать это Санте? — Я протянула предоплаченный телефон. — Тебе придется убедиться, что мой отец не знает о причине твоего визита.

Ее острые глаза пригвоздили меня к месту. — И почему именно мы должны это делать? — Ее глаза расширились, прежде чем она наклонилась и прошептала: — Это из-за Коннера? Он причиняет тебе боль?

— Нет, совсем нет! — заверила я ее. — На самом деле проблема в моем отце, но это пустяки.

Она, казалось, успокоилась, но все еще пристально изучала меня. — Пустяки? Ты просишь меня подсунуть твоему брату одноразовый телефон и думаешь, что это ерунда? Я знаю, ты говорила, что твой отец стал слишком заботливым, но это как-то не так.

Я вздохнула, сдуваясь. — Это долгая история, и я пока не могу о ней говорить. Я расскажу тебе, когда смогу, а пока мне очень нужна твоя помощь.

Плечи Пипа опустились. — Конечно, я помогу, Эм. — Она притянула меня к себе и крепко обняла. — Но ты меня очень беспокоишь.

— Я знаю, и мне очень жаль. Прости, что втянула тебя во все это.

Она взяла телефон из моей руки и положила его в свою сумочку. — Пожалуйста. Я была создана для этого дерьма. Помнишь, как однажды ночью я пробралась в раздевалку мальчиков, чтобы подсыпать зудящий порошок в трусы Брэндона Свонсона?

Я ухмыльнулась. — Это было довольно эпично. — Видеть, как хулиган наконец-то получил по заслугам, было потрясающе.

— Он заслужил каждую жалкую минуту этого.

— Да, черт возьми, заслужил. — Я всхлипнула, сжимая ее руку своей. — Спасибо, сестренка.

— Всегда. — Она подмигнула, затем повернулась к двери. — Люблю тебя, детка.

— Люблю тебя еще больше, — ответила я.

Полчаса спустя от Коннера не было никаких вестей, и я запуталась в нервах, когда мой телефон пискнул ответным сообщением от одноразового телефона. Я отправила первое сообщение еще до того, как отдала телефон Пиппе, просто чтобы убедиться, что он работает.

Санте: Эм? Ты в порядке?

Я: Привет! Да, но я хотела поговорить с тобой.

Санте: Позвонить?

Я: Нет, лично. Думаешь, ты сможешь уйти из дома так, чтобы папа не узнал?

Санте:?? Почему он не должен знать?

Я: Пожалуйста, это важно.

Я с тревогой ждала, пока точки разговора появлялись и исчезали три раза, прежде чем появился его ответ.

Санте: Куда? Сейчас?

Я: Да, сейчас. Я думаю о той закусочной, в которую нас водила мама. В Ромео.

Санте: Увидимся через пятнадцать минут.

Я: □

Коннер просил меня никуда не выходить, но это было слишком важно. У меня наконец-то появился шанс поговорить с братом, и я не могла упустить эту возможность. К тому же, я беспокоилась, что бы Коннер не делал, это было связано с моим отцом. Я должна была выяснить, что происходит.

Закусочная находилась на полпути между новой квартирой и моим старым домом. Пока я ждала приезда Пип, я решила, что это будет идеальное место для встречи, если представится возможность. Мама водила нас с Санте туда за молочными коктейлями, когда мы были маленькими. Мы все трое делились, по очереди выбирая вкус. Я надеялась, что хорошие воспоминания облегчат трудный разговор.

Когда Санте заметил меня в одной из блестящих зеленых виниловых кабинок, его ответная улыбка не достигла его глаз. — В чем дело, Эм? — спросил он, усаживаясь напротив меня.

— Мне нужно было поговорить с тобой так, чтобы папа не подслушивал. Ты знаешь, каким параноиком он стал после смерти мамы. Я хотела поговорить именно из-за него.

— Да, но по уважительной причине. Он беспокоится о нас. — Он оглядел полупустую закусочную. — Это кажется предательством, и я не хочу действовать за его спиной.

— Мы взрослые люди, Санте. Мы должны иметь возможность поговорить наедине. — Разочарование захлестнуло меня. Как я могла убедить его в правде, если я даже не могла заставить его говорить со мной свободно?

Он поймал мой взгляд, уголок его рта приподнялся вверх. — Значит, теперь ты готова признать, что я уже взрослый?

Я кашлянула от смеха, с облегчением снимая напряжение между нами. Это был самый маленький из первых шагов — его было недостаточно, чтобы разрядить бомбу, которую я несла в себе. Он бы испугался и стал отрицать, и тогда я бы никогда до него не добралась.

— Да, я бы сказала, что мы оба сильно повзрослели за последний год. — Я улыбнулась, а когда подошла официантка, чтобы принять наш заказ, я сказала ей молочный коктейль и позволила ему выбрать вкус. — Ради старых времен.

— Так что тебя беспокоит в папе? — спросил Санте без прежнего оборонительного тона.

— В последнее время произошли некоторые вещи, о которых ты не знаешь, и из-за этого отношения между папой и Коннером стали напряженными. — Я решила пойти на цыпочках на более безопасную территорию, а не бросаться с пушечным ядром прямо на смерть мамы.

Мой брат снял обертку со своего столового серебра, его глаза внезапно погрузились в работу. — Мне было интересно, что именно он имеет против этого парня. Наверное, поэтому я волновался, что Коннер тебя обидел.

— Вовсе нет. — Я положила свою руку на его руку, останавливая его движения. — Санте, папа говорил о Коннере?

Его глаза метнулись к моим, а затем снова опустились. — Немного, но это только разговоры. Ты знаешь, что он вспыльчив.

— Но ты бы сказал мне, если бы он что-то планировал, верно? Пожалуйста, скажи мне, что ты бы предупредил нас.

Санте отстранился, убирая свои руки от моих. — Я не знаю, ясно? Я не знаю, что он задумал.

— Но... что-то есть? — спросила я, желая получить ответы и чувствуя, что мой брат держится в стороне.

— Он работает над чем-то большим, но... это может не иметь никакого отношения к вам, ребята. Я просто знаю, что он был очень напряжен, понятно?

Я откинулась назад и заставила себя мягко улыбнуться. — Я верю тебе. Он не из тех, кто рассказывает кому-то о своих планах, в любом случае. Я просто надеюсь, что если ты узнаешь что-то, что, по твоему мнению, я должна знать, ты мне скажешь. — Это было не совсем то, что я хотела сказать, но я завела брата так далеко, как он только мог. Я открыла линию общения и, по крайней мере, имела с ним связь. На данный момент этого было достаточно.

Прибыв в нужное время, официант поставил наш ванильный коктейль и помог нам вернуться на берег. Мы вспоминали прошлые дни в закусочной и другие приятные воспоминания из нашего детства, пока я не поняла, что уже почти одиннадцать тридцать вечера.

— Я лучше пойду. Спасибо, что пришел сегодня. — Я вышла из кабинки и крепко обняла брата.

— В любое время, большая крошка. Тебя подвезти домой?

— Я не хочу задерживать тебя дольше, чем нужно. Я не хочу, чтобы у тебя были

неприятности.

Санте усмехнулся. — Нет, никто не знает, что меня нет. Все будет в порядке. Пойдем.

Я последовала за ним к его машине, предпочитая не возиться с поимкой такси в такой час. Он высадил меня у моего нового здания, пообещав, что скоро приедет, чтобы осмотреть мое новое место. В вестибюле было пусто, если не считать охранника, сидевшего за стойкой регистрации. Я воспользовалась карточкой-ключом, которую Коннер дал мне, чтобы подняться на тридцатый этаж, и ввела код доступа к квартире.

Когда я вошла внутрь, мои вены наполнились льдом при виде Коннера, который сидел в гостиной и ждал меня, с убийственным блеском в глазах и брызгами крови на груди.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Я сказал тебе оставаться здесь. Я сказал тебе не уходить без одного из моих людей или меня. Ты не позвонила. Ты не написала смс. Ты просто... пропала. — Коннер пригубил последнюю порцию золотистой жидкости из хрустального бокала в своей руке.

Каждое мягко произнесенное обвинение одновременно резануло меня по живому и напугало.

— Мне жаль. Я беспокоилась о своем брате и в итоге дозвонилась до него. Он предложил встретиться, чтобы поговорить, и я пошла. Я должна была написать смс. — Я могла бы соврать и сказать, что забыла, но правда заключалась в том, что я не забыла. Я просто не хотела рисковать тем, что Коннер откажется отпустить меня. Лучше попросить прощения, чем разрешения. И когда я не была уверена, что он меня отпустит, я не стала рисковать.

Я положила сумочку и пересекла комнату, присев на край дивана напротив него. — Что случилось сегодня вечером? — Его внезапный уход. Кровь. Угрожающее спокойствие, которое он излучал. Все это заставило холод от моего молочного коктейля просочиться из моего желудка по всему телу, пока я не смогла сдержать дрожь.

— Это не твоя забота. — Его слова были дверью, захлопнувшейся перед моим лицом.

Я уже собиралась возразить ему, когда заметила, что его глаза сузились, и поняла, что он смотрит на мои руки на коленях — точнее, на золотой браслет-манжету, все еще скрывающий мою татуировку. Моя вторая рука рефлекторно закрыла обидное украшение, как будто если я спрячу его сейчас, это что-то изменит.

— Я не хотела, чтобы Санте увидел ее и рассказал отцу, — поспешила объяснить я.

— Какая, *на хрен*, разница, увидит ли он ее? — Хрупкая хватка, которую он держал над своим гневом, сгибалась и разгибалась от напряжения. Его потеря контроля над собой подстегнула мой собственный, усиливая мое разочарование от того, что меня обвиняют в большем, чем заслуживают мои преступления.

Я встала, положив руки на бедра. — Это не твоя забота, — выстрелила я в ответ, подавая ему его же реплику. Мне надоело ходить на цыпочках вокруг мужчин в моей жизни.

Коннер поднялся с места и одним быстрым движением бросил свой бокал в камин в другом конце комнаты. Звук бьющегося хрусталя пронзил воздух, усиливая напряжение между нами.

— Ни хрена подобного. Твой отец представляет для тебя угрозу, и твоя безопасность — *всегда* моя забота.

Я сделала шаг вперед, не обращая внимания на его вспышку, и ткнула пальцем ему в грудь. — То же самое, Коннер. Ты весь в крови, и как твоя жена, я заслуживаю знать, если ты... — У меня перехватило дыхание, эмоции этой ночи внезапно нахлынули на меня. — Если ты... был ранен. — Я яростно вытерла свои предательские глаза, расстроенные слезы потекли без моего разрешения.

— *Черт!* — Горланное ругательство отскочило от стен, прежде чем рот Коннера врезался в мой. Руки по обе стороны от моего лица, он впился в мой рот, словно я была тем самым воздухом, которым ему нужно было дышать. Переплетаясь языками и кусая зубами, мы наказывали и наслаждались друг другом.

— Ты сводишь меня с ума, детка. — Он сблизил наши лбы, наше тяжелое дыхание — все, что было между нами. — Кровь не моя. Это того албанского ублюдка, который сбежал после того, как напал на нас.

— Ты нашел его?

— Да. Он больше не будет проблемой.

Я кивнула, мои пальцы двинулись к расстегиванию пуговиц на его рубашке. — Я рада, что ты в порядке, — вздохнула я, широко расстегивая его рубашку. Он снял ее до конца со своего тела, затем снял майку. Я провела руками по его упругой коже, а он терпеливо позволил мне медленно обойти вокруг него, чтобы я могла убедиться, что он цел и невредим.

Когда я снова оказалась лицом к лицу с ним, я подняла взгляд на него, снимая браслет с запястья и бросая его на землю. Извинение и обещание. Я не хотела причинить ему боль и постараюсь сделать все возможное, чтобы не сделать этого снова.

Его глаза полыхнули жидким сапфиром. Схватив подол моего платья, он поднял его над моей головой, отбросив провинившуюся ткань на землю.

Воздух вокруг нас сгустился, наполнившись смыслом. Намерением и желанием.

Мы стояли на пороге перемены в наших зарождающихся отношениях. На развилке дороги, которая может все изменить. Последствия были настолько далеко идущими, что мы стояли неподвижно друг напротив друга, не зная, перепрыгнуть ли пропасть или медленно

отступить.

— Мой отец убил мою маму, — прошептала я, впервые за почти семь месяцев не стесняясь в выражениях.

Я выбрала прыжок, так и не сделав выбор. Потребность открыться ему была слишком велика, чтобы сопротивляться дальше.

Коннер стоял неподвижно, пока я рассказывала уродливую правду о своей семье.

— Отец организовал несчастный случай, и он знает, что я знаю. Он угрожал причинить вред Санте, чтобы заставить меня молчать. Он плохой человек, Коннер. Я волновалась за Санте. За тебя. — Когда я закончила, слова перешли почти в шепот.

Мой муж вздрогнул, а затем зарычал, поднимая меня на руки. Я обвила ногами его талию и прижалась губами к его губам, жаждая его прикосновений.

Я не знала, как это произошло, но барьеры между нами рухнули. Я прошла путь от презрения к пониманию его ценности до жажды его одобрения — и все это за несколько недель. Это был самый лучший и самый худший исход, потому что, как бы сильно мы не хотели друг друга, между нами всегда будут тайны.

У него была целая жизнь, недоступная для меня.

Ничто не иллюстрировало это больше, чем тот факт, что он до сих пор не сказал мне, что его расстроило в визите Мии. Что-то побудило его преследовать албанца, хотя он и не признавался в этом. И я не могла его винить, потому что и сама была не совсем откровенна. Я умолчала о причине, по которой мой отец убил мою мать, позволив ему считать, что ее смерть была результатом его жестокого характера, но на самом деле все было гораздо серьезнее. Если бы Коннер узнал правду, это дало бы ему еще больше оснований выступить против моего отца. Ситуация может перерасти в тотальную войну.

Секреты были сутью жизни мафии и причиной, по которой я хотела уйти.

Как может человек утверждать, что ценит свою жену и детей превыше всего, если он хранит от них целый мир секретов? Это было невозможно. Секреты прокладывали дорогу к предательству и недоверию. Дорога, которую я хотела избежать, но вместо этого бежала на полном ходу.

Я ничего не могла с собой поделать, потому что, несмотря на все это, я хотела Коннера Рида.

И что еще более важно, я хотела, чтобы он хотел меня. Чтобы он выбрал меня среди всех остальных.

Именно поэтому мое тело ожило, когда я оказалась в центре его жестокого внимания. Я жаждала каждого хищного взгляда. Каждой меркантильной мысли, которая проносилась за его глазами, и защитной тяжести его преданности. Когда я ощутила всю силу его желания, мое тело застонало от счастья, и доказательства этого намочили мои шелковые трусики, когда он вел нас обратно в спальню.

Он расстегнул мой бюстгальтер еще до того, как мы вошли в уединенную спальню, поэтому, когда он, наконец, поставил меня на ноги, кружевная ткань соскользнула с моих плеч, оставив прикрытыми только самые интимные части тела.

— Ты чертовски великолепна, — пробормотал Коннер, окидывая голодным взглядом мое тело. — Сними трусики и ложись на кровать. Я хочу видеть тебя всю.

Я сделала, как он велел, все это время замороженно наблюдая, как он сбрасывает с себя последнюю одежду. Все в нем излучало грубую силу. Он был настолько больше и сильнее меня, что я засомневалась в собственном здравомыслии. Казалось безумием не испытывать

страха перед этим мужчиной, не бояться уязвимости того, что я ему предлагала, но я не боялась. Пусть это будет женская интуиция, но я знала, что он не причинит мне вреда. Во всяком случае, не физически.

Обнажившись, он взял в руку свой налившийся член и начал поглаживать себя. — Раздвинь для меня ноги, детка. Покажи мне, что принадлежит мне.

Согнув колени, я развела их в стороны.

Пресс Коннера напрягся, и он крепко обхватил себя руками, практически сжимая свой член, словно пытаясь сдержать себя. — Скажи мне, что ты принимаешь противозачаточные, Эм. — Его слова были такими же грубыми, как гравий, сыплющийся на асфальт. Я чувствовала, как каждое слово скребет по моей коже, нагревая меня изнутри.

— Я сделала укол перед свадьбой.

— Спасибо, *черт возьми*. — Он отпустил себя и забрался на кровать, его губы ненадолго прильнули к моему соску, а затем поднялись, чтобы захватить мои губы. — Я не хочу... чтобы между нами... что-то было, — сказал он между поцелуями. — Я хочу увидеть, как ты испачкаешь мой член красным. — Он покачивался, потираясь своим стволком о мои складки.

Его тяжелое тепло было невероятным. Я уже была настолько мокрой от его вида, что он плавно скользил по моему набухшему клитору, жаждая большего.

— Коннер, а как насчет... других вещей? — Я не хотела прерывать наш момент, но я должна была спросить. — Ты чист?

— Детка, это моя работа — защищать тебя во всех отношениях. Я бы никогда не подверг тебя такому риску, если бы это было не так. — Он сжал мои руки над головой и провел соблазнительную дорожку губами по моему телу. Щетина на его челюсти щекотала и дразнила, в то время как его губы ласкали, а зубы пожирали. Я чувствовала себя под ним богиней, которую боготворили и обожали.

Когда его рот сомкнулся над моей сердцевинкой, голод, какого я никогда не знала, сжал мои легкие. Я глотала воздух, широко раскрыв глаза, но ничего не видя. Он лизал и сосал, доводя интенсивность моего наслаждения до безумия. Пока он владел моим телом своим языком, его пальцы работали над моим входом. Сначала один, потом два. Он ввел их в меня, растягивая и успокаивая одновременно.

Давление ощущалось так чертовски хорошо. Так полно. Вскоре я кончила с силой, наслаждение хлынуло на меня, пропитав меня до костей. Он выжал из меня последние капли, а затем двинулся вверх по моему телу. Я чувствовала себя слишком чувствительной для большего, но легкое толчок его члена у моего входа пробудил новую жажду жизни. Как будто мое тело знало, что ему еще предстоит получить то, чего оно желает.

Его руки снова нашли мои, удерживая их над моей головой, моя грудь была прижата к его груди. Его губы оставались приоткрытыми, словно каждый сдерживаемый вздох еще больше погружал его в безумие. В его светящихся голубых глазах искрился конфликт между бездумной похотью и защитной преданностью.

— Трахни меня, Коннер. Я готова. Мне это нужно.

И с этой простой просьбой все притворство сдержанности исчезло. Коннер погрузился в меня, пока не натолкнулся на мое сопротивление. Он еще не вошел до конца, но я уже чувствовала, что разрываюсь от полноты. Я задыхалась, пытаюсь привыкнуть к чужому ощущению. Он воспользовался этой возможностью, чтобы завладеть моим ртом, его язык глубоко проник в мой, чтобы отвлечь меня, как раз перед тем, как он глубоко вогнал в меня

свой член. Он вырвал крик из моих губ, успокаивая боль своей лаской.

— Это моя девочка. Худшее позади, детка.

Я кивнула, грудь вздымалась от напряжения. Однако жжение быстро прошло, и я оценила ситуацию, сжав внутренние мышцы.

Коннер зашипел, его спина непроизвольно выгнулась. — Еще раз так сделаешь, и все закончится слишком быстро.

Я улыбнулась, из моего горла вырвался небольшой смешок, который только усилился, когда я снова сжала его и добилась от него еще одного стона. Хотя мой смех быстро умер, когда он изменил ситуацию, его собственная усмешка заставила его набухнуть внутри меня.

Боже, он был невероятно приятен.

Я бессовестно стонала.

Как так получилось, что я чувствовала его каждой своей частью? Как будто изнутри он получил доступ к магистральям и дорогам моего тела и мог управлять мной, как мастер-кукловод.

Коннер начал легко входить и выходить из меня. Каждое движение вперед-назад сопровождалось писком удовольствия, когда он терся о тот сверхчувствительный пучок нервов глубоко внутри меня. Я начала двигаться вместе с ним, потерявшись в древнем танце, который мое тело, казалось, знало без инструкций и указаний.

Он положил руку под одно из моих коленей и прижал мою ногу назад, выгибая меня так, чтобы усилить эффект от его движений.

— Я кончаю быстро, чтобы тебе не было слишком больно, но в следующий раз... — Он прикусил мою нижнюю губу, а затем начал входить в меня со свирепостью дьявола, бьющегося о врата ада.

Бархатное обещание чего-то большего свернулось в глубине моего живота. Казалось, оно висело совсем рядом, как луна в безоблачную ночь. Уже насытившись оргазмом, я не была обеспокоена своей неспособностью ухватить эту аморфную искру. Более того, я была заинтригована и полностью погрузилась в ливень наслаждения.

Когда из глубины Коннера раздался гортанный гул, я была поражена тем, что почувствовала, как его ствол набухает и пульсирует внутри меня. Все его тело содрогалось, когда его движения медленно ослабевали.

Не дав себе времени опомниться, он снова встал на колени и наблюдал, как извлекается из меня. Его глаза блестели от удовлетворения.

С другой стороны, я начала паниковать, чувствуя, как свидетельства того, что мы сделали, просачиваются из моей сущности. Я начала сжимать ноги, но руки Коннера быстро зафиксировали меня на месте.

— Я испорчу простыни, — напомнила я ему, смущаясь.

Его глаза не отрывались от моей киски. — Да плевать. Нет ничего сексуальнее, чем смотреть, как моя сперма капает из твоей мокрой киски. — Он нежно провел пальцем по моей дырочке, заглывая и вдыхая аромат наших совместных соков. Свет в комнате был слабым, но все же его было достаточно, чтобы я могла различить красный оттенок блестящей влаги.

— Я никогда не ожидал, что женюсь на девственнице, и не испытывал особой потребности трахнуть ее, но, черт возьми, если мне не нравится знать, что мой член — единственный, который ты когда-либо будешь знать. — Его глаза наконец-то поднялись на мои.

Мои губы причудливо изогнулись в уголках. — Я никогда не собиралась беречь себя для брака, но, черт возьми, я рада, что сделала это.

Между нами возникла странная близость, пока наши глаза оставались прикованными друг к другу. Она нагрела комнату пугающим электрическим током.

Стиснув челюсти, Коннер соскользнул с кровати. — Оставайся там, — пробормотал он и направился в ванную. Когда он вернулся, в одной руке у него была влажная мочалка, а в другой — сухая. Я была приятно удивлена, когда он осторожно протер мою дырочку влажной тряпочкой, и обнаружила, что он нагрел ее до успокаивающей температуры. Удовлетворившись своей работой, он вытер меня насухо, а затем протянул руку, чтобы помочь мне подняться. — Тебе нужно пописать, а потом принять обезболивающее.

— Да, сэр, — игриво ответила я, за что тут же получила шлепок по заднице.

Он принес мне стакан воды, пока я ходила в туалет. Затем мы почистили зубы и вернулись в спальню, чтобы свернуться калачиком под тяжестью секретов, все еще нависших над нами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Твоя мама была сестрой Агостино, не так ли? — Я собирался оставить эту тему до утра, но никак не мог успокоить свои метавшиеся мысли. Ноэми еще не заснула, и я решил, что, возможно, прежде чем мы сможем отдохнуть, нужно будет коротко поговорить.

— Да. Она и тетя Этта были близняшками, а дядя Агостино — их старший брат.

Это было то, чего я боялся. — Он и Ренцо хотели бы знать правду, но я не уверен, что мы должны что-то говорить. — Я обдумывал этот вопрос в своей голове последние десять минут. Насколько я мог судить, не хватало одной важной информации. — Почему Фаусто убил свою жену, Ноэми?

Я прижимал ее к себе, поэтому было легко почувствовать, как ее тело напряглось в ответ на мой вопрос. Я не удивился. Когда она впервые открыла правду о смерти своей

матери, я почувствовал, что она что-то скрывает.

— Не все ли равно, почему? — тихо спросила она, ее голос был измучен месяцами страданий. Наверное, это был ад — жить с человеком, который причинил столько боли в ее жизни.

— Боюсь, что имеет. Мне нужно знать, что произошло. — И снова я почувствовал, как напряжение в ее теле усиливается, поэтому я продолжил. — Обычно мы не вмешиваемся в домашние разборки людей, не входящих в нашу организацию. Но если в ее смерти есть что-то большее, чем агрессивный муж, твоему дяде может понадобиться информация.

— Ты будешь вмешиваться, если это что-то большее? Мой отец, скорее всего, узнал бы, что ты был источником этой информации.

— Да, но мы обязаны хранить определенную лояльность Донатису. Мне не нравится вмешиваться в дела мафии, но если мы единственные, кто обладает этой информацией, это может быть необходимо.

Она молчала достаточно долго, чтобы беспокойство укололо меня в затылок.

— Я согласна, что это деликатный вопрос, — наконец сказала она. — Вот почему я думаю, что ты должен оставить это мне. Позволь мне сохранить это в семье.

Моя реакция была бурной. Ни за что на свете я не отправлю свою жену в центр потенциально опасной ситуации. — Этого не произойдет, Эм, так что даже не пытайся.

Ноэми вырвалась из моей хватки и повернулась лицом ко мне в темноте. — *Пожалуйста*, Коннер. Это я должна поговорить с дядей. Я хотела с самого начала, но так беспокоилась о защите Санте, что сдерживалась. Это я должна это сделать, и тогда ты и твоя семья не окажетесь в центре событий.

Мне это ни капли не понравилось, но она была не совсем права. Если бы я был на ее месте, я бы утверждал то же самое. — Ты знаешь, что твой брат сейчас не в большей безопасности, чем раньше.

Она вздохнула, снова расслабившись в моих объятиях. — Я знаю, но это должно быть сделано. И я бы предпочла этот путь, чем... ну, скажем так, втягивать в это тебя и твою семью, что только ухудшит ситуацию.

Я хмыкнул, раздраженный тем, что она все поняла. — Я не даю никаких обещаний, но я подумаю об этом.

Организовать встречу, чтобы она поговорила с дядей, было бы не так уж плохо, но я не мог представить, как можно не присутствовать на ней. А если бы я присутствовал, то мог бы и сам с этим разобраться. Все это было дерьмовой ситуацией. Мне не нравился ни один из вариантов, но я знал, что мы должны что-то предпринять, даже если это будет игнорирование всего этого.

Я лежал и продолжал размышлять, пока моя молодая жена погружалась в сон. Возможно, после нашего разговора ей стало легче, но я прекрасно понимал, что она уклонилась от ответа на мой вопрос о причинах убийства ее матери. Фаусто не разбушевался и случайно ударил свою жену со всей силы. Она погибла в автокатастрофе, а значит, ее смерть была преднамеренной. Это не было бытовым, это было убийством.

Но как я мог винить Ноэми за то, что она сдерживалась, когда я делал то же самое?

Я до сих пор не рассказал ей о своем отце. Я должен был, но слова были заперты внутри. Правда все еще казалась слишком голой. Слишком невероятной, чтобы быть настоящей.

И если бы я и так не был переполнен своими чувствами из-за откровения Мии, то

беспорядочная буря эмоций, которую вызвала моя жена, точно бы выбила меня из колеи. Я был чертовски зол, когда вернулся домой и обнаружил, что квартира пуста. Злился, переживал и был чертовски разочарован. Но как только я увидел искренний страх, который она испытывала за меня, за мою безопасность, все это растаяло и осталось только жгучее желание.

Хорошо, что она предложила мне себя, потому что я был так чертовски жаден к ней, что не был уверен, что смог бы сопротивляться тому, чего хотел. То, что мне было *нужно*.

Я провел пальцами по тонкому изгибу ее позвоночника. Податливый, но сильный, как и она.

Я никогда не встречал женщину, которая была бы такой жизнестойкой. Я думал, что мне нужна ее мягкость, но именно ее яростное упорство вцепилось в меня своими когтями. Я не мог не уважать ее силу.

В моем мире уважение было всем.

В связи с этим возник вопрос, заслужил ли я ее уважение. Очевидно, нет, учитывая, что она все еще хранила секреты. Уважение идет рука об руку с доверием. Что мне нужно было сделать, чтобы доказать, что я достоин?

В груди заныло от того, что я снова столкнулся с этим вопросом.

В детстве я много лет задавал себе вопрос, почему моя родная мать отдала меня на усыновление. Когда я повзрослел и узнал, что она была матерью-подростком, я понял, что ее действия не были отражением ее чувств ко мне, однако эхо этих чувств все еще будоражило меня в глубине моей памяти.

Я хотел быть уверенным в чувствах Ноэми ко мне. Я хотел знать, что ее влечет ко мне так же безвозвратно, как и меня к ней, и был только один способ добиться этого — я должен был стать воздухом, которым она дышит. Сделать себя настолько незаменимым, чтобы она не могла представить себе жизни без меня. И первым шагом в этом процессе было устранение Фаусто Манчини из ее жизни, чего бы это ни стоило.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я должна была признать, что могу потерять его. Независимо от того, насколько стратегически или искусно я закладывала основу для возвращения брата на свою сторону, существовала определенная вероятность того, что он отвергнет все мои усилия. Я чувствовала, что вероятность такого исхода возрастает с тех пор, как я пошла в закусочную с Санте. Он был таким чертовски идеалистичным. Его отчаяние от одобрения отца было почти осязаемым. Это делало его слепым к папиным недостаткам, даже самым вопиющим.

Санте не был готов услышать правду, но у меня уже не было времени. Отсрочка, которую дала смерть мамы, подошла к концу. Судя по загадочному намеку Санте на то, что отец продвигается вперед со своими планами, я должна была принять решение. Я могла позволить Коннеру втянуть себя в мою семейную драму и подвергнуть его риску, или я могла сделать первый шаг, что почти наверняка вывело бы Санте из-под моего влияния, возможно, навсегда.

Я не могла гарантировать, как будет развиваться любой из этих сценариев, но мне казалось, что придется выбирать между мужем и братом — выбор, о котором я никогда не подозревала. И уж точно я никогда не думала, что, оказавшись перед такой дилеммой, я позволю своему брату ускользнуть.

Я лежала в объятиях Коннера, когда уверенность боролась с болью в сердце, высекая пустоту в моей груди. Я интуитивно понимала, что нужно сделать.

Я должна была выбрать Коннера.

Как я могла надеяться, что у меня будет муж, который поставит меня на первое место, если я не готова сделать то же самое для него? Вот почему, когда Коннер спросил о причине смерти моей матери, я не могла ему сказать. Только если это означало, что он будет вовлечен. Если он и другие ирландцы навлекут на себя гнев моего отца, они все окажутся в опасности. Это того не стоило, если я могла сама разобраться с этим делом, не подвергая их риску.

Поскольку Коннер разнюхивал и вмешивался, мне нужно было сделать свой ход.

То ли оттягивание неизбежного, то ли усталость от прошедшей ночи, но на следующее утро я вставала медленно. Коннер уже давно ушел, когда я поплелась в душ. Мои конечности налились свинцом и тяжестью ответственности. Но в противовес этому неприятному бремени между ног ощущалась эротическая болезненность, которая напоминала мне о надежде и о грядущих лучших вещах. Она напоминала мне, что причина моего решения стоила возможных последствий.

Час спустя я была готова встретить свой день, что бы это не повлекло за собой. Я начала так поздно, что когда я вошла в кухню, уже близился полдень. Желудок все еще бурлил в такт моим бурным мыслям, и мне удалось запихнуть в себя только банан, прежде чем я решила начать действовать и позвонить Пиппе.

— Привет, сестренка. Как дела? — тепло ответила она.

— Мне просто нужен номер телефона дяди Агостино.

Молчание.

— Зачем? — настороженно спросила она.

Я боялась, что это случится. — Это не совсем то, о чем я могу говорить.

— Не-а, — отмахнулась она. — Не допустимо. Не снова. Ты говоришь мне, что, черт возьми, происходит. Я буду там через десять минут.

Я уставилась на свой телефон, линия была отключена. У меня даже не было шанса возразить.

Ну, черт.

Пип увидит любую ложь насквозь, и я сомневалась, что она оставит это без внимания, пока не вытянет из меня хоть что-то. Я подумала о том, что я могла бы рассказать против того, чтобы сдерживаться, но внезапно все это показалось мне бессмысленным. Я собиралась поговорить с дядей Агостино, как только закончу с Пиппой, так что я вполне могла бы рассказать ей правду.

Верная своему слову, Пиппа была у моей двери чуть больше десяти минут спустя. Как только она уселась со мной за кухонный стол, я начала с самого начала. Струйка информации превратилась в прорвавшуюся плотину, каждый инцидент и эмоции за предыдущие семь месяцев выплескивались из своей тюрьмы глубоко внутри меня.

— Этот сукин сын. — В глазах Пиппы стояли слезы, но в ее золотых радужках сверкала ярость. — Я рада, что ты заставишь его заплатить, потому что кто-то должен это сделать.

— Я знаю.

— Это уже слишком. Мне нужно выпить, прежде чем я сама поеду туда и выпотрошу эту свинью.

Я выдохнула небольшой смешок. — Я бы и сама не отказалась выпить. — Я чертовски волновалась за Санте и за то, как все это будет развиваться. Если отец узнает, что я поехала к Донатису, а дядя не предпримет быстрых действий, неизвестно, что отец может сделать, прежде чем его остановят.

— Что тебе нужно? — спросила я, обшаривая винный шкаф. — Здесь много виски.

Моя кухня скорчила гримасу, дрожа всем телом.

— Да, то же самое. Водка или текила?

— У него есть Patrón?

— А... да, есть немного в подсобке. — Я встала на цыпочки, чтобы достать широкую стеклянную бутылку, затем принесла ее к столу, где сидела Пип с двумя простыми рюмками. — Соль и лайм?

— Неа. — Она отмахнулась от этого предложения. — Слишком похоже на праздник. Думаю, мне нужен ожог.

Я не могла с этим поспорить. Наполнив наши рюмки, я подняла свою в воздух и опрокинула в себя прозрачную жидкость. Пип последовала моему примеру, и мы обе закашлялись, когда огонь опалил наши глотки.

Как только мы пришли в себя, к нашей маленькой вечеринке присоединилась тяжелая тишина.

— Все это время, да? — наконец сказала Пип, ее голос был полым.

— Да.

— Мне ужасно стыдно, что я не знала.

— Ты не могла, — попыталась заверить я ее.

Она покачала головой. — Но я знала, в каком-то смысле. Я чувствовала, что что-то не так в том, что ты не выходишь из дома. Я просто не послушала свою интуицию. Это меня бесит.

— Послушай, я знаю, что он сделал, уже более шести месяцев и до сих пор ничего не предприняла, — сказала я более решительно, наливая нам еще две рюмки.

— Как ты могла? — вытаращилась она. — Он держал тебя в плену большую часть этого времени.

— Я могла бы найти способ, — пробормотала я.

— Мы не можем играть в эту игру. Очевидность — это двадцать-двадцать и все такое. — Она опрокинула рюмку, и я сделала то же самое, прежде чем включить стереосистему и синхронизировать телефон, чтобы включить музыку из одного из моих плейлистов. У меня они были организованы по настроению, и сегодня я выбрала самые мрачные и депрессивные песни.

— Как дела с Коннером? — спросила она, когда заиграла музыка.

— На удивление хорошо, вообще-то. — Мои щеки запылали. Я молилась, чтобы она списала это на выпивку, но не повезло.

— Боже мой. Ты покраснела. Вы же занимались сексом, не так ли?

Я встретилась с ней взглядом, в котором сверкали эротические воспоминания о прошедшей ночи.

— Да, черт возьми! Это требует еще одной рюмки. — Она схватила бутылку и начала наливать.

— Вот дерьмо, Пип. Ты хочешь, чтобы мы напились до потери сознания? — Я уставилась на нее, но не смогла полностью подавить улыбку, дразнящую уголки моих губ.

— Эй, если нам повезет, мы забудем, какая у нас хреновая семья.

Что я могла сказать, кроме как: — Я выпью за это.

После этого я больше не пила, но мой почти пустой желудок поглощал алкоголь прямо в кровь, пока голова не закружилась, а фильтр мозг-рот не сломался. Мы с Пип говорили обо всех мелочах, о которых не успели поболтать за время моего отсутствия. Мы обсуждали важные вещи, но все было по-другому. Это было то, что было раньше — разговор о платье, которое она подумывала купить для вечеринки в честь рождения ребенка кузины, и обсуждение того, почему новый сезон нашего любимого сериала не соответствует нашим стандартам. Наш разговор был легким и непринужденным и протекал как летний бриз. Так было до тех пор, пока не зазвонил мой телефон.

— О Боже. Это Коннер. — Мои глаза расширились.

— Просто не отвечай, если не хочешь.

— Точно, и чтобы меня отшлепали по заднице? — Я прикусила губы, когда поняла, что сказала, и мы оба разразились смехом. — *Шши...* прекрати, — шипела я сквозь смех. Взяв трубку, я глубоко вздохнула и приняла вызов. — Алло?

— Привет. У тебя хорошее утро?

— Да. Пришла Пип, и мы с ней сидим. — Я изо всех сил старалась говорить совершенно трезво, но чуть не раскололась, когда моя кузина зашлась в приступе хихиканья.

— Что это было?

— О, просто Пип глупая. А ты что? — Теперь у меня на глаза навернулись слезы от напряжения, вызванного необходимостью сдерживать смех.

— Сегодня утром я обсудил с Кейром ситуацию с твоим отцом, и мы решили, что слишком много факторов в игре, чтобы позволить тебе справиться с этим. Я сказал, что подумаю над тем, что ты сказала, но это невозможно. Но у нас есть план, и пройдет не так много времени, пока он станет далеким воспоминанием.

— Подожди... что? — Мой заторможенный мозг пытался обработать то, что он сказал. — План? Ты не можешь планировать, когда ты даже не знаешь... Нет, Коннер. Это... совсем не... ты не можешь. — Эмоции и алкоголь перемешали мои слова, и я не могла вымолвить ни одной законченной мысли.

Тишина, более темная, чем тень, нависла над линией.

— Ты пила? — наконец спросил Коннер, низким и угрожающим тоном.

Я вызывающе подняла подбородок, хотя он не мог этого видеть. — Я замужняя женщина. Думаю, я могу выпить, если захочу.

— Не хочешь рассказать мне, почему ты хочешь надраться до обеда?

— Не-а. — Я гордо выкрикнула *Н*. — Если ты можешь делать все, что хочешь, то и я тоже. Я имею в виду, с чего ты взял? Я выбрала *тебя*, Коннер. Не Санте. *Тебя*. А ты просто собираешься все испортить... Я имею в виду. *Ух!* — Моя мини тирада вырвалась из глубины души, гейзером, который я не смогла сдержать.

— Я буду дома в десять.

Линия оборвалась.

Я перевела взгляд на Пиппу, которая прикрыла рот рукой, а брови коснулись линии волос.

— Вот дерьмо, — вздохнула она.

Вот дерьмо — это точно.

Моя кузина встала. — Было весело, но мне пора идти.

— Усади свою тощую задницу на место. — Я вскочила на ноги и указала ей на стул. — Теперь ты меня не бросишь. Ты просила алкоголь, который заставил меня шевелить губами. Ты можешь оставаться здесь и действовать как мой буфер.

— Эм, это будет безумно неловко.

Я покачала головой, на сто процентов непреклонная. — Нет. Мне все равно. Ты. Останешься. Здесь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Мы с Пиппой сидели на диване, когда входная дверь со щелчком открылась. Мы обе сидели неподвижно, как статуи. Коннер медленно вошел внутрь, его взгляд устремился на меня, как только он появился в поле зрения. Он оставил дверь открытой, что казалось странным, пока он не заговорил.

— Пора идти, Пиппа. Бишоп в холле, чтобы отвезти тебя домой. — Он разговаривал с моей кухней, но не сводил с меня глаз.

— А что, если она не хочет уходить? — упрямо спросила я.

— Я попрошу Бишопу увести ее.

Рука Пипа сжала мою. — Я же говорила тебе, что это не очень хорошая идея. Прости, детка, но я ухожу. Тебе и твоему мужчине нужно все обсудить.

Логика подсказывала мне, что она была права, и я просила слишком много, но я все равно чувствовала себя немного преданной, глядя, как она убегает. Дверь с щелчком закрылась за ней, оставив меня наедине со всеми шестью футами с небольшим разъяренного мафиози.

Я даже не была уверена, почему он так рассердился. Я не сделала ничего плохого. Я не нарушила ни одного из его правил, и уж точно никого не сожгла заживо и не передала информацию полиции. По моему скромному мнению, это делало меня почти образцовой женой мафиози. Так почему же под его пристальным взглядом мне стало жарко и чешется кожа?

— Не хочешь рассказать мне, почему ты решила начать пить до того, как взойдет солнце? — спросил он, подбираясь ближе.

— Ты говоришь так, будто это хуже, чем есть на самом деле. — Как будто он никогда не начинал день с неприятностей.

— Насколько я могу судить, это довольно большое отклонение от нормы. Я предполагаю, что это как-то связано с твоим отцом, учитывая твою реакцию, когда ты узнала, что у нас есть план, в котором ты не участвуешь. Я бы сказал, что это прозвучало так,

будто ты расстроена тем, что мы посягнули на твои планы. У тебя есть что-то запланированное, о чем я должен знать?

Не в силах больше выдерживать его пронизывающий взгляд, я вскочила с дивана и начала пятиться. — У меня действительно *был* план. Как я уже говорила тебе, я собиралась уладить дела с отцом. А потом ты должен был вскочить, как чертов рыцарь в сияющих доспехах, и прийти мне на помощь. — Я размахивала руками, с каждым словом приводя себя в еще большее бешенство. — И если ты убьешь себя, мой выбор будет напрасным. Я потеряю вас обоих, разве ты не понимаешь? — Я помедлила и умоляюще посмотрела на него, надеясь, что он одумается.

— Ни капельки. — В отчаянии он скрестил руки на груди и глубоко вздохнул. — Объясни мне, Ноэми. Какой выбор будет напрасным?

— Выбор тебя, — прошептала я. — Я единственная, кто остался у Санте. Я должна была выбрать его, но не смогла, потому что больше всего волновалась *за тебя*. Если ты вмешаешься, он *убьет* тебя.

— Твой отец?

— Да. Он убьет тебя и любого, кто попытается его остановить. Вот почему я не могла сказать тебе правду, разве ты не понимаешь? Потому что если бы ты узнал, что задумал мой отец, тебе пришлось бы рассказать Донатису, и тогда ты оказался бы в опасности. Я не могу этого допустить. Я не могу сидеть и смотреть, как тебе причиняют боль. И меня бесит, что мне пришлось выбирать между защитой тебя или брата, потому что так не должно было быть. Я не должна была влюбиться в тебя. Я говорила себе, что никогда не стану такой, как моя мать. Я сказала себе, что не выйду замуж за такого человека, как мой отец. Я знаю, что мне только разобьют сердце, потому что это никогда не должно было быть реальным, и даже если ты говоришь, что это реально, клятва, которую ты дал своей организации, всегда будет на первом месте. Я знаю, как все это работает. Я прекрасно знала, что мне лучше не проявлять заботу о тебе... — Мое дыхание сбилось, раздражение и беспокойство стольких месяцев настигли меня, и я поняла, что мои слова были правдой — я влюбилась в Коннера Рида.

Слезы затуманили мое зрение, когда я наконец подняла взгляд на своего мужа. Он не сдвинулся ни на дюйм, пока я выплескивала свои страхи и неуверенность, извергая все нефилтрованные мысли к его ногам. Я даже не была уверена в том, что именно я сказала, но я знала, что это было не очень хорошо, когда его кипящий взгляд пронзил меня насквозь. Его тело вибрировало от каждого тихого проклятия и яростной мысли, которую он отбивал.

— Если ты думаешь, что я похож на твоего отца, значит, ты *ни черта* обо мне не узнала. — Его слова гремели и дрожали от вынужденного спокойствия, но каждое из них было пронизано болью. Они прорезали путь в моем сердце, пока я смотрела, как он уходит, оставляя меня безнадежно растерзанной и одинокой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сначала у меня отказали колени. Затем рыдания перешли в всхлипывания, и я рухнула на землю.

Что я наделала? Я пыталась сказать ему, что он мне дорог, что я предпочла его своей семье, но все вышло не так. Я *действительно* знала его. И то, что я сказала, было правдой, не так ли? Его клятва братьям Байрн превзошла бы все остальные, потому что именно так все и происходит с мужчинами в этой сфере деятельности.

Верно?

Пугающая неуверенность заполнила мои внутренности, как ледяной туман, пока мои кости не затрещали и не задрожали.

Неужели я необоснованно осудила Коннера? Он согласился на брак ради блага своей организации. Это казалось показателем того, что он ценил больше всего — что он был готов отбросить свой шанс на любовь ради союза. Но обязательно ли его готовность согласиться на это предложение исключала возможность того, что любовь для него важнее долга?

Я вспомнила, как он тонко или открыто противостоял моему отцу. Каждый из этих поступков подрывал цель союза и ставил под угрозу ирландско-итальянские отношения. Но он все равно делал это. Ради меня.

Все это время он показывал мне, что ценит меня больше, чем простой контракт, но я была слишком напугана, чтобы увидеть это. Слишком боялась, что мне будет больно признать, что Коннер никогда не сможет быть таким, как мой отец. Я видела то, что хотела видеть, чтобы защитить себя, и тем самым причинила боль человеку, который преданно стоял на моей стороне. Человека, который хранил четки своей биологической матери на комодке и знал любимое лакомство своей бабушки. Если бы я присмотрелась, то увидела бы, что долг, который он чувствовал, был обусловлен исключительно семьей, в которой он работал. Для него были важны люди, а не организация.

Что я натворила?

Я должна была все исправить, но как? Я вытерла соленые остатки слез и оглядела

пустую квартиру. Мне нужно было поговорить с Коннером и извиниться. Он не захочет, чтобы я уходила, поэтому мне придется позвонить ему и надеяться, что он ответит.

Схватив телефон, который он мне дал, я набрала номер мужа. Алкоголь уже давно вытек из моего организма, и на его месте расцвело чувство решимости.

— Да. — Его голос был твердым, как полированная сталь, но мои глаза закрылись от облегчения, что он ответил на мой звонок.

— Я не должна была быть с ней в тот день, — начала я, решив выложить ему все, что у меня есть, и надеяться, что этого будет достаточно. — У меня были занятия по вокалу по вторникам и четвергам, но она попросила меня поехать с ней в гости к дяде Агостино. Я видела, что она волнуется, поэтому согласилась. Как только мы сели в машину, она начала рассказывать мне, как подслушала, что мой отец замышляет убить дядю. Как папа много лет был в ярости от того, что Агостино обошел отца в борьбе за роль босса. Папа был возмущен, когда в прошлом году Ренцо повысили до младшего босса в возрасте всего двадцати семи лет. Он решил, что это его заслуга, и с того дня начал строить планы захвата власти. Я могла сказать, что мама была в ужасе. Она сказала мне, что должна была предупредить брата, но каждый мускул ее тела был напряжен от страха перед последствиями. Я помню это, как будто это было вчера, — прошептала я, мысленно воспроизводя сцену в ярких деталях, пока слезы текли по моим щекам.

— Я не знаю, как он узнал, что она будет в машине в тот день, или как он это сделал, но как только мы выехали на шоссе, ее нога начала колотить по педали тормоза. Ничего не произошло. Мы продолжали ехать все быстрее и быстрее. Ей приходилось объезжать машины, все время шептала: "О Боже. Он знает". Авария произошла в замедленной съемке. Кто-то не заметил, как мы разогнались, и выехал на нашу полосу. Мама вильнула, потеряла управление, и нас закрутило. И мы крутились. Пока машина не завертелась вокруг фонарного столба со стороны водителя. — Мне пришлось сделать паузу, чтобы отдышаться. Я не могла набрать достаточно воздуха. — Было так много крови. У нее не было ни единого шанса. — Мои глаза закрылись, чтобы отгородиться от ужасного зрелища, а когда они снова открылись, Коннер был там, стоял в дверях.

— Ты вернулся, — вздохнула я, телефон медленно опускался от моего уха.

— Я так и не смог пройти дальше вестибюля. Я не хотел оставлять тебя одну. — Он был здесь, но его лицо все еще было под суровыми углами, а тело — жестким от сдержанности.

— Ты был прав. Мой отец причинял мне боль и использовал угрозы причинить боль Санте, чтобы контролировать меня. Каждый день после смерти мамы был кошмаром. Мне так жаль, что я не рассказала тебе раньше. Я боялась, что если ты узнаешь, то подвергнешь себя опасности, а я уже потеряла... — У меня перехватило дыхание. Я сглотнула эмоции и заставила себя продолжать. — Я уже потеряла одного человека, о котором очень сильно заботилась. Я не могла потерять еще одного. — Я встала, но не подошла к нему. — Я никогда не была близка с отцом, но то, что он сделал, было таким предательством. Я никогда не думала, что он способен причинить нам такую боль. Это заставило меня испугаться его и того, что мне снова будет так больно. Но ты был прав, ты не такой, как он. Я бы никогда не отдалась тебе, если бы в глубине души верила, что ты такой. Ты бы никогда не причинил мне боль, — прошептала я. — И мне так жаль, что я причинила тебе боль. — Я вытянула руки по бокам, мое лицо было залито слезами. — И вот я здесь, отдаю тебе все. Это я. Вся я. Больше никаких секретов.

Время остановилось.

Глаза Коннера горели напряжением.

— Раздевайся. — Его голос был лишен эмоций, но я не боялась. Я бы сделала все, что он попросил, чтобы исправить то, что я сломала.

Я сняла футболку через голову и бросила ее на пол. Затем лифчик, джинсы и трусики. Пока я не предстала перед ним обнаженной. Никаких сомнений. Никаких колебаний.

— На колени. — Его черный приказ лизнул меня по позвоночнику.

Я повиновалась без колебаний.

— Теперь закрой глаза. — На этот раз мягче. Почти гипнотически.

Мои веки опустились, а уши заложило от звука его приближения, пока он не оказался рядом, зловещий и кипящий, как разъяренная гадюка.

— Почему твой отец предложил тебя для союза?

Вопрос удивил меня, но я не показала этого. Я просто ответила на его вопрос. — Я думаю, потому что он хочет, чтобы эта связь помогла ему утвердиться в роли босса, когда он убьет моего дядю и кузена. Он не хочет рисковать тем, что капо поддержат кого-то другого.

— Он все еще замышляет убить Донатиса? — Вопрос был холодным и отстраненным.

— Думаю, да. Я говорила с Санте, и он выглядел обеспокоенным. Он не сказал почему, но я думаю, что мой отец снова начал строить планы. После смерти мамы ему пришлось все отложить, чтобы не вызвать подозрений.

Тишина набросилась на меня со всех сторон. Первобытный инстинкт внутри меня кричал от уязвимости и умолял меня хоть мельком взглянуть на окружающее, но я не обращала на него внимания.

— Встань, — наконец приказал Коннер, медленно обходя вокруг меня.

Я поднялась на ноги, слегка покачиваясь от волнения.

— Тебя целовали до меня?

— Да, — прошептала я, не сдерживаясь, как в первый раз, когда он спросил.

— Сколько?

— Двое.

— Они прикасались к тебе здесь?

Я задохнулась, когда его теплая ладонь обхватила мою киску. Я повернула голову из стороны в сторону. Его рука пронеслась вверх по моему телу, а другая присоединилась к моим грудям, где они обхватили тяжелую плоть и ущипнули соски.

— А здесь? — Его голос был неровным.

Я отчаянно хотела открыть глаза и увидеть его, чтобы убедиться в том, что его гнев угасает, но важнее было преодолеть пропасть, разверзшуюся между нами. — Да.

— Сколько? — выдохнул он.

— Только один.

В ответ раздалось ворчание. — Повернись. — Он был достаточно близко, чтобы дотронуться, если бы я только протянула руку, но я сделала, как он велел, и повернулась к нему спиной. Он придвинулся ближе, пока тепло его тела не стало пьянящей приманкой, умоляя меня отступить и схватить то, что было вне моей досягаемости. — Мне нужно твое доверие, Ноэми. Покажи мне, что я могу доверять тебе. — Гравийный шелест ласкал мою кожу, вызывая легион мурашек по рукам и ногам.

Я снова кивнула, готовая отдать ему все.

Его тело медленно прижалось к моему, его передняя часть к моей спине. — Держи глаза закрытыми. — Его руки потянулись за моими, его тело побуждало меня двигаться

вперед, делая по одному маленькому шагу к тому, что, как мне казалось, было стеной с окнами.

Мое дыхание стало неровным и поверхностным от неуверенности. На улице было светло, и хотя окна были затонированы, нас можно было увидеть, если кто-то смотрел.

А в городе всегда кто-то смотрел. Ждал. Наблюдал.

Коннер прижал мои ладони к теплему стеклу и с помощью своей ноги приказал мне развести ноги в стороны.

Я чувствовала себя такой открытой и обнаженной. Мои соски мучительно напряглись под воображаемым прожектором зрителей. Мое тело реагировало на эротическую природу моей ситуации, независимо от того, хотела я устраивать шоу или нет, а я предпочитала этого не делать. Я не была эксгибиционисткой по натуре, но я хотела доказать Коннеру свою правоту. Он просил моего доверия, и я отчаянно хотела дать ему то, что он хотел.

Позади меня послышался звон пряжки его ремня и шорох ткани. Когда его руки наконец вернулись ко мне, они были властными и в то же время нежными. Он положил руку на мой живот, оттягивая мою задницу назад, а другой рукой обхватил мою шею, прижимая мое лицо к стеклу. Мои внутренние мышцы сжимались и болели, когда мягкая кожа его члена касалась моих складок.

— Ты уверена, что доверяешь мне, даже если я трахну тебя у стекла так, что весь мир увидит? — Его резкие слова хранили последние остатки его гнева, потрепанные и огрубевшие от отчаяния.

— Да, Коннер. Я доверяю тебе.

— Тогда открой глаза. — Он произнес эти слова на вдохе за секунду до того, как глубоко вошел в меня.

Мои глаза распахнулись, изумленное удивление и пьянящее облегчение перехватили дыхание, когда я увидела перед собой матовое стекло. Я не была уверена, как он это сделал, но вся стена окон стала непрозрачной.

Он не рискнул выставить меня напоказ. Все это было уловкой.

Я повернула лицо, чтобы посмотреть на него, как раз когда он снова вошел в меня, вырвав стон с моих губ. Коннер обхватил мое горло и сблизил наши рты в таком трогательном поцелуе, что он мог бы положить конец войнам и свергнуть королевства.

— Я никогда не подвергну тебя опасности, ни тело, ни душу. Ты понимаешь? — спросил он, в его голосе прозвучала настоятельная просьба.

— Да, — вздохнула я, страстно желая его больше.

— Тогда держись, детка, потому что мне нужно трахнуть тебя быстро и сильно. — Он вернул свои руки на мои бедра и начал входить в меня. Изголодавшись по его прикосновениям, я отталкивалась от его толчков, наслаждаясь ощущением соединения наших тел.

Мне казалось, что мы плетем заклинание — нечто глубокое и грандиозное, что свяжет нас гораздо крепче любых клятв и обетов.

Коннер внезапно остановился, развернул меня лицом к себе, а затем поднял меня на руки. — Мне нужно тебя увидеть.

Я обхватила ногами его талию, когда его губы прильнули к моим, а его член снова оказался в гостеприимных объятиях моего плачущего ядра.

Пока моя спина была прижата к стеклу, Коннер трахал меня с полной отдачей. Все это время его глаза не отрывались от моих. Наши тела были расположены так, что мои соски и

клитор терлись о него при каждом толчке моего тела на его пульсирующем члене. Когда его пальцы подо мной приблизились, чтобы подразнить запретную ложбинку на моем заду, эротический порыв был слишком сильным.

— *Коннер*, — прохрипела я, мое тело взорвалось в каскадной лавине удовольствия.

— Вот так, Эми, — прорычал он. — Кончи для меня, блядь. — Он ненадолго удвоил свои усилия, прежде чем зарычать, крепко прижимая меня к себе, его тело пульсировало от удовольствия.

Моя голова кружилась от громоподобного оргазма. Когда Коннер двинулся, чтобы отвести нас от окна, я вздрогнула от стимуляции моей сверхчувствительной плоти.

— Я могу идти, — пробормотала я, зная, что его ноги должны были устать.

Коннер только хмыкнул.

— Упрямый. — Я усмехнулась на его коже. — Куда ты меня тащишь?

— В душ. Сначала я буду смотреть, как моя сперма стекает по твоему бедру, потом я буду смывать ее и заменять новой, пока ты не начнешь понимать, что ты моя.

Я медленно отклонилась назад, чтобы видеть его лицо, и он мог видеть искренность на моем, когда я прошептала: — У тебя получается.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Сердечная боль в ее голосе была слишком сильной. Несмотря на затаенную злость, я должен был вернуться в квартиру, когда она позвонила. Я должен был быть рядом с ней, даже если я не мог заставить себя прикоснуться к ней, пока не буду уверен, что она понимает всю серьезность своей ошибки.

Мы с ее отцом были совсем не похожи. Абсолютно *ничем*.

Я скорее умру, чем позволю своей семье пострадать, не говоря уже о том, чтобы навредить им самому. Фаусто Манчини был чертовой мразью. Я был рад, что Ноэми рассказала мне всю правду, потому что это оправдывало события, которые я затеял, чтобы

уничтожить этого ублюдка. Его правление террором было закончено. Он просто еще не знал об этом.

— Мы с Кейром договорились о встрече с Донатисом. — Я усадил Ноэми на туалетный столик, держа свое тело между ее ног. — Ты доверяешь мне справиться с этим?

— Доверяю. — Она кивнула. — Я просто беспокоюсь о Санте.

— Я знаю, и я сделаю все возможное, чтобы он не оказался втянутым в это. — Я не мог насмотреться на ее неприкрытую невинность в ее зеленом взгляде. Наклонившись назад, я посмотрел на ее внутреннюю поверхность бедер и провел пальцами по липкой влажной коже. Это зрелище вдохнуло новую жизнь в мой мягкий член. — Знаешь, меня это тоже пугает. — Я посмотрел на нее сквозь ресницы.

— Правда?

— Конечно, пугает. Мне кажется, что я мог бы бросить все и провести каждый день, трахая тебя до беспамятства, и умереть счастливым человеком. Но все должно было быть не так. Я тоже не должен был хотеть тебя, — признался я.

— Немую итальянку? — поддразнила она с ухмылкой.

— Именно ее. — Я коснулся своими губами ее губ в намеке на поцелуй, возвращая свое тело к ее телу. — Итальянцы отдали меня. Почему я должен хотеть иметь с ними что-то общее?

— Ты все еще чувствуешь это? — спросила она, в ее глазах появился оттенок беспокойства.

— Нет, не совсем. И это не имеет значения, потому что ты не итальянка. Ты моя.

Ее губы изогнулись вверх. — И ты мой?

Мне было неприятно, что она сомневается. — Да, черт возьми, я твой. И это значит, что я тоже должен тебе все объяснить. С моей стороны было дерьмово не сказать тебе, и я сожалею. Когда приехала Миа Дженовезе, она сказала мне, что мой дядя Броуди на самом деле был моим биологическим отцом. — Произнесение этих слов вызвало новую волну разочарования и потери. — Столько времени, а мы и не знали. А теперь уже слишком поздно. Его больше нет.

— О, Коннер. Это душераздирающе. Мне так жаль. — Ее тело смягчилось под тяжестью осознания. — Вот почему ты пошел за албанцем прошлой ночью.

— Мне нужно было заставить кого-то заплатить за то, что я потерял. То, что было украдено у меня.

— А когда ты вернулся, меня уже не было. — Ее маленькая рука легла на мое сердце.

Моя челюсть сжалась от этого напоминания. — Я должен был рассказать тебе, что я узнал, но я не мог. Я даже не мог постичь это сам, не говоря уже о том, чтобы рассказать кому-то.

— Я не должна была уходить, не сказав тебе. Я больше не буду этого делать.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя как в тюрьме, но мне нужно обеспечить твою безопасность, и я не смогу этого сделать, если не буду знать, где ты. Скажи мне, что ты понимаешь.

Ноэми кивнула, золотой голод согревал ее зеленый взгляд, а дрожь сотрясала ее. Я не был уверен, было ли это желание или холод, или и то, и другое.

Первобытный человек внутри меня издал дикий рык. — Давай отведем тебя в душ, прежде чем я снова тебя трахну.

Моя жена была в равной степени невинной и соблазнительной сиреной — сочетание было просто пьянящим. Бишоп называл меня одержимым, но это было не так. Мое желание к ней выходило за рамки этого. Это было химическое вещество в моей крови, превосходящее всякую логику и разум.

Я был зависим от одной только мысли о ней.

Она была всем, что имело значение, и все, что угрожало ей, встречало мой гнев. Фаусто Манчини считал себя крутым, но он и понятия не имел, какого зверя он выпустил на волю.

Готов ты или нет, ублюдок. Вот. Я. Иду.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

В тот день мы провели несколько часов вместе, обнаженные в спальне. После душа он принес нам поднос с едой, сказав мне, что не хочет, чтобы я покидала его постель, потому что он еще не закончил со мной. Верный своему слову, он продолжил есть меня, как только я наелась досыта.

Мы занимались сексом, разговаривали и даже смеялись. Никто из нас не проверял свои телефоны, уделяя друг другу все свое внимание. Пока мы разговаривали, он позволил мне проследить замысловатые линии его татуировок и рассказал об их значении. Помимо моего имени на его запястье, моей любимой была свеча на его спине. Она была нарисована рельефными чернилами на сплошном черном фоне, и свет от маленького пламени, казалось, просвечивал сквозь его кожу. Он сказал мне, что это символизирует его семью Байрн и то, что они всегда были его светом в темноте.

Мое горло перехватило от эмоций.

Коннер действительно ценил свою семью так, как мой отец никогда не сможет понять. В отличие от больших мафиозных семей, которые не были по-настоящему родственными, ирландская организация возникла из семьи братьев и теперь состояла в основном из кровных родственников. Коннер и другие не так часто сталкивались с проблемами противоречивой лояльности, потому что семья и работа были одним целым.

Мои мафиозные связи привнесли в его жизнь осложняющий фактор. Мафиозные связи, в которых я никогда не хотела участвовать. Чувствовала ли я то же самое по отношению к ирландской организации? Можем ли мы когда-нибудь оказаться на перепутье, где Коннеру придется выбирать между мной и его ирландской семьей? Если да, то как я буду вести себя после этого?

Я бы не умерла, как моя мать, но я не была уверена в его преданности. Надеюсь, нам никогда не придется это узнать.

Когда мой желудок снова заурчал, Коннер приказал мне одеться и повел нас ужинать. Я не хотела разрушать чары нашего сказочного дня, но мне также нравилась идея свидания. Наш первый ужин прошел хорошо, но это было нечто другое. Более интимно. Более значимо.

Если не считать инцидента, когда он только вернулся домой, этот день был одним из лучших на моей памяти. В моей груди было странное тепло, как будто его свеча каким-то образом зажгла во мне пламя близнеца.

Воодушевленная проведенным вместе временем и двумя бокалами вина, я откинулась в кресле после еды и решила задать Коннеру вопрос, который так и тянуло задать.

— Почему я? Я предполагаю, что тебе было представлено несколько подходящих итальянок на выбор. Почему ты выбрал меня?

Его сапфировые глаза сверкнули, когда он отпил из бокала. — Много причин. Сначала я остановился на твоей фотографии из-за твоих глаз. Мне стало еще интереснее, когда меня сразу же предупредили о том, что ты молчишь. Я был... заинтригован.

— Значит, тогда ты заговорил со мной в кафе в тот первый раз?

Он наклонил подбородок в знак подтверждения. — Мне сказали, что ты была травмирована, и я хотел узнать, что это значит для меня самого.

— И что ты обнаружил? — спросила я, бесконечно любопытная к его ранним мыслям обо мне.

— Что если они думали, что ты травмирована, то они не знали значения этого слова.

— И не говоря уже. Ты точно не получил того, на что рассчитывал. — Я опустила взгляд, нотка неуверенности заставила меня застесняться.

— Лучше получить то, что мне было нужно, чем то, что я думал, что хочу. — Его непоколебимый взгляд отбросил мою неуверенность и окрасил меня в оттенки совершенства.

— Ты не слишком доверяешь себе, мистер Рид, — мягко сказала я. — В тебе есть зарождающийся романтик.

Он взболтал последний глоток вина в своем бокале. — Спорно, но я полагаю, что подходящая женщина может счесть мои искаленные усилия достаточными, миссис Рид.

Наш официант прервал разговор как раз вовремя. Если бы наш горячий взгляд затянулся, мои трусики могли бы загореться прямо посреди ресторана.

— Могу ли я предложить вам что-нибудь еще? — Молодая женщина широко улыбнулась, положив руку на плечо Коннера. Она была дружелюбна на протяжении всей нашей трапезы, и хотя я могла не обращать внимания на ее частые взгляды в его сторону, потому что он был чертовски красив, я могла позволить лишь очень многое.

— Ты можешь убрать руку от моего мужа, — сказала я твердо, но сердечно. — Тогда чек, спасибо.

Ее рука отдернулась так быстро, что я подумала, что его плечо обожгло ее. — Да. Да, мэм. Я сейчас принесу. — Она убежала, опустив голову.

— Должен сказать, — размышлял Коннер. — Я всегда считал, что ревнивая женщина подавляет, но ты хорошо это делаешь. На самом деле, я не уверен, что когда-либо видел что-то более горячее.

Румянец согрел мои щеки.

— Мне не нравится, как они все флиртуют с тобой.

— Они? — спросил он, его добрый юмор угас.

— Официантки, женщины в клубе и, наверное, любая гетеросексуальная женщина, которая встретится тебе. Они как будто не могут удержаться. Думаю, это облегчает... ну, чтобы все случилось. — Мои щеки, должно быть, пылали. Я даже не могла заставить себя держать зрительный контакт.

— Посмотри на меня, Ноэми, — уговаривал Коннер, его голос был чувственной лаской. Он продолжил, только когда его взгляд снова встретился с моим. — Я не могу говорить за тех мужчин, которых ты знала в своей жизни, но в моем мире такое дерьмо не пройдет. Если ты моя, я рассчитываю быть единственным мужчиной в твоей постели; то же самое касается и меня. Если их флирт беспокоит тебя, я пресеку это. Я не хочу, чтобы ты сомневалась в моей верности.

Я проглотила эмоции, набухающие в моей груди, как пропитанная влагой губка. — Хорошо, — вздохнула я дрожащим голосом.

— Хорошо, — сказал он, довольный тем, что его мысль была высказана. — Теперь мне нужно забежать в клуб. Это не займет много времени.

— Не проблема.

Через полчаса мы шли в Бастион. Это был мой первый визит после наступления темноты. Снаружи ничего не изменилось, но музыка, играющая в фойе, привнесла новую атмосферу. Для городских ночей было еще рано, но все определенно набирало обороты.

Шай стояла на входе, и при нашем появлении на ее лице появилась ухмылка. — Это приятный сюрприз. — Она подошла и обняла меня. Я наполовину ожидала, что Коннер станет пещерным человеком и прыгнет между нами, но, к счастью, этого не произошло. Шай, похоже, тоже заметила изменения в его поведении и бросила на него вопросительный взгляд. — Вы двое присоединитесь к празднествам этим вечером?

— Нет, — быстро ответил Коннер, положив руку на основание моего позвоночника. — Просто заскочил, чтобы взять кое-какие бумаги.

— Но как-нибудь скоро, — заверила я ее.

Глаза Шай перебежали с меня на Коннера, ее ухмылка вернулась. — Я не знаю, что здесь происходит, но я одобряю.

— Происходит то, что ты должна заниматься своими делами. — Рука Коннера подтолкнула меня вперед.

Я сдержала улыбку и помахала ей пальцем. — Пообедаем как-нибудь?

— Конечно.

Я прошла через двойные двери и вернулась в кабинет Коннера, стук моих каблучков эхом разносился по коридору. Пока я шла, мне пришло в голову, что отцом Шай был Броуди Байрн, что делало ее сводной сестрой Коннера. Они уже считали себя кузенами, но было странно думать, что она не знает, что у нее есть еще один брат.

— Я знаю, что для тебя это все в новинку, но как ты думаешь, ты им скажешь? — спросила я, когда мы остались одни в офисе. Я знала, что он понял, что я имела в виду, когда он не ответил сразу.

Его глаза были устремлены на бумаги в его руке, а черты лица ожесточились. — Я еще не решил.

Я присоединилась к нему за столом, положив руку на его руку. — Я могу только представить, как это страшно, — мягко сказала я. — Кто-то на твоём месте мог бы беспокоиться, что они откажут в притязаниях или посмотрят на тебя по-другому. Я не так много общалась с ними, но не думаю, что это произойдет. Думаю, они были бы в восторге, узнав, что ты с самого начала был частью семьи, в которой родился.

Его взгляд поднялся к моему, и он открыл мне неприкрытый взгляд на изменчивые глубины своих чувств по этому вопросу — отчаянная жажда принятия, пожизненный страх быть брошенным и безусловная преданность своей семье. Это оставило меня потрясенной.

Не раздумывая, я поднялась на ноги и прижалась губами к его губам. Он бросил свои бумаги и встретил мое движение с таким же энтузиазмом.

Я даже не представляла, насколько больше может быть поцелуй, когда в него вовлечены эмоции, но теперь я знала. Коннер наполнил каждое чувственное скольжение своих губ страстью и обещанием. Он передал мне силу обожания, которая ошеломила мои чувства.

Когда он отстранился, у меня перехватило дыхание.

— Пора домой, — проурчал он. Я не жаловалась.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Моя мать, Миррен Рид, женщина, вырастившая меня, могла бы иметь полдюжины детей, если бы у нее была такая возможность. Несмотря на то, что она была самой младшей в своей семье, она была прирожденной воспитательницей. Насколько я понял, она держала своих трех братьев в узде едва ли не лучше, чем их родители. Возможно, это как-то связано с их обожанием ее. Но в немалой степени это было связано с ее природной способностью быть клеем, который связывал нас вместе. Когда люди встречали Миррен Рид, они подсознательно хотели сделать ее счастливой.

Из-за этой преданности, которую она внушала, я больше всего опасался рассказывать об этом своей семье. Ноэми была права. Я беспокоился о том, как эта новость повлияет на остальных, но больше всего я боялся обидеть родителей.

Папа из кожи вон лез, чтобы соответствовать маминым братьям. Будучи единственной девушкой и шурином в семье, им постоянно приходилось доказывать свою состоятельность. С этой информацией я бы забрал единственную вещь, которая принадлежала только им, и передал частичное право собственности братьям, у которых уже все было.

По крайней мере, мне так казалось.

Я не был уверен, что мои родители или кто-то еще воспримет это так же, но это был мой страх. Меньше всего мне хотелось причинять боль двум людям, которые любили меня безоговорочно.

Я думал о том, чтобы сохранить свою тайну и жить дальше, но этот вариант меня тоже не устраивал. Когда я увидел Шай в клубе и подумал о том, что она моя сестра, мне не хотелось скрывать это. Я всегда хотел иметь братьев и сестер, как у моих кузенов. Мы уже не были детьми, но это желание не исчезло. Я хотел, чтобы они знали правду.

Нутром я понимал, что расскажу им, но мне нужна была уверенность в том, что я поступаю правильно. Так я оказался сидящим в гостиной Пэдди и Наны два дня спустя.

— Если ты и дальше будешь приходить с апельсиновыми дольками, я быстро стану большой, как дом, — поддразнила Нана.

— Я могу приходить реже, если это поможет.

— Не будь дураком. Оставь конфеты своей красивой жене. Она достаточно молода, чтобы съесть весь свой вес сладостей и не набрать ни унции. Как она, кстати? — Несмотря на свою суету, бабушка достала конфету и съела ее целиком за один укус.

Я подавил ухмылку. — Вообще-то, она лучше, чем я ожидал.

— О! Эй, сейчас. Значит, дела идут хорошо, да? — Ее глаза сверкнули. — Пэдди, ты слышал? Коннер и его жена отлично ладят.

Пэдди хмыкнул. — Конечно, хорошо. Не встречал ни одного мужчины Байрна, который не смог бы очаровать женщину, если бы захотел.

Я сухо усмехнулся. — Забавно, что ты так говоришь. На самом деле, это причина, по которой я здесь.

Морщины собрались на лице Наны. — Тебе нужны уроки обаяния?

— Нет. Я хотел поговорить с тобой о мужчинах Байрн — точнее, о Броуди. — Весь юмор улетучился с моего лица, и я начал беспокоиться. — Я еще никому не говорил, но моя биологическая мать пришла ко мне несколько дней назад и сказала, кто мой отец. — Слова застряли у меня в горле, и мне было трудно продолжать.

— Ну, теперь, — вздохнула Нана. — Это вдруг обрело смысл. Ты был похож на него в детстве. Никогда не могла этого объяснить.

Мои губы разошлись в шоке. — На дядю Броуди?

— Да. В детстве его глаза потемнели до серо-голубого цвета, но когда он родился, его глаза были похожи на твои. — В ее улыбке промелькнула печаль. — Как жаль, что он так ничего и не узнал. Ты слышал это, Пэдди? — Она обратилась к мужу повышенным голосом.

— Никогда не мог держать его на поводке, — проворчал он, заставив меня усмехнуться. — Не то чтобы это имело значение. Ты все равно был одним из нас.

Пошел я.

Я не плакал с тех пор, как в шесть лет сломал запястье, прыгая со скейтборда, но

несколько слов моего деда, и мои пазухи запыхали как ублюдки. Он даже не представлял, как много его комментариев значил для меня. А может, и знал. С ним это было трудно сказать.

Я сделал медленный, ровный вдох. — Я ценю это, Пэдди, и надеюсь, что все так считают, но меня все еще беспокоит необходимость делиться правдой со всеми. Наверное, поэтому я здесь. Последнее, что я хочу сделать, это причинить боль семье, и особенно моим родителям.

Глаза Наны смягчились, складки в уголках углубились. — Ты хороший парень, Коннер. Все думают, что мои мальчики крепкие как гвозди, но моя маленькая Миррен их всех переплюнула. Она крутая, это точно. Не стоит ее недооценивать. Она и твой отец будут в восторге от того, что им повезло вырастить племянника и назвать его своим.

Я кивнул, надеясь, что она права. — Полагаю, теперь кот вылез из мешка. Мне придется рассказать всем, пока ты не добралась до них первой.

Острые глаза старухи сузились. — Ты говоришь, что у меня длинный язык, Коннер Рид? — И не мечтай. — Я усмехнулся, выхватывая апельсиновую дольку из ее коричневого бумажного пакета. Я бросил конфету в рот и встал, услышав, как Пэдди пробормотал: — Я бы так и сделал, — а Нана втянула в себя воздух.

— Что ж, это мой сигнал к выходу.

— Наверное, так будет лучше, — проворчала Нана. — Я бы не хотела, чтобы ты видел, как взрослый мужчина плачет.

Я засмеялся, обнял ее и дедушку, прежде чем выйти. Я не успел дойти до машины, как мой телефон завибрировал в кармане.

— Да, — ответил я, увидев, что звонит Кейр.

— Все готово. Пора.

Кровь в моих венах застыла так быстро, что галлон антифриза не смог бы удержать их от обледенения.

— Уже еду. — Я презирал то, что собирался сделать, но мы обсудили варианты и решили, что это лучший способ отрубить голову этой конкретной змее. Я только надеялся, что нас не укусят в процессе.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Это было последнее. Я распаковала свои вещи и нашла для всего новое место. Я все еще чувствовала себя немного странно, заполняя чужой дом своими вещами, но с каждым днем квартира становилась все более похожей на мою. Коннер даже предложил пригласить декоратора, если я захочу что-то изменить. Я не считала это необходимым, но оценила предложение. Я все еще рассматривала возможность переоборудовать одну из гостевых спален в свое личное пространство. Место для чтения или занятий йогой, которое будет принадлежать только мне.

Я стояла в дверях, перебирая варианты, когда зазвонил телефон. Как идиотка, мое лицо расплылось в глупой ухмылке, когда я увидела имя Коннера на экране.

— Привет, — тепло ответила я.

— Привет, я хотел сообщить тебе, что это случилось. — Его неожиданно суровый тон заставил меня мгновенно насторожиться.

— Что это значит? — Я знала, что он говорит о моем отце, но мне нужно было больше информации.

— Это значит, что Донатисы глубже изучили смерть твоей мамы и согласились, что за этим стоит твой отец. Мы встретимся с ними и убедимся, что твой отец больше никогда не сможет причинить вред тебе или кому-либо еще.

Приливная волна облегчения прокатилась от моей головы до пальцев ног.

Они знали. Моя семья наконец-то узнала правду, и это бремя больше не лежало на моих плечах. Мой дядя позаботится о том, чтобы отец понес наказание за свои преступления.

— Спасибо, — прошептала я, в глазах стояли слезы.

— Это еще не конец, — предупредил меня Коннер. — Мне нужно, чтобы ты оставалась на месте, пока я с этим разбираюсь. Мы все собираемся вместе, чтобы проверить это дело, поэтому у меня не будет ни одного человека, способного защитить тебя.

— Я никуда не уйду, но, пожалуйста, звони, чтобы сообщить мне новости, когда сможешь.

— Это может занять несколько часов, но я буду на связи.

— Будь осторожен, Коннер.

— Черт, ты сексуальна, когда беспокоишься. — Его голос упал на октаву.

Я усмехнулась. — Сосредоточься.

Он хмыкнул, а затем связь оборвалась. Я засмеялась, но смех быстро рассеялся, когда до меня дошла реальность опасности. Коннер собирался сговориться с Донатисами, чтобы уничтожить моего отца. Отец был не так могущественен, как они, но у него был опыт и связи. Он не сдался бы без боя.

Я не была слишком религиозной, но я закрыла глаза и тихо помолилась, чтобы с Коннером и Санте все было в порядке.

Вернувшись в гостиную, я задумалась, чем бы себя отвлечь. Я планировала порыться в холодильнике в поисках обеда, но сейчас это было не вариант. Мой желудок был слишком недоволен нервами, чтобы есть. Решив, что лучшим вариантом будет телевизор, я свернулась калачиком на диване и стала искать фильм, который мог бы занять мое внимание.

Через десять минут после начала передачи о загадочном убийстве на шоу Masterpiece Theater телефон снова зазвонил. Это был Санте, звонивший с телефона, который я ему дала. Все мои чувства обострились от тревоги.

— Санте? — ответила я, одновременно выключая телевизор.

— Эм, мне нужно с тобой поговорить. Ты можешь встретиться со мной?

— Прости, но я не могу. Это должно быть лично? — спросила я, ненавидя напряжение, которое слышала в его голосе.

— Черт, я не знаю. Мне просто очень нужно тебя увидеть. Ты сказала, чтобы я сказал тебе, если что-то случится.

— А что, если ты придешь сюда? — спросила я неохотно. Я знала, что Коннер не будет в восторге от того, что я пригласила Санте в наш дом, но я знала своего брата, и он был расстроен больше, чем я когда-либо слышала от него.

— Да, думаю, это сработает.

Я назвала ему адрес, прежде чем мы закончили разговор, надеясь, что это не было ошибкой. Я не думала, что мой брат подставит меня, но в прошлом я ошибалась насчет своего отца. Люди были непредсказуемы.

С другой стороны, мне нравилось знать, что если сегодня что-то произойдет, мой брат будет далеко от места событий. На всякий случай я достала пистолет, который Коннер хранил в своей тумбочке, и положила его в сумочку. Я обязательно буду держать его рядом с собой, когда приедет брат, и не впущу его, если кто-то придет с ним.

Уверенная в своих мерах предосторожности, я молча сидела на диване и грызла ногти, пока на стойке регистрации не раздался сигнал о прибытии брата. Они подтвердили, что он один, и я разрешила им отправить его наверх.

Он выглядел ужасно, когда приехал. В его глазах залегли тени, намекая на бессонные ночи. Даже его обычно вьющиеся волосы были матовыми и тусклыми. Больше всего меня беспокоило то, как он избегал меня, когда входил в дом. Никаких объятий. Никакого зрительного контакта. Санте был полностью поглощен тем, что он хотел мне сказать.

— Спасибо, что согласилась встретиться со мной, — наконец сказал он, нерешительно глядя на меня.

— Конечно. Тебе всегда здесь рады. — Я положила утешительную руку на его руку. — Ты можешь сказать мне, что случилось?

Он глубоко вздохнул, казалось, собираясь с духом. — Я думаю, сегодня что-то произойдет.

— Это связано с Коннером? — спросила я, предполагая, что это как-то связано с его встречей с Донатисами. Я продолжала настаивать, когда он не ответил сразу. — *Пожалуйста*, Санте. Если Коннер в опасности, ты должен сказать мне.

— Папа знает, что он встречается с Донатисами. Он думает, что они сговорились против него. Я не понимаю почему, но это серьезно. Я никогда не видел его таким.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица.

— Я думаю, он что-то планирует, но... — продолжал Санте.

— Но что?

— Я просто не могу видеть, как он это делает. Зачем ему так рисковать союзом? — Мой брат посмотрел на меня в поисках понимания.

Спокойное чувство уверенности поселилось в моих костях, говоря мне, что время пришло.

Я подняла подбородок и посмотрела в глаза брата. — Я не знала, как сказать тебе раньше. Я хотела, но время не подходило, и я боролась со своими эмоциями. Я перестала говорить, потому что знала, что за смертью мамы стоит отец. Он организовал автокатастрофу, чтобы заставить ее молчать.

Лицо Санте исказилось от шока и ужаса, когда я продолжила.

— Перед аварией мама сказала мне в машине, что узнала, что отец готовит покушение на дядю Агостино и собирается захватить семью. Поэтому мы и ехали к нему в тот день, чтобы предупредить его. Отец, должно быть, узнал и организовал аварию. Я не должна была быть с ней в тот день, но отец решил, что мама все мне рассказала, когда я выжила в аварии. Вот почему он держал нас порознь все эти месяцы и не выпускал меня из виду. Он не хотел, чтобы я попыталась сбежать с тобой или сообщить Донатису о том, что произошло.

— Сбежать? — Он покачал головой. — О чем, черт возьми, ты говоришь? Все это не имеет смысла.

Я попыталась дотянуться до него, но он отмахнулся от моего прикосновения. — Я знаю, что у тебя с ним другие отношения, чем у меня, но если ты попытаешься отбросить это и посмотреть на это объективно, ты увидишь правду — то, как он обращался со мной после ее смерти. Странное поведение. Секреты.

Я видела, как в душе поселилась неуверенность. Я делала успехи. — Если отец знает с встрече, планирует ли он что-то предпринять?

Санте озабоченно свел брови, когда наконец снова посмотрел на меня. — Он мне точно не говорил, но я как-то подслушал его разговор.

— Санте, расскажи мне, *пожалуйста*.

— Я не мог понять, почему он разговаривает с албанцами, но теперь я думаю, не нанял ли он их для этого. Как наемников.

Мое сердце упало до самых ног.

Албанцы были равнодушны к ирландцам. Они ухватились бы за возможность убить Коннера. Санте даже не подозревал о катастрофических новостях, которые он только что обнаружил.

— О Боже. Санте. Мы должны предупредить их. — Я вытащила телефон из заднего кармана и набрала номер Коннера. Звонок гудел, и каждый гудок без ответа звучал дольше предыдущего. Отправив сообщение на голосовую почту, я попробовала набрать номер

Бишопа — с тем же результатом.

Блядь! Черт! Пиздец!

Что я должна была делать? Что, если встреча уже началась, и они понятия не имели, что мой отец придет за ними?

Паника струилась по моим внутренностям, пока я не почувствовала себя беспомощной.

— *Черт!* Что нам делать? — воскликнула я.

Как будто мой срыв произвел обратный эффект на Санте, его самоуверенность и убежденность, казалось, росли с каждой секундой. Позвоночник напрягся, он расправил плечи. — Я знаю, где они находятся. Встреча еще не должна была начаться.

— Я пойду с тобой, — заявила я, хватая свою сумочку.

— Это слишком опасно, Эм.

Я посмотрела на него. — Я никак не могу сидеть здесь сейчас. Ты должен взять меня с собой.

Его губы сурово сжались. — Если я это сделаю, ты должна оставаться в машине. И точка.

— Хорошо. — Я не была в восторге от этого, но, по крайней мере, я не останусь позади. Я сказала Коннеру, что не уйду, но это было слишком важно. Он должен был знать, что его подставили. Я просто молилась, чтобы мы не опоздали.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Санте позвонил Умберто, как только мы сели в машину. Человек, выполнявший роль моего тюремщика, был не в восторге от того, что Санте присоединился к ним, но в конце концов уступил и дал указания, куда именно ехать. Встреча должна была состояться на старом складе у доков, принадлежащих мафии, но нам нужно было знать, где прячется наш отец в ожидании.

Я поняла, почему они выбрали это место. Помимо заброшенности склада, вся

территория была завалена ящиками и оборудованием, не говоря уже о припаркованных повсюду машинах. Судя по всему, работники дока использовали это место для парковки, хотя оно было достаточно далеко от реки, чтобы оставаться изолированным. Пока мы не столкнулись со следующей сменой, место было свободным.

Мы припарковались поодаль, не желая быть замеченными.

Санте велел мне пригнуться к полу. — Оставайся здесь, поняла?

Часть меня гордилась тем, как по-взрослому он говорит, а другая часть хотела настоять на том, чтобы я делала то, что мне чертовски хочется. Я не была рада тому, что снова застряла в машине, пока мужчина, который был мне дорог, шел на опасность, чтобы защитить меня, но я не стала спорить.

Я не последовала за ним, но выглянула в окно, чтобы увидеть, как мой брат уходит от машины. Он пошел к старому сараю у въезда на территорию — возможно, это был какой-то пункт контроля, когда фабрика работала. Как только Санте оказался достаточно близко, Умберто вышел из сарая между ними и складом, скрыв их от людей внутри.

Они разговаривали, и даже с расстояния их беседа выглядела напряженной. Я вдруг пожалела, что не обсудила то, что планировал Санте. Неужели он собирался рассказать им правду?

Черт, как же я это ненавижу!

Мои руки задрожали, а живот наполнился липкой тошнотой. Ощущение надвигающегося хаоса впивалось в кожу маленькими колючими крючками.

Мой брат надул грудь, бросив гневный комментарий Умберто, который в ответ поднял пистолет к голове Санте.

Это было оно. Это было то, чего я боялась несколько месяцев.

Я не могла сидеть и смотреть, как его убивают. Я должна была помочь ему.

Схватив пистолет из сумочки, я сняла его с предохранителя и зарядила обойму, прежде чем выскользнуть из машины. Я оставила дверь открытой, чтобы не создавать лишнего шума, и подкралась к Умберто сзади.

— Не двигайся, — сердито сказала я, направив на него пистолет с безопасного расстояния. — Брось пистолет.

— В чем дело, принцесса? Ты хочешь, чтобы я стоял на месте или бросил пистолет? Я не могу сделать ни того, ни другого, — ответил Умберто с невозмутимой развязностью человека, который полностью отверг мою угрозу.

— Сейчас, Умберто. — Жутко спокойный голос моего отца коснулся моих ушей, прежде чем он появился по другую сторону от Санте. — Как ты думаешь, сарказм действительно уместен на этой моей маленькой семейной встрече? — Он был воплощением бесцеремонной невозмутимости, когда поднял пистолет на Санте. — Что ты теперь будешь делать, Ноэми? Ты можешь направить пистолет только на одного из нас.

Я была в затруднительном положении. Я знала это. Он знал это. Я понятия не имела, что мне делать. К счастью, мой отец продолжал свой самовлюбленный балаган, давая мне драгоценные секунды на размышления.

— Я ожидал этого от нее, Санте. Она упрямая, как ее мать. А ты? Я думал о тебе лучше. — Он пожал плечами, словно обсуждая выбор вин в ресторане. — Вы оба мне не нужны, так что, полагаю, это не большая потеря.

Прежде чем отец успел сделать или сказать что-то еще, Санте набросился на Умберто. Он был хорошего роста для своего возраста, но не мог сравниться со зрелым мужчиной. В

ходе борьбы пистолет выстрелил, застав меня врасплох. Это было так чертовски громко, что я рефлекторно прижала руки к ушам, а пистолет так и остался зажатым в правом кулаке.

Отвлечение дало отцу шанс схватить меня и приставить пистолет к моему виску. — Прекрати сейчас же, *мать твою*, — шипел отец на Санте, а затем крепко сжал руку на моем горле. — И ты, брось эту гребаную пушку. — В его голосе звучала злоба.

За несколько ударов сердца мы перешли от противостояния к полному провалу.

Умберто снова направил пистолет на голову Санте, но на этот раз Фаусто Манчини было уже не до смеха. В его сверкающих глазах плескалось бешеное безумие.

Я сделала то, что он приказал, вздрогнув от звука, с которым мой пистолет упал на бетон.

— Ты все портишь. Прямо как твоя чертова мать. Я был в нескольких днях от того, чтобы завладеть всей семьей Моретти, когда ей пришлось попытаться стать героем. — Он тряхнул меня за шею, сильнее прижимая пистолет к моей голове. — На этот раз, однако, я не потерплю неудачу. Я в этом убедился.

— Опустит пистолет и отпусти ее. — Новый голос вступил в спор, и я узнала этот звук холодного безразличия.

Кейр и еще несколько человек вышли из ниоткуда с пистолетами наготове. Мое сердце колотилось так яростно, что удары отдавались эхом в пальцах рук и ног. С каждой секундой наше положение ухудшалось. Я была в ужасе, что нас ждет кровавая бойня.

Мой отец безудержно смеялся. — Ты думаешь, что сможешь одолеть меня? Я занимаюсь этим дольше, чем ты живешь.

Албанцы. Он черпал свою уверенность в том, что подстраховался, привлекая наемников, а наши ребята ни о чем не догадывались.

Я с мольбой посмотрела на Кейра, отчаянно желая как-то предупредить его.

Слова прижимались к моим губам, требуя вырваться наружу, но пистолет у моего виска фактически заставил меня замолчать.

Как будто судьба знала, что есть только один способ усугубить ситуацию, Ренцо Донати и Коннер появились в нашем круге уничтожения.

Глаза Коннера были безжалостно черными, каждая унция синего цвета затмевала его гнев. — Отпусти ее, Фаусто, или это плохо для тебя закончится.

Мой отец оттащил нас от них. — Вы все жалкие. Думаете, я пришел сюда один? — громко прошипел он сквозь зубы, вызывая еще одно скопление вооруженных людей, которые появились из-за машин и, казалось, из ниоткуда.

Албанцы были здесь, и они полностью окружили нас.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Как это произошло? Как могли Байрны и Донатисы стать жертвами этого человека?

Отчаяние крепко сжимало мою грудную клетку, мои глаза метались от одного убийственного лица к другому, пока беззлая усмешка не вернула мое внимание к Коннеру.

— Знаешь, я должен отдать тебе должное. Нанять албанцев, когда ты знал, что мы уже враждуем с ними, было умным ходом. Ты мог организовать убийство своей дочери так, чтобы никто не догадался. Ты беспокоился, когда она начала говорить, что она выдаст твои секреты, и ты был прав. Если бы ты добился успеха, ты бы потерял власть, которую принес бы союз, но твои секреты были бы в безопасности.

У меня в ушах звенело от шока. Те люди, которые преследовали нас в машине — их послали убить *меня*? Я предполагала, что они охотились за Коннером, но в этом и был весь смысл. Моя смерть должна была выглядеть как побочный ущерб в войне между ирландцами и албанцами, удобный способ связать концы с концами.

Пока я размышляла над его разоблачением, Коннер продолжал. — Дело в том, что ты не рассчитывал, что я захвачу одного из тех, кого ты нанял. — Коннер медленно шагнул вперед, скрестив руки на груди. — Я нашел человека, который сбежал с места преступления, и узнал о твоем участии.

Глаза Коннера метнулись в сторону. Я проследила за его взглядом до Санте, лицо которого исказилось от отвращения.

— Пришло время открыть глаза, — призвал Коннер моего брата. — Твой отец — не тот человек, каким он хочет казаться.

— Не слушай этого лживого ублюдка, — прошипел отец. — Они скажут тебе что угодно, чтобы настроить тебя против меня. Посмотри, что они уже сделали с твоей сестрой. — В страхе отец пытался склонить Санте на свою сторону.

Мой брат только больше злился с каждым словом отца. — Ты пытался убить Эми? Тебе что, мамы было недостаточно, ты, гребаный псих? — Его лицо покраснело и побагровело от

ярости, и я молилась, чтобы он не сделал ничего дерзкого.

Наш отец зарычал. — Ты едва достаточно взрослый, чтобы намочить свой член. Что ты, блядь, вообще знаешь?

— Санте, — шипела я, требуя, чтобы он посмотрел на меня. — Все в порядке. Я здесь. Он не причинил мне вреда.

— Пока нет, — прошипел отец. — Но я здесь единственный, кто контролирует ситуацию. Если ты не заткнешь свой поганый рот, я пушу в него пулю.

— Итак, Фаусто, — продолжил Коннер, возвращая наше внимание к себе. — Тебе нужно кое-что учесть. Наемники — опасный бизнес. Ты выходишь за пределы своей лояльной организации, и становится трудно доверять людям, с которыми ты работаешь. Возьмем, к примеру, этих людей. — Он указал на небольшую армию вокруг нас. — У них нет настоящей лояльности к тебе. Если бы кто-то узнал о твоей договоренности с ними и заключил более выгодную сделку, весь твой план мог бы оказаться под угрозой, не говоря уже о твоей жизни.

Мой отец застыл позади меня.

Один за другим внешнее кольцо солдат опускало оружие.

Я была ошеломлена. Коннер знал, что задумал мой отец, и сумел опередить его на шаг.

— Это *чушь собачья*, — шипел отец, отчаяние сочилось из его пор. — Я заплатил вам! Вы не можете так поступить.

Пока он выплескивал свое возмущение, мои глаза не отрывались от мужа. Его кобальтовый взгляд буравил меня, призывая быть готовой. Получив его сообщение, я втянула в себя воздух и плотно зажмурила глаза.

В тот же миг раздался выстрел, настолько громкий, что я не слышала ничего, кроме звона в ушах.

Я вскрикнула, прижав руки к ушам и отмечая теплые липкие капли на волосах.

Я знала, что произошло. Я не слышала, как его тело упало на землю, и не видела пулю, попавшую в него, но я знала, что мой отец мертв.

Медленно, через плечо я взглянула на неподвижное тело Фаусто Манчини, на багровое отверстие во лбу. Это зрелище должно было вызвать у меня тошноту, облегчение или что-то еще, но вместо этого меня охватил жуткий холод. Дрожь пробежала по моему телу, когда я обернулась, чтобы посмотреть, откуда стреляли.

Коннер стоял с вытянутой рукой, в его кулаке было крепко зажат черный пистолет.

То, что он сделал, было рискованно, но каждая его частица излучала уверенность. Я почувствовала, что он собирается сделать, и была потрясена своей полной уверенностью в нем. Еще несколько сантиметров, и мое тело безвольно упало бы на землю.

Еще один выстрел пронзил воздух вокруг нас, и все взгляды обратились к моему брату. Санте держал пистолет Умберто на вытянутой руке, а мужчина рухнул на землю. Мой брат отобрал у Умберто пистолет и хладнокровно застрелил его. Его рука не дрогнула. В его глазах не было раскаяния. Его лицо было настолько суровым от насилия, что я почти не узнала его.

Опустив пистолет, он направил его на тело нашего отца, разрядил еще один выстрел в грудь мертвеца, а затем плюнул на него.

Санте больше не был тем мальчиком, которого я знал.

Я медленно подошла к нему, чтобы не напугать, и осторожно обхватила его за плечи. Санте прижал меня к себе, прижав мою голову к своей груди.

— Мне так жаль, большая крошка, — сказал он с прерывистым дыханием.

— Мне тоже.

Когда он отпустил меня, то подошел прямо к Ренцо и передал пистолет. — Надеюсь, ты согласишься, что я понятия не имел об этом. Если бы я знал, что он сделал... — Челюсть Санте сжалась от гнева.

Ренцо опустил подбородок. — Не беспокойся об этом сейчас. В наших глазах ты все еще семья, и у нас есть время разобраться с остальным.

— Все это очень трогательно, но я бы сказал, что наша работа здесь закончена. — Мужчина с сильным иностранным акцентом вышел вперед, вместе с несколькими другими, которые держали на мушке остальных людей моего отца.

Албанцы.

Коннер переместился, поместив свое тело между иностранцами и мной. — Наша организация ценит то, что вы для нас сделали.

— Как и наша, — добавил Ренцо.

Мужчина улыбнулся, широко расставив руки. — Надеюсь, это может стать началом чего-то нового для всех нас, а? Если мы будем работать вместе, будет намного лучше для всех. — Он отдал ряд команд своим людям, которые передали своих пленников итальянским солдатам, находившимся неподалеку. — Пока мы не встретимся снова. — Он склонил голову и повел своих людей прочь от места происшествия.

Я смотрела на Коннера, в его глазах полыхала ненависть. Те же самые люди пытались убить нас и сумели убить его биологического отца. Он не собирался больше никогда работать с этими людьми. Они нажили в моем муже врага на всю жизнь, но он сделал это в этот раз. Для меня.

Я даже не могла осознать масштабы того, чего ему это стоило.

Я бросилась в его объятия. — Прости, что я ушла из дома, — хрипло сказала я. — Санте сказал мне, что отец подставляет тебя, и я должна была предупредить тебя. Я пыталась позвонить. Я была так напугана.

Коннер притянул меня к себе и заглянул в мои глаза, прежде чем опустить свои губы к моим. Никого из нас не волновали ни люди, снующие вокруг, ни два мертвых тела у наших ног. Все, что имело значение, — это прижатые друг к другу губы и обещание, что завтра все будет иначе.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

— Не смотришь в зеркало. — Я изо всех сил старался держать Ноэми подальше от зеркала в ванной. Последнее, что ей нужно было видеть, это кровь отца, разбрызганную по ее лицу. Она знала, что она там была. Это было достаточно плохо. Ей не нужно было видеть это. — Руки вверх, — мягко приказал я.

Она сделала то, что ей было велено, впад в состояние шока, пока я уводил ее с места преступления. Остальные могли заняться расследованием, уборкой и властями. Я должен был вытащить оттуда свою жену. Ее бедное маленькое тело дрожало как лист.

Когда я раздел нас обоих, мы вошли в душ. Ее глаза закрылись под горячими струями воды. Даже забрызганная кровью и разбитая, она была невероятна. Гладкая, кремовая кожа на мягких изгибах. Было завораживающе смотреть, как вода стекает по ее телу.

Я позволил ей впитывать тепло воды в течение нескольких долгих минут, прежде чем намылить ее мылом. Впервые за время наших коротких отношений она передала мне полный контроль. Мы оба нуждались в этом. После того, как я узнал, что она оказалась на складе, и почувствовал, что все наши планы превратились в полный хаос, мне нужно было ощутить чувство контроля. Мне нужно было почувствовать ее невредимое тело, теплое и живое под моими пальцами.

Ноэми откинула голову назад, чтобы я мог вымыть ее волосы. Я никогда не делал этого раньше, поэтому, когда я закончил, и она открыла наполненные слезами глаза, у меня на мгновение возникла паника, что я попал чертовым шампунем ей в глаза.

— Что такое? — спросил я, все мое тело напряглось.

— Коннер, мне так жаль. Я оставила твой пистолет на складе. Это был тот самый, из твоей тумбочки, — сказала она, ее слова становились все более неистовыми.

Я выдохнул и мягко улыбнулся. — Не волнуйся об этом, детка. — Я обхватил ее лицо ладонями. — Ребята обо всем позаботятся. Я просто рад, что если ты собиралась ехать, то поехала подготовленной. — Я прижался губами к ее лбу, виску и переносице. — Ты напугала меня до смерти, Эм. — Слова были такими же тяжелыми и разбитыми, как и мои

внутренности. Я не хотел срываться на ней, поэтому держал рот на замке, но мне нужно было, чтобы она знала, как я был напуган.

— Я знаю, и мне так жаль. Я бы никогда не пошла, если бы не волновалась за тебя.

Я притянул ее к себе, желая, чтобы мой чертов член понимал разницу между утешением травмированной жены и сексом в душе. — Я просто рад, что все закончилось.

— Я тоже. — Она отстранилась, брови сошлись вместе. — Ты сказал по телефону, что мой дядя подтвердил, что папа устроил аварию маминой машины — как?

— Они связались с детективом, работающим на Фаусто. Он подтасовал результаты расследования. Он признался, что удалил зажигательное устройство, которое уничтожило ее тормоза, и изменил отчет об аварии. Мы связаны с половиной полиции Нью-Йорка. Я бы сказал, что твоему отцу повезло, что один из наших не был первым на месте происшествия, но я полагаю, что он это тоже предусмотрел, и у него был свой человек на связи.

— У меня просто голова кругом идет. — Она слегка покачала головой. — И те люди, которые преследовали нас в машине. Их послали убить меня. Какой отец так поступает?

— Такой, который не заслуживает ни малейшего внимания. — Я поднял ее глаза к своим и держал их, пока она не кивнула. — Я просто рад, что он был достаточно глуп, чтобы заглотить нашу наживку.

— Наживку?

— Мы намеренно слили информацию о нашей сегодняшней встрече. Кейр и его люди были расставлены по периметру, чтобы Фаусто думал, что успешно окружил нас, но мы знали, что албанцы у нас в кармане. Конечно, всегда оставался шанс, что они не выполнят свою часть сделки, но мы решили рискнуть. Их лидер знал, что они облажались, сделав из нас врага, а работа против итальянцев только ухудшила бы их положение. Согласиться на то, чтобы их купили, было то же самое, что спасти свои собственные задницы. Это не обеспечит им бессрочную неприкосновенность, но пока мир.

— Ты заплатил им?

Я кивнул, ненавидя, как беспокойство проступает на ее лице.

— Сколько?

— Совершенно несущественно по сравнению с твоей безопасностью. — Я улыбнулся, надеясь успокоить ее. — И кроме того, все, что мы сделали, укрепило наши связи с итальянцами больше, чем мог бы сделать любой абстрактный союз.

Наконец, на ее губах появилась улыбка. Небольшая, но это было начало.

— Я рада. На самом деле у нас не так уж плохо. — Как только улыбка появилась, она исчезла. — Но мне так жаль Санте.

— Это был нелегкий урок, — признал я. — Но Ренцо забрал твоего брата к себе домой. Я думаю, они поговорят. В перспективе он будет лучшим примером для Санте.

— Да. — Она невинно посмотрела на меня, лесные зеленые глаза с черными ресницами. — Как ты думаешь, ты сможешь отвести меня к нему завтра?

Черт, посмотри на меня так, и я отвезу тебя на чертову луну.

— Да, мы можем это сделать. — Я приблизил свои губы к ее губам, медленно, но пылко. — А теперь давай высушим тебя и оденем, пока ты не превратилась в сливу.

— Но ты даже не помылся.

— Дело не во мне. — Я легонько шлепнул ее по попке и ухмыльнулся. — А теперь двигайся.

Две недели спустя

— Мне нужно выпить, и ты пойдешь со мной, — сказала Пип вместо приветствия, когда я ответила на ее звонок.

— Прости? — ответила я, все еще обдумывая ее слова.

— У нас не было девичника почти год, сестренка. Пришло время. И после всего, что произошло в последнее время, нам обоим не помешало бы немного развлечься.

— Полагаю, тебе повезло. Я только что разговаривала с Санте, и мне самой не помешало бы выпить.

— Да? Что сделал мой милый кузен?

Я застонала. — Он отказался от своего обещания остаться в школе. Я думаю, что у него неплохо получается, но я разочарована, что он не получит диплом.

— Он все еще живет у Ренцо?

— Да, но он подписал договор на аренду квартиры, а наш старый дом будет выставлен на продажу на следующей неделе. — Это не должно было меня волновать, потому что в доме не было ничего, что я хотела бы оставить. Я переехала и забрала все мамино имущество, которое хотела, но что-то в том, чтобы отпустить прошлое, было все еще трудно.

— С ним все будет хорошо, Эм. Не то чтобы ему нужно было идти и искать работу. Пока между вами все хорошо, это самое главное.

Я улыбнулась, посмотрев на новый браслет, который он подарил мне пару дней назад. Он был точно таким же, как и тот, что он подарил мне раньше, но на этом было написано *Большая крошка*. Он был готов разорвать отношения с нашим отцом так же, как и я, когда узнал, что сделал отец. Санте боролся со своим гневом, но в целом наши отношения были крепче, чем когда-либо. — Да, у нас все хорошо. Так что насчет выпивки. Когда и где ты думаешь?

— Сегодня вечером, и мне все равно где, лишь бы атмосфера была подходящей.

Атмосфера? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Да. Я не говорю о шардоне в тапас-баре. Мы идем куда-нибудь. В клуб. Туда, где есть музыка, под которую мы можем танцевать, и горячие парни, которые купят нам выпивку.

— Эээ, вышла замуж недавно, помнишь? — Я подняла руку, унизанную кольцами, хотя она не могла видеть их через телефон.

— Неважно. Ты не обязана спать с ними.

Я закатила глаза. — Ладно, давай я узнаю у Коннера и свяжусь с тобой.

— И вот почему меня не интересуют властные мужчины, — ворчала она ни с того ни с сего. — Думают, что им принадлежит все, к чему они прикасаются.

Океееей. Кто-то немного чувствителен.

— Напишу тебе через некоторое время, — сказала я, держа свои мысли при себе.

— Звучит неплохо, но мы едем, нравится ему это или нет. — Затем она повесила трубку. Мне пришлось рассмеяться. Моя кухня была немного сумасшедшей, но она также была лучшей.

Я вернулась в офис Коннера, где он проводил большую часть дня, пока не наступало время отпраиваться в Бастион. Сегодня была пятница, так что у него, скорее всего, были планы на работу. Это был единственный недостаток его бизнеса — выходные были временем максимальной нагрузки.

— Привет, — мягко поприветствовала я. — Не возражаешь, если я прерву тебя на минутку?.

— Можешь даже не спрашивать. — Он отодвинулся от стола и окинул меня голодным взглядом. — Что случилось?

— Звонила Пип. Она хочет, чтобы я сходила с ней куда-нибудь сегодня вечером, типа... девичника. — Я сказала себе быть напористой, но слова все равно прозвучали как вопрос. Я немного волновалась, как он отреагирует.

Коннер сцепил пальцы. — Я не вижу в этом проблемы, если только ты возьмешь Шай с собой.

— Правда? — Он уже не казался таким обеспокоенным моей дружбой с Шай, но я все еще была удивлена, что он послал нас в клуб вместе.

— Правда. Если только у меня нет причин для беспокойства? — Он поднял мужественную бровь.

Я подавила ухмылку. — Вовсе нет. Хотя, я не уверена, будет ли она свободна сегодня вечером.

— Она должна была работать. Я сообщу ей, что планы изменились. И не забудь, что завтра у нас день рождения бабушки.

— Это не будет проблемой. Думаю, мне пора начинать собираться. Возможно, Пип захочет поужинать, прежде чем мы выйдем.

— Я завезу тебя по дороге на работу. Просто извести меня о плане, и я передам его Шай.

Я обошла стол и подошла к нему, наклонившись, чтобы прижаться губами к его губам. — Спасибо, малыш.

Его рука обхватила заднюю часть моей ноги, медленно скользя вверх и вниз, кончики его пальцев дразнили чуть-чуть не доходя до вершины моих бедер. — Дай мне сначала посмотреть, что ты планируешь надеть, а потом решишь, хочешь ли ты меня благодарить.

Настала моя очередь поднять брови с вызовом. Быть вежливой и уточнить у него,

прежде чем строить планы — это одно, но эта современная женщина наденет все, что захочет. На самом деле, я вдруг почувствовала острую потребность надеть свое самое откровенное, самое пикантное платье. Не то чтобы у меня было что-то настолько откровенное, но я собиралась покопаться и посмотреть, что я смогу найти.

Я надменно хмыкнула и вышла из комнаты.

Час спустя я снова была в офисе Коннера, подходя к его столу в шалфейно-зеленом платье, которое остановилось совсем рядом с моей задницей, прижимаясь к каждому изгибу, которым я обладала. В остальном оно не было особенно откровенным — вырез не спускался слишком низко, и у него даже были длинные рукава, но это ничуть не уменьшало его сексуальности. Я выглядела сногшибательно, начиная с платья и заканчивая скульптурными волнами в волосах и подводкой для глаз.

Впитывая каждую каплю уверенности, которую давал мой наряд, я подошла к Коннеру и прислонилась бедром к краю его стола. — Готова, — сказала я жеманно, наслаждаясь тем, как напряглось все его тело при виде меня, а глаза расширились до черноты.

Он превратился из вежливого в дикаря в мгновение ока.

Он поднялся со стула, отодвинув его, чтобы освободить мне место. — Иди сюда. — Приказ, словно черный шелк, обвил мое горло, притягивая меня к нему. Я проскользнула в пространство между ним и столом, упираясь задницей в твердое дерево позади меня.

В считанные секунды он вытащил из-за моей спины свой ноутбук и поднял меня на стол. Затем его рука легла мне на грудь, прижимая меня к столу, и мои колени непроизвольно поднялись вслед за телом. Коннер снял мои каблуки и поставил мои ноги на край стола. Я была широко открыта для него, тонкая ткань моих стрингов — единственное, что скрывало от его взгляда мою блестящую киску.

— Блядь, если я отпущу тебя в таком виде. — Его пальцы скользнули под мои трусики, а затем быстро разорвали их. Прежде чем я успела возразить, его рот оказался на мне.

Я задыхалась и извивалась. Он лизал, сосал и покусывал, пока я не потеряла рассудок. Я настолько потерялась в ощущениях, что не сразу заметила, что он поставил на моей внутренней стороне бедра впечатляющий засос. Я даже не могла пожаловаться, когда через несколько секунд он заставил меня увидеть звезды. Оргазм рикошетом вырвался из моей киски, пронесся по моему телу, пока не заполнил каждый уголок эйфорическим блаженством.

— Ты поставил засос, — сказала я буднично, мой мозг был взволнован.

Он нежно поцеловал это место, прежде чем помочь мне вернуться в вертикальное положение. — Иди надень трусики. Пора уходить.

Я собиралась возразить, что он проигнорировал мое замечание, когда вдруг поняла, что стринги, которые я носила, были единственными чистыми, которые у меня остались. — Черт, единственное, что осталось в моем ящике — это трусики для месячных.

Подожди, разве стирка не была закончена два дня назад? У меня должно быть более чем достаточно чистых стрингов.

— Полагаю, тебе придется обойтись, — сказал он, похлопывая меня по заднице, чтобы поторопить, но я никуда не собиралась уходить.

— Ты сделал это специально? Ты держишь мои стринги в плену?.

По его лицу расплзлась самая развратная, дьявольская ухмылка, которую я когда-либо видела. — Ты можешь забрать их завтра. А сейчас тебе лучше поторопиться, а то опоздаешь.

Это было так грубо и нелепо, что я не смогла удержаться от намека на улыбку, когда закатила глаза и ушла.

— Это именно то, что мне было нужно, — сказал Пип под пульсирующую музыку. — И Шай действительно великолепна. Я рада, что Коннер послал ее с нами, хотя в этом и не было необходимости.

Мы обе посмотрели в сторону танцпола, где на Шай положили глаз все мужчины и женщины в этом месте.

— А с ней нам даже не понадобились наши фальшивые удостоверения личности, — добавила я, поднимая свой бокал в тосте.

— Да, черт возьми! — воскликнула Пип, подливая свой мартини в мой, пока мы оба не выпили.

Мы начали наш вечер с вкусной мексиканской кухни и маргариты, прежде чем отправиться в клуб и начать все с коктейля Patrón. Мы пили уже второй мартини, и я почувствовала это.

— Ты, наверное, издеваешься надо мной.

Мои брови сошлись в замешательстве от внезапной вспышки Пиппы. Проследив за ее яростным взглядом, я обнаружила, что Бишоп стоит в другом конце комнаты и смотрит на Пиппу с не меньшей яростью. Я никогда не видела, чтобы этот обычно игривый человек выглядел таким серьезным. Таким жестоким.

— Почему у меня такое чувство, что вы знакомы? — Конечно, они познакомились на моей свадьбе, но их реакция друг на друга выходила далеко за рамки знакомства.

Она глубоко вздохнула и снова перевела взгляд на меня. — Помнишь, когда мы пили у тебя дома и появился Коннер? В тот день он попросил Бишопу отвезти меня домой.

Я совсем забыла.

— И что? — спросила я, зная, что в этой истории должно быть что-то еще. Нельзя было устраивать такие поединки с кем-то, кого ты едва знаешь.

— Мы как бы... узнали друг друга. — Пиппа, королева без сожалений и феминистка экстраординарная, опустила взгляд на стол в нехарактерном для нее проявлении застенчивости.

— Ты же понимаешь, что тебе придется дать мне больше, чем это, — упрекнула я ее.

Она покачала головой и схватила меня за руку. — Хорошо, но не здесь. Давай выйдем и потанцуем. Мы можем обсудить это позже.

О, Боже. Это будет здорово.

Я позволила ей повести меня на танцпол, зная, что позже я буду выпытывать у нее информацию. Танцевальный микс Леди Гаги доносился из колонок до моего тела, где он наэлектризовывал алкоголь, уже бурлящий в моих венах. Я чувствовала себя потрясающе. Мы присоединились к Шай, втроем образовав небольшой круг. Однако он просуществовал недолго. Шай потянула женщину, с которой танцевала, к себе, оставив нас с Пип вдвоем. Мы придвинулись ближе друг к другу, но это не помешало парню подойти к ней сзади и присоединиться к нашему дуэту.

Оказавшись в подобной ситуации раньше, я подняла бровь, мол, хочешь получить помощь? Я могла бы легко оттащить ее и дать этому парню отпор, но Пип отмахнулась от меня. Она не только не возражала против вторжения, но и прислонилась к нему спиной, демонстрируя это. Этот поступок опять же был не в духе, и я поняла его причину несколько секунд спустя, когда Бишоп пробился сквозь толпу и выдернул нас двоих с танцпола.

— Ноэми, позвони своему мужу, чтобы он приехал за тобой. Мы уходим. — Он издал резкий, короткий свист, который мгновенно привлек внимание Шай. Он показал на меня, а затем начал тащить мою кухню к выходу.

Оба широко раскрыв глаза, мы смотрели друг на друга, пока она исчезала в толпе.

Что, черт возьми, только что произошло?

Может быть, это был алкоголь, но я удвоила свои силы в приступе смеха. Я должна была быть вне себя от возмущения из-за моей бедной кухни, но все, что я могла сделать, это смеяться. Кто-то встретил свою пару.

Я объяснила Шай, что произошло, когда она присоединилась ко мне. Она не была готова заканчивать вечер и предложила остаться, но я была готова идти домой. Мы вышли на улицу, чтобы я могла позвонить Коннеру, затем она подождала со мной, пока он придет.

— Не могу поверить, что он оставил тебя там, — ворчал Коннер, когда мы направились домой.

— Я полагаю, ты послал его присмотреть за нами? — Это казалось излишним, поскольку он уже отправил Шай с нами, но я не была шокирована.

— Нет, не посылал, — отрезал он.

— Действительно, — размышляла я. Это было интересно. — Ты знал, что между ними что-то происходит?

— Нет. Это заставляет меня думать, что ничего нет. Он не из тех, кто хранит секреты.

— Пип тоже, но что-то *определенно* происходило. И не расстраивайся, он не оставил меня в одиночку. Ты сам сказал, что Шай надирает задницы.

Он хмыкнул, не отрывая взгляда от дороги.

Я смотрела, как он переключает передачи. — Я только что поняла, как чертовски сексуально наблюдать за тем, как ты водишь машину, — ошеломленно сказала я, протягивая руку через консоль, чтобы провести по его мускулистому бедру.

— Блядь, женщина. — Это было все, что он сказал, прежде чем машина рванула вперед.

Он доставил меня домой и раздели догола в рекордное время, вычеркнув все мысли о моей кухне.

Коннер предупреждал меня не пить слишком много, поэтому на следующее утро я изо всех сил старалась скрыть головную боль. Но он, должно быть, знал, потому что, приняв душ, я обнаружила две таблетки обезболивающего и бутылку воды, стоящие на тумбочке в ванной. К тому времени, когда мы вышли из дома на вечеринку к бабушке, мне стало намного лучше.

Матриарху семьи Байрн исполнилось восемьдесят пять лет. Она и Пэдди совершили редкий выезд из своего дома, обусловив свой внешний вид проведением вечеринки в пабе. Семья нашла самый большой ирландский бар, какой только смогла, и выкупила его на весь день. Заведение было украшено от пола до потолка оттенками лаванды, любимого цвета

Наны, и до отказа заполнено семьей.

Сначала мы пробрались к имениннице. Она ругалась, что мы слишком много шумим из-за нее, но было видно, что она в восторге. Я быстро полюбила бабушку Коннера и была так счастлива быть частью ее особенного дня. Мы немного поговорили, а затем освободили место для новоприбывших, чтобы они могли пообщаться с ней.

Устроившись, Коннер взял себе Гиннес, а я ограничилась содовой. Мой желудок еще не был готов к алкоголю так скоро после ночной вечеринки.

— Я не знала, что Мию пригласили, — сказала я мужу, заметив его родную мать и ее мужа в другом конце комнаты.

— Наверное, мама ее пригласила. За последние пару недель они дважды встречались. Судя по всему, они очень любят друг друга. Немного странно, но я уже привыкаю.

— Это действительно здорово. Твоя мама легко могла почувствовать угрозу с ее стороны. Вся семья так хорошо справилась с этим. В основном.

Коннер сначала рассказал родителям, что Броуди — его биологический отец. Затем он сел за стол с вдовой Броуди и ее тремя детьми. Шай смеялась до посинения. По словам Коннера, ее старший брат, Каэль, выглядел невозмутимым, но старший, Оран, был откровенно насторожен. Он был готов взять на себя роль отца в организации и поспорить с Кейром за лидерство, и не был в восторге от того, что Коннер приобретает все большее влияние в семье.

— Эх, в толпе всегда найдется хотя бы один задира, — пробормотал Коннер. — Как только он увидит, что я не представляю угрозы, он успокоится.

— Я рада, что ты не пытаешься взять на себя командование. Я не хочу иметь такую мишень на твоей спине.

Он обнял меня и прижал к себе. — У меня есть все, что я хочу, прямо здесь, — сказал он, проводя губами по моему уху.

Мне стало тепло от его слов, и, когда он убрал руку, чтобы пожать руку дальнему родственнику, я поняла, что чувствую то же самое. После смерти мамы я говорила себе, что никогда не смогу быть счастливой, выйдя замуж за человека, который вел такую жизнь, как мой отец. Но теперь я знала, что человек — это нечто большее, чем его образ жизни. Человек может жить по иному моральному кодексу, чем общество, и при этом быть благородным. Он может украсть все мои стринги и все равно быть заботливым, приказать мне встать на колени и все равно поклоняться мне, как богине.

И если быть честной с собой, то я не хотела бы получить некоторые его части без других. Коннер был тем, кем он был, благодаря своим темным сложностям, и я обожала каждую его загадочную частичку.

ЭПИЛОГ

Шесть недель спустя

— Нам придется сделать это ежегодным событием, — сказала я Коннеру после того, как наш пилот сообщил нам, что мы приземлимся через полчаса. — Я готова вернуться домой, но также я не могу дождаться возвращения.

Мы провели волшебную неделю медового месяца на Тёрксе и Кайкосе, плавая с маской и трубкой на рифе Смита прямо у берега и нежась на солнце. Это было лениво, роскошно и идеально. У меня был новый золотистый загар перед сезоном дождей дома и цветущая любовь к путешествиям. Я знала, что мой отец путешествовал на частных самолетах, но остальные редко покидали город, а когда и покидали, то летали коммерческими рейсами. Коннер не любил коммерческие рейсы. После роскошного полета на частном самолете его семья я поняла, почему.

— Это можно устроить. Здесь много Карибов, которые нужно исследовать, и в следующий раз, надеюсь, нам не придется лететь в твой день рождения.

— Это не совсем трудная задача, — поддразнила я, подняв руки, чтобы указать на сверкающий салон из вишневого дерева и кожи вокруг нас. Мы с ним сидели в двух мягких креслах лицом друг к другу, мои ноги лежали у него на коленях.

— Да, но это твой двадцать первый. Ты должна праздновать, как все двадцатиоднолетние в свой день рождения.

Я усмехнулась. — Время еще есть.

— Хм, — размышлял он, его лазурные глаза напомнили мне о водах, которые мы только что оставили позади. — Я думал, что подожду, пока мы вернемся домой, чтобы вручить тебе подарок, но думаю, что лучше сделать это сейчас. — Он порылся в сумке для ноутбука рядом со своим креслом и достал маленькую черную коробочку, завернутую в белый атласный бант.

Мои ноги опустились на пол, и я села во весь рост от удивления. — Мы только что провели потрясающий отпуск, тебе больше ничего не нужно было делать.

— Просто открой, — мягко сказал он.

Я развязала бант и подняла крышку, чтобы обнаружить набор сережек-колокольчиков из белого золота — идеальное сочетание с ожерельем моей матери. — О, Коннер, — вздохнула я, и моя рука полетела к кулону на шее. Я носила его почти каждый день с тех пор, как впервые надела несколько месяцев назад, и рассказала ему о значении кулона, когда он спросил. Мне и в голову не приходило, что он сделает что-то настолько невероятно милое, что ювелир изготовит подходящие серьги.

Я закрыла крышку и поспешно поднялась со своего места, чтобы забраться к нему на колени, устроившись в кожаном кресле. — Спасибо, малыш. Они идеальны. — Я прижалась губами к его губам. Руки Коннера сжали мою скромную попку, углубляя поцелуй, когда пилот объявил, что мы приземлимся через пятнадцать минут.

Мы оба замерли, глаза застыли в молчаливом общении.

— Времени достаточно, — прорычал он, поднимая меня на руки и ведя нас в маленькую спальню в задней части самолета.

Я смеялась, пока за нами не закрылась дверь, и комната внезапно наполнилась властным присутствием Коннера. Он уложил меня на кровать, осторожно спустив трусики с бедер. Погода дома была прохладной, но я упрямо носила один из сарафанов, которые взяла с собой в поездку, держась за каждый остаток своего тропического рая.

В считанные секунды Коннер вошел в меня.

За дни, прошедшие после свадьбы, у нас было множество видов секса. Игривый, грубый, грязный и даже нежный. Каждый раз с Коннером казался немного другим, таким же динамичным, как и его многогранная личность. Я обожала каждую версию, но это было больше, чем секс. Наши глаза не отрывались друг от друга, все барьеры были отброшены, и между нами не было ничего, кроме чистой преданности.

Я несколько раз решалась сказать ему о своих чувствах. Признаться в глубине своих чувств к нему. Каждый раз я отговаривала себя от этого, но сейчас слова сами собой пришли на язык.

— Я люблю тебя, Коннер Рид.

Его движения, и без того размеренные и обдуманые, замерли. Он опустил свои губы на мои, прежде чем снова встретиться со мной взглядом.

— Я люблю тебя так чертовски сильно. — В его голосе звучали искренние эмоции, которые наполнили мою грудь восторгом. Он, должно быть, чувствовал то же самое, потому что прошло всего несколько минут, прежде чем мы оба разбились в совместном оргазме.

Ощущения были ошеломляющими и запредельными.

Мне пришлось приказать себе отпустить его, и он, казалось, так же неохотно оторвался от меня. Мы едва успели вернуться на свои места, как колеса самолета коснулись взлетной полосы.

Я выглянула в окно салона, надеясь унять жар, пылающий в моих щеках. Должно быть, я просто сияла. Когда мы повернули к ангару, где стоял самолет, я заметила Кейра, стоящего рядом с черным внедорожником.

— Кейр подвезет нас домой? — спросила я, удивленная тем, что увидела его.

— Нет, он позвонил сегодня раньше и сказал, что ему нужен самолет. Он отправится, как только они заправятся.

Я помрачнела. — Пожалуйста, скажи мне, что они поменяют и постельное белье. — Я не думала, что он сможет почувствовать запах секса на кровати, но все же. Это казалось

неприятным.

Коннер пожал плечами, совершенно не беспокоясь. Мужчины.

Как только самолет остановился и трап опустили, мы вышли на асфальт и замерли. Кейр держал на руках бессознательную женщину. Она была молода и красива, ее длинные русые волосы свободными волнами свисали ему на руку.

— Это дочь губернатора? — небрежно спросил Коннер.

— Да. — Кейр бросил на меня короткий взгляд, протиснулся мимо и поднял женщину в самолет. Никаких других любезностей. Никаких объяснений.

Я была единственной, кто услышал пробормотанное проклятие моего мужа.

— Ну, блядь.

Ты все правильно поняла.

